

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

Корюкина Екатерина Сергеевна

**РИТОРИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ АНТОНИМОВ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
проблема системного описания**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук
профессор Маринова Е.В.

Нижний Новгород – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ	
АНТОНИМИИ.....	11
1.1. Вопрос о границах антонимии в современной лингвистике.....	11
1.1.1. Понятие лексической антонимии	11
1.1.2. Вопрос об энантиосемии как разновидности антонимии.....	17
1.1.3. Понятие межчастеречной антонимии.....	18
1.1.4. Вопрос об асимметрии в антонимии. Понятие «квазиантонимы».....	25
1.2. Противоположность как сущностное свойство антонимии.....	28
1.2.1. Понятие «противоположность» как обыденное и научное.....	28
1.2.2. Типы противоположности.....	44
1.3. Проблема классификации антонимов.....	52
Выводы	60
ГЛАВА II РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЁМ КАК ОБЪЕКТ	
ЛИНГВИСТИКИ.....	61
2.1. Понятия «приём», «троп», «фигура речи».....	61
2.2. Соотношение понятий «риторический» и «стилистический».....	70
2.3. Проблема системности описания риторических приёмов.....	74
2.4. Функциональные возможности антонимов как объект риторики и стилистики.....	82
Выводы	86
ГЛАВА III ФОРМИРОВАНИЕ РИТОРИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ НА	
ОСНОВЕ ЛИНЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ АНТОНИМОВ В РЕЧИ	87
3.1. Типы отношений, реализующихся между антонимами в речи: линейные и нелинейные.....	87
3.2. Линейные отношения антонимов в речи (общие замечания).....	91

3.3. Антонимы в функции противопоставления.....	94
3.3.1. Антитеза.....	94
3.3.2. Разновидности антитезы.....	101
Антиметабола.....	101
Мукабала.....	105
Синкрисис.....	110
Апофонема.....	115
3.4. Антонимы в других семантических функциях.....	118
3.4.1. Акротеза	118
3.4.2. Аллойозис	122
3.4.3. Альтернатеза.....	127
3.4.4. Амфитеза.....	131
3.4.5. Диатеза.....	135
3.4.6. Дизъюнктеза (аллиозис).....	140
3.4.7. Синециозис	144
3.4.8. Синойкейозис	148
<i>Выводы</i>	153
ГЛАВА IV ФОРМИРОВАНИЕ РИТОРИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ НА	
ОСНОВЕ НЕЛИНЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ АНТОНИМОВ В РЕЧИ....	154
Вводные замечания.....	154
4.1. Антифразис	161
4.2. Оксюморон.....	165
4.3. Реконсилия.....	172
<i>Выводы</i>	178
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	179
БИБЛИОГРАФИЯ.....	184
ИСТОЧНИКИ.....	202

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено проблеме описания риторических возможностей антонимов в современном русском языке.

Актуальность работы определяется усилившимся в последние десятилетия интересом к риторике как к научной дисциплине. Один из важнейших её разделов – тропика – включает описание известных ещё со времён античности приёмов выразительности речи, или риторических приёмов (РП). Многие из РП основываются на семантическом и экспрессивном потенциале антонимов. Однако целостного исследования, включающего системное описание риторических возможностей антонимов, в отечественной науке, по нашим данным, не проводилось.

Феномен антонимии как универсальной семантической категории заключается в том, что между антонимами, включёнными в один контекст, **неизбежно** возникает смысловое напряжение. При этом следует учитывать, что если вне контекста (в системе языка) смысловые отношения в антонимической паре ограничиваются лишь семантикой противопоставления, то в конкретных речевых условиях, при определённой речевой организации, для которой важны порядок слов, словесное окружение и т.п., смысловые отношения могут быть иными. Как замечает Л.А. Новиков, отношения, которые реализуют антонимы в речи, разнообразны: отношения соединения, разделения, дополнения, сопоставления, сравнения и др. [см.: Новиков 1973: 126]. Способность антонимов выражать разные смысловые отношения в речи обусловлена «особенностями их семантики, сочетаемости друг с другом», особенностями «тематического, структурного, типологического и стилистического разнообразия» [Матвиевская 1977: 68]. Однако в специальной научной литературе, посвящённой антонимии, акцентируется внимание прежде всего на отношениях противопоставления, а использование антонимов в риторических целях ограничивается, как правило, описанием антитезы.

Недостаточное внимание к семантическим возможностям антонимической пары, погружённой в контекст, сведение смысловых отношений антонимов только к отношениям противопоставления (вспомним хрестоматийные примеры названий художественных произведений, строящихся на антитезе) обедняет представление о возможностях языка в целом и языковой семантике, в частности.

Проведённое исследование отчасти восполняет этот пробел. Мы исходим из того, что антонимы, включённые в один контекст, не только выразительное средство, «украшающее» речь, не только приём, но и смыслообразующие элементы текста. Антонимическая пара имеет большое значение для понимания организации смысловой структуры текста; она задаёт систему его смысловых координат. Исходя из этого считаем актуальным изучение риторических возможностей антонимов на стыке нескольких научных дисциплин – риторики, стилистики, семантики.

Кроме того, важным является решение спорных вопросов о природе антонимии, о границах этого явления, об отношениях антонимии к другим семантическим категориям (например, синонимии) и др. На наш взгляд, структурно-семантический анализ антонимов в конкретном речевом употреблении позволяет уточнить ответы на некоторые из этих вопросов.

Наконец, теоретически значимой является предложенная в работе типология РП. Риторику нередко обвиняют в том, что арсенал РП недостаточно систематизирован (так, в учебных пособиях по риторике избирается таксономический подход в подаче материала, при котором РП даются списком, перечнем). И хотя за последние два-три десятилетия были предприняты попытки выработать единую типологию для РП (см.: Москвин 2006: 9; Волков 2001: 309-330; Копнина 2010 и др.), наблюдения показывают, что типология приёмов риторики (как и на многих других участках языка) должна быть многомерной. В диссертации представлена возможная типология РП, основанных на антонимии, строящаяся на разграничении линейных и нелинейных отношений антонимов в речи.

Объектом диссертационного исследования являются семантические отношения, реализующиеся в речи между антонимами разных типов.

Предмет исследования – риторические приёмы, основанные на антонимии.

Цель работы – представить системное описание риторических приёмов, в основе которых лежит антонимия.

Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**:

- определить границы такого универсального семантического явления, как антонимия;
- установить и описать объём и содержание понятия *межчастеречная антонимия*;
- определить соотношение понятий *риторический* и *стилистический*; выявить особенности РП как объекта лингвистики;
- провести наблюдение за использованием антонимов в речи (на материале пословиц, художественных и публицистических текстов);
- определить состав РП, основанных на антонимии;
- установить структурно-семантическое своеобразие каждого приёма;
- определить системный характер РП, основанных на антонимии, используя понятия *линейные* и *нелинейные отношения антонимов в речи*;
- сформулировать вывод о риторическом потенциале антонимов; о связи риторических возможностей антонимов с особенностями их семантики (наличие/отсутствие многозначности и т.п.).

Теоретической и методологической базой исследования являются работы ученых-лингвистов в области антонимии, таких, как Ю.Д. Апресян, Л.А. Введенская, А.А. Киреев, В.Н. Комиссаров, Дж. Лайонз, М.Р. Львов, Е.Н. Миллер, Л.А. Новиков, Н.Л. Соколова, Д.Н. Шмелёв и др., а также работы, раскрывающие общенаучную сущность основной антонимической категории – противоположности (Аристотель, В.В. Бычков, Л.С. Выготский, Гегель, Н. Гартман, А.Ф. Лосев, К. Юнг).

В настоящей диссертации были использованы исследования, посвящённые экспрессивным возможностям антонимов, их роли в качестве «украшающего»

речь элемента, в частности работы Э.М. Береговской, Т.Г. Бочиной, О.П. Буркановой, И.Б. Голуб, О.Н. Егорченко, А.П. Квятковского, Е.В. Ключева, О.С. Кожевниковой, А.А. Кузнецовой, Б.И. Матвеева, Л.А. Матвиевской, В.П. Москвина, Т.Г. Хазагерова и др.

Методика исследования. Работа выполнена в русле описательного метода лингвистики. Используются общенаучные методики (наблюдение, моделирование, сравнение, интерпретации, обобщение) и специальные: семантико-стилистический анализ, методика лингвистического анализа художественного текста, анализ словарных дефиниций, стилистический эксперимент.

Материалом для исследования послужили художественные тексты русской поэзии и прозы 19-20 вв.: А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Н.С. Лескова, И.А. Гончарова, А.И. Куприна, А.П. Чехова, М.А. Булгакова, А.А. Блока, С.А. Есенина, А.А. Ахматовой, Б.Л. Пастернака, А.С. Грина, А.А. Вознесенского, Е.А. Евтушенко и др.; пословицы и поговорки, а также публицистические тексты некоторых периодических изданий. Всего проанализировано 2188 фактов употребления антонимов в речи.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нём впервые предлагается системное описание риторических приёмов, в основе которых лежит антонимия. Новым также является принцип систематизации данных риторических приёмов, а именно принцип линейности/нелинейности отношений между антонимами. Основой данного разграничения отношений является признак наличия/отсутствия семантических сдвигов, приращений, наложения смыслов. Такой подход в изучении антонимов в речи ранее не применялся.

Впервые определяется сам состав РП, основанных на антонимии (в терминологических словарях и справочниках по риторике и стилистике участие антонимов в создании РП, как правило, ограничивается антитезой, оксюмором, антифразисом, антиметаболой). Наше исследование позволило выявить 16 РП, в создании которых используются антонимы.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно уточняет существующие представления о природе антонимии, её границах, о функциях антонимов различных типов, тем самым вносит вклад в решение некоторых теоретических вопросов лексикологии и лексической семантики. Обнаруженные в ходе исследования факты речевой антонимии подтверждают и развивают положение теории языкознания о диалектическом единстве языка и речи.

В работе представлена система РП, основанных на антонимии. Описание этих РП открывает возможность подобного изучения приёмов, базирующихся на синонимии, паронимии, омонимии. Предложенные дефиниции малоисследованных РП, таких как мукабала, синкризис, синециозис, дизъюнктеза, могут дополнить терминологический и понятийный аппарат риторики как научной дисциплины.

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания языковых и речеведческих курсов (стилистики, риторики, культуры речи, лингвистического анализа текста) в вузах и других учебных заведениях. Кроме того, предлагаемые определения риторических приёмов могут быть полезны при составлении терминологических и энциклопедических словарей и справочников, а также учебных пособий.

На защиту выносятся **следующие положения:**

1. Основным категориальным признаком антонимии является противоположность значений языковых единиц. Противоположность семантики может проявляться как при одинаковой, так и при разной морфологической принадлежности слов (одночастеречная и межчастеречная антонимия). Наличие антонимичных связей не ограничивается принадлежностью к тому или иному грамматическому классу слов.

2. Типы отношений, реализующиеся между антонимами в речи, могут являться основой для систематизации риторических приёмов, строящихся на антонимии. По наличию/отсутствию семантических изменений антонимов выделяется два основных типа: линейные и нелинейные отношения.

3. Линейные отношения между антонимами реализуются при взаимодействии одного значения слова с противоположным значением другого слова. Смысл высказывания, который формируется при употреблении антонимов, образующих линейную связь, определяется при последовательном осмыслении противоположных значений. Линейные отношения не влияют на языковые свойства слов, составляющих антонимическую пару (лексическое значение, грамматические признаки).

4. В результате линейных отношений между антонимами может формироваться семантика противопоставления, которая реализуется в таких РП, как антитеза и её разновидностях (антиметабола, мукабала, синкризис, апофонема). Иные семантические отношения реализуются в других РП: усиление одного признака за счёт отрицания противоположного и сравнение с противоположным (акротеза, синойкейозис); чередование и разделение (альтернатеза, дизъюнктеза); соединение в единое целое (амфитеза) и соединение в противоречии (синециозис); взаимное отрицания (диатеза).

5. При нелинейной связи антонимов в речи наблюдается их семантическое преобразование (сдвиг значения, приращение смысла или наложение значений). Одним из существенных факторов, способствующих формированию нелинейных отношений, является многозначность антонимов. При употреблении многозначного слова актуализируются сразу два его значения, каждое из них по-разному взаимодействует с антонимичным словом. Намеренность подобного использования многозначного слова (или слов) может стать основой для алогизма, языковой игры, выразительности.

6. В создании приёмов, основанных на нелинейных отношениях, может быть использована как антонимическая пара, так и один член антонимической пары (как в антифразисе или реконсилии).

Апробация и внедрение результатов исследования: Основные положения диссертации неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры современного русского языка и общего языкознания филологического факультета Нижегородского государственного университета. Базовый теоретический

материал изложен на аспирантских семинарах. Идеи, положения, выводы работы были представлены автором на научных конференциях разного уровня: международных («Язык, литература, культура на рубеже XX-XXI веков (Нижний Новгород, 2011), «Проблемы языковой картины мира» (Нижний Новгород, 2012), «Историческая русистика и славянское языкознание в начале XXI века: проблемы и перспективы» (Нижний Новгород, 2013); межрегиональных («Русский язык как государственный язык Российской Федерации: лингвистический, ценностный, эстетический, социальный, историко-культурный статус» – Арзамас, 2012).

Основные положения и результаты исследования изложены в 9 публикациях по теме исследования, в том числе в 5 статьях в изданиях, входящих в список ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка использованной литературы. Список литературы включает 191 наименование.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ АНТОНИМИИ

1.1. Вопрос о границах антонимии в современной лингвистике

1.1.1. Понятие лексической антонимии

Принято считать, что в русской лингвистической литературе первое упоминание об антонимах принадлежит А.М. Пешковскому [Пешковский 1959: 175], однако, по мнению В.А. Ивановой, попытка объяснить сущность антонимов впервые предпринимается И.Ф. Клайдовичем в книге «Краткое изложение правил для составления ручного словаря нынешнего языка русского, с приложением пробных листов словаря», датированной 1826 годом [Иванова 1980: 100]. В.А. Иванова, ссылаясь на первоисточник, пишет, что автор вышеназванного издания, отмечая неразработанность и новизну самой проблемы антонимии, «антонимы обозначает как “противоречащие слова”» и «объясняет, как создано слово: “греч. anti – против; опута – слово”» [там же]. Развитие лингвистической науки и систематизация накопленных знаний позволяют изучать языковую сущность и функциональный потенциал данного явления и, следовательно, совершенствовать теоретическую базу, касающуюся настоящего объекта исследования.

Традиционно антонимами называют «пару противоположных в семантическом отношении слов» [ПРС], либо «слова, имеющие противоположные значения» [ССЛТ], либо «слова с противоположными по отношению друг к другу значениями» [Будагов 2003: 72-73]: *доверие – недоверие, накопитель – расточитель, сжимать – разжимать, утвердительно – отрицательно, да – нет*. Следует обратить внимание на то, что, как правило, ключевым в понимании языковой антонимии является представление о семантической противоположности как выражении максимального смыслового различия соотносительных лексем, то есть слов, объединённых общим родовым понятием. Например, для антонимов *длинный – короткий* родовым понятием будет «протяжённость»; это говорит о том, что представление о протяжённости является общим смысловым компонентом для слов с противоположным

значением: так, *длинный* следует толковать как значительный по протяжённости, а *короткий* как незначительный по протяжённости.

Таким образом, понятие «противоположность» выступает в качестве основного категориального признака антонимии. Некоторые исследователи-лексикологи определяют антонимию как «наиболее полное противопоставление слов» [Шмелёв 1977: 145] или как «семантическую противопоставленность» [СЛТ]. См., например, точку зрения Д.Н. Шмелёва: «Антонимичными могут быть слова, противопоставленные по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку, причём находящимися на самых крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы» [Шмелёв 1977: 145]. Таким образом, принципиального различия между противоположностью и противопоставленностью, противопоставленными и противоположными словами не проводится. Однако их следует различать. Морфологическая выраженность и морфемный состав слов *противопоставленный* и *противоположный*, *противопоставленность* и *противоположность* помогают понять, в чем заключается разница между соответствующими понятиями.

Слово *противопоставленный* является страдательным причастием прошедшего времени, то есть особой формой глагола, сохраняющей семантическое содержание глагола *противопоставлять* как процесса. Процессуальное значение имеет и отглагольное существительное *противопоставление*. С точки зрения логики, процесс заключается в закономерной, «последовательной, непрерывной смене следующих друг за другом моментов развития чего-либо» [ЛС-С]. Следовательно, противопоставление обозначает прежде всего процесс, в данном случае ход мысли, предполагающий протяжённость во времени.

Понятие противопоставления, используемое в осмыслении лексической антонимии, отражает, на наш взгляд, прежде всего прагматические, касающиеся «функционирования языковых знаков в речи» связи слов [БЭСЯ]. Думается, что антонимию как языковое явление необходимо определять через слово, семантика которого не была бы основана на преходящем, сменяющемся действии, как в

случае с противопоставлением. Таким словом является, по нашему мнению, «противоположность». Осмысление антонимии связано с понятием «противоположный». Лексическая противоположность выделяет заданную пару слов среди других пар. Например, пары слов *молодой* – *старый*, *кричать* – *молчать* противоположны по значению, чем и отличаются от пар *старый* – *пожилой*, *кричать* – *орать*, семантика которых сходна. Кроме того, *молодой* – *старый*, *бежать* – *стоять*, *вход* – *выход* и др. во всех контекстах выступают как противоположности, то есть противоположность выступает в качестве устойчивой постоянной составляющей языкового значения, и, как справедливо замечает В.Н. Комиссаров, «антонимичность не является чем-то внешним по отношению к слову, а непосредственно входит в его смысловую структуру, представляя собой определённое качественное изменение лексического значения слова» [Комиссаров 1962: 169].

Итак, выявленные особенности содержания понятий *противоположность* и *противопоставленность* демонстрируют, что первое необходимо использовать в качестве категориального признака при определении антонимии, а второе характеризует отношения, в которые вступают знаки языковой системы в речи (не обязательно антонимы). Например, *сегодня* является семантической противоположностью к слову *завтра*. В выражении ***Сегодня*** не скажешь, а ***завтра*** уже не поправишь слово *сегодня* противопоставляется противоположному по значению слову *завтра* (А. Вознесенский «Плач по двум нерождённым поэмам»). В предложении ***Медведь*** пляшет, а ***поводырь*** деньги берёт (пословица) лексеме *медведь* противопоставлена не выражающая по отношению к ней наибольшее различие лексема *поводырь*.

Таким образом, для антонимов прежде всего характерно выражение взаимной противоположности. При этом стоит сказать, что в научной литературе, посвящённой вопросу лексической антонимии, высказывается мнение, согласно которому «антонимы ограничиваются сферой тех слов, которые так или иначе, прямо или косвенно связаны с выражением качественных понятий» [Будагов 2003: 73], например, *длинный* – *короткий*, *холодный* – *горячий*. Подобной позиции

придерживались такие лингвисты, как Р.А. Будагов [Будагов 2003], Д.Н. Шмелёв [Шмелёв 1977: 146], Л.А. Булаховский [Булаховский 1953: 45]. Данные словарей антонимов подтверждают, что «антонимические отношения в наибольшей степени свойственны качественным прилагательным и наречиям» [Крысин 2007: 90]. Однако отметим, что противоположность свойственна различным сферам бытия, а значит, лексемы, именующие максимально несхожие реалии, могут выступать в речи в качестве антонимов. Так, в русском языке существует множество слов, которые могут выражать крайнее различие, но при этом обозначать, например, количество (*много* – *мало*, *все* – *никто*), действие (*бодрствовать* – *спать*, *вянуть* – *цвести*), предмет (*голова* – *хвост*, *земля* – *небо*), пространственные или временные характеристики (*далеко* – *близко*, *извне* – *внутри*, *ещё* – *уже*, *завтра* – *сегодня*). В антонимические отношения могут вступать имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия, предлоги. Стоит отметить, что в словаре антонимов Н.П. Колесникова можно обнаружить как не совсем привычную для понимания антонимии пару *брысь* – *кис-кис*, так и более типичную *шум* – *тишина* [Колесников 1972]; в словаре М.Р. Львова мы находим *да* – *нет*, *дай* – *на*, *к* – *от*, *за* – *перед*, *несмотря на* – *благодаря* и др. [Львов 1988] Слова во всех этих парах реализуют по отношению друг к другу противоположность значений.

Итак, антонимия характерна не только для прилагательных или качественных наречий, но и для глаголов, модальных слов, предлогов и др. Существование антонимичных отношений не ограничивается принадлежностью к тому или иному грамматическому классу слов.

Однако не всякое проявление противоположности значения, по мнению Дж. Лайонза, следует относить к антонимии. Существуют сложные, с логико-семантической точки зрения, границы в отношении понимания явления антонимии. Так, если признак, на основе которого формируется противоположность значения, имеет количественное проявление, а значит, может увеличиваться или уменьшаться, то есть градуироваться (например, *горячий* – *тёплый* – *холодный*), тогда слова, обозначающие крайние проявления этого

признака, правомерно будет обозначить термином «антонимы». Градацию Дж. Лайонз связывает с операцией сравнения: при анализе признака (свойства, состояния) усматривается его большее или меньшее проявление. Таким образом, составляющие антонимичной пары могут иметь связь гипотетического характера, то есть если слово потенциально имеет соответствующий антоним, но в контексте присутствие этого антонима не обусловлено, тогда второй компонент восстанавливается посредством осмысления вероятной противоположности по отношению к названному слову через процесс сравнения. В примере *Вода в красной кружке **холоднее**, чем в синей* антоним *теплее* «может быть восстановлен из контекста» [Лайонз 1978: 488]. А в предложении *Насколько **холодна** вода в красной кружке?* антоним *горячий* подразумевается исходя из представления о некоторой релевантной шкале, по которой один компонент выступает в качестве крайней точки положительного полюса, а второй – отрицательного полюса, причём между этими точками имеются промежуточные переходные состояния. В подобных контекстах, по мнению автора, пара противоположных по значению слов может быть представлена только одним членом [там же: 492]. «Воссоединение» составляющих пары опирается на ассоциативную связь между обозначаемыми понятиями. Таким образом, присутствие второго члена антонимической пары не является необходимым элементом в тексте.

Может возникнуть вопрос, есть ли практическая коммуникативная необходимость знания о существовании потенциального антонима в таком варианте? Да, действительно, при таком «имплицитном» (Дж. Лайонз), скрытом сравнении наше сознание осуществляет логические операции, в ходе которых мы пытаемся понять степень проявления градуированного признака относительно некоего «нулевого меридиана», однако антонимия является лингвистической категорией и смысл возникновения антонимической пары заключается в их взаимодействии и реализации различных семантических отношений [Корюкина 2011]. В этой связи неясным кажется, почему за основу исследования противоположных по значению пар выбраны именно отношения сравнения. Предположительно, процесс сравнения выступает в качестве доказательства

возможной градации в выражении признака, то есть признаётся только градуальная противоположность значений, но демонстрация механизма действия логической операции не создаёт чёткого представления о самом понимании антонимии, её потенциале. Отметим, что противоположность значений слов (во всяком случае, в русском языке) представлена достаточно широко. Существенное сужение границ описываемого явления выводит за пределы явления антонимии большое количество не предполагающих градуирования слов, которые реализуют отношения крайнего различия, например: *вход – выход, напрягать – расслаблять, правда – ложь*.

Соглашаясь с точкой зрения Дж. Лайонза, отметим, что в речи возникают такие коммуникативно обусловленные ситуации, при которых антонимичная пара представлена одним членом, например, когда воспроизводится слово с определённой семантикой, а подразумевается слово с противоположным значением: *Да, замечательная красота,* – сказал Вася, глядя с некоторым изумлением на облуленную штукатурку дома (М.М. Зощенко «Любовь»). Маркированное словосочетаниями *некоторое изумление* и *облуленная штукатурка* неприязненное впечатление героя от окружающей обстановки говорит о том, что вместо слова *красота* мыслится противоположное по значению *безобразие* (приём иронии). Второй член антонимической пары при действительном отсутствии в тексте всё же подразумевается, в результате можно обнаружить иронический подтекст высказывания. Ирония в данном случае опирается на семантическую связь между антонимами. Таким образом, «демонстрируется» не прямое использование антонимов.

Итак, в основе антонимии лежит понимание противоположности. Слова-антонимы выражают значение взаимной противоположности. Как правило, антонимия представлена парой слов, однако в речи возможны случаи, когда антонимия представлена одним членом, то есть между антонимами реализуется гипотетическая связь.

1.1.2. Вопрос об энантиосемии как разновидности антонимии

Следует также упомянуть о явлении, называемом в научной литературе разновидностью антонимии, – энантиосемии, или внутрисловной антонимии [Крысин 2007: 92]. Анализируя явление энантиосемии, обратимся к толкованию самого термина. Обычно **энантиосемию** рассматривают как сочетание противоположных сем в многозначном слове. Например, слово *отболеть* может употребляться в значении ‘выздороветь после долгой болезни’ (*Отболел простудой и вышел на службу*) и в значении ‘умереть из-за продолжительной болезни’ (*Отболел, сердешный, помер то есть.*). В случае энантиосемии одна языковая единица имеет такие значения, которые оказываются противоположны и которые равноправно сосуществуют в одной лексеме, то есть форма выступает как константа при поляризованной семантике. Существует точка зрения [КР; ВР], согласно которой причиной возникновения энантиосемии может стать регулярное употребление слова в значении, противоположном словарному, что со временем фиксируется лексикографическими источниками. Кроме того, объяснит существование двух противоположных сем эмоционально-оценочного характера различие в оценивании одного и того же явления, то есть в способности человеческого мышления «находить разные аспекты одного и того же понятия, критически осмысливать окружающую действительность, вплоть до полного противопоставления различных сторон одного и того же феномена. На внутрисемном уровне слова это находит выражение в перегруппировке сем, в выдвижении контрастивного компонента с противоположным знаком» [Цоллер 1998: 78].

На наш взгляд, возникновение противоположных сем, как и любых других сем, внутри одного слова связано с процессом функционирования слова в речи, поэтому рассмотрение особенностей энантиосемии сопряжено с пониманием полисемии. При полисемии «семантическое отношение внутренне связанных (мотивированных) значений, выражаемых формами одного слова (одной лексемой) и разграничиваемых в тексте благодаря разным, взаимоисключающим позициям этого слова» [Новиков 1982: 189]. Противоположные семы можно

различать по контексту: *задуть свечу (погасить)* – *задуть камин (разжечь)*. Отметим, что иногда противоположные значения синхронно актуализированы в речи для создания нарочитой двусмысленности: *Уж славили, так славили!*

Таким образом, в случае энантиосемии исключение одной из противоположных сем происходит благодаря определённому словесному окружению. Как замечает О.М. Соколов, происходит «семантическая поляризация вариантов одной лексемы, зачастую зависящая от различий в составе лексических партнёров» [Соколов 1980: 42]. Так, в словосочетании *задуть свечу* мы не можем предположить значение ‘разжечь’, ибо пламя свечи при дуновении непременно погаснет, а для словосочетания *задуть камин* не «подойдёт» значение ‘погасить’, поскольку у человека физически не получится потушить огонь в камине, если он будет дуть на пламя.

Итак, существование противоположных сем в семантической структуре одного слова считать энантиосемию особой разновидностью антонимии. Эта особенность проявляется в том, что антонимами могут являться не два слова, а два лексико-семантических варианта.

1.1.3. Понятие межчастеречной антонимии

Определяя границы антонимии, мы установили, что противоположность является её основным условием и что антонимия может быть представлена парой семантически противоположных слов, а также одним словом, в семантической структуре которого есть противоположные лексико-семантические варианты. Наиболее спорным в отношении антонимии является вопрос о том, следует ли называть антонимами слова, принадлежащие к разным частям речи.

По мнению таких лингвистов, как Л.П. Крысин, Н.Л. Соколова, В.А. Иванова, члены антонимической пары должны быть словами одной части речи, например, *правда* – *ложь*, *сон* – *явь*, *кричать* – *молчать*, *добрый* – *злой*, *можно* – *нельзя*. Слова *правда* – *лживый*, *молчаливый* – *кричать*, с этой точки зрения, антонимами считаться не могут.

Иной позиции придерживаются такие исследователи, как Е.Н. Миллер, Н.Б. Боева, В.А. Сазонова, В.И. Скибина, которые утверждают, что антонимами

можно считать слова, принадлежащие к разным частям речи [Миллер 1981; Боева 2001, 2013; Сазонова 2011; Скибина 2006]. В работах этих учёных на большом языковом материале доказывается систематичность и закономерность такой антонимии. Для её обозначения Е.Н. Миллером предложен термин «межчастеречная антонимия», которую он трактует как «антонимию противоположных по лексическому значению слов разных частей речи», например *сознательный* – *несознательно* [Миллер 1987: 88]. В случае с межчастеречной антонимией актуализируются словообразовательные связи слов, позволяющие раскрыть возможности единиц языка с противоположным значением. Установление словообразовательной родственности слов помогает понять, сущность межчастеречной антонимии. Покажем это на примере.

*Посмотришь, Илья Ильич и отгуляется в полгода, и как вырастет он в это время! Как **потолстеет**! Как спит славно! Не налюбуйешься на него в доме, замечая, напротив, что возвратясь в субботу от немца, ребёнок **худ** и бледен* (И.А. Гончаров «Обломов»). Слова *худ* и *потолстеет* принадлежат к разным грамматическим классам: *худ* – это краткое прилагательное, *потолстеет* – глагол. Однако если исходить из того, что «антонимичность между разнокорневыми словами возникает благодаря противоположности значений основных их смыслообразующих компонентов – корней» [Миллер 1980: 80], тогда *худ* и *потолстеет* действительно следует признать антонимами, поскольку семантика корня *худ-* выражает противоположное значение по отношению к семантике корня *толст-*. Полная форма прилагательного *худой* соотносится с прилагательным *толстый*. Таким образом, мы получаем пару *худой* – *толстый*. То есть слова *худ* и *потолстеет* противоположны по лексическому значению **корней** как носителей интегральных признаков. Это значит, что прилагательное *худой* антонимично не только по отношению к прилагательному *толстый*, но и к глаголу *потолстеет*, в чём можно вполне убедиться, обратившись к толкованию значений рассматриваемых слов: **потолстеть** – «стать толстым, толще» [БТС], **толстый** – «полный, тучный» [БТС], следовательно, **потолстеть** – стать полным, тучным, что противоположно значению слова **худой** – «имеющий тонкое,

сухощавое тело» [БТС]. Таким образом, мы можем отметить, что производное от слова *толстый* слово *потолстеет* опосредованно через корень «заимствует» значение, антонимичное слову *худой*.

Итак, однокоренные слова, принадлежащие к разным частям речи (например, *сознательный* – *несознательно*, *худой* – *толстеть*), на наш взгляд, могут являться антонимами, поскольку сохраняют семантику взаимной противоположности. В то же время следует учитывать, что, руководствуясь исключительно корневой семантикой с формальной точки зрения, например при автоматизированном отборе одночастеречных и межчастеречных антонимов, может быть допущена ошибка. Возьмём три пары слов: *сознательный* – *инстинктивно*, *несознательный* – *инстинктивно*, *сознательный* – *несознательно*. Первую пару мы определим как антонимичную, применяя ту же методику, что и со словами *худ* – *потолстеть*. Анализируя вторую пару по тому же принципу, будем считать её также антонимичной, поскольку корни *созна-* и *инстинкт-* выражают семантическую противоположность: семантику первого корня определим по значению слова *сознание* («человеческая способность воспроизведения действительности в мышлении»; «мыслительная деятельность, ум, разум» [БТС]), а семантику второго – по значению слова *инстинктивно*, то есть с «врождённой способностью животных организмов к совершению целесообразных действий по непосредственному безотчётному побуждению»; «чувством» [БТС]. Несмотря на то, что ни один из этапов рассуждения не был нарушен, мы понимаем абсурдность вывода о том, что слова *несознательный* – *инстинктивно* являются антонимами. В этом случае следует принимать во внимание, что префикс *не* отрицает исходную семантику слова, то есть фактически *несознательный* – *инстинктивно* могут быть использованы для выражения равной по смыслу информации.

Остаётся открытым вопрос в отношении третьей пары *сознательный* – *несознательно*. Мы не можем назвать её антонимичной, поскольку корневая семантика одинакова. Данная мысль не позволяет согласиться с мнением Е.Н. Миллера, согласно которому «антонимичность между разнокорневыми

словами возникает благодаря противоположности значений основных их смыслообразующих компонентов – корней» [Миллер 1980: 80]. Подводя итог настоящим размышлениям, отметим, что исключительно противоположность значений корней не является достаточным фактором для отнесения слов к семантической категории антонимов, в чём мы убедились выше, анализируя слова *несознательный – инстинктивно*. Поэтому в данной работе слова, которые потенциально могут быть названы антонимами и которые принадлежат к разным частям речи, предполагается анализировать, сопоставляя не столько значения корней, сколько значения основ, с которыми «связывается лексическое (реальное, вещественное) значение» слов [СЛТ]. В состав многих основ входят префиксы со значением отрицания, такие как *не-*, *без-*, которые, присоединяясь к бесприставочной основе, меняют значение слова на противоположное: *важный – неважно*, *невиновный – виновный*, *бескорыстный – корыстность*, *бесполезно – полезно*.

Некоторые учёные, например А.А. Киреев, Н.В. Баско, считают возможным называть антонимами однокоренные слова, различающиеся наличием/отсутствием суффикса субъективной оценки (например, *рука – ручища*), а также однокоренные прилагательные, одно из которых содержит суффикс превосходной степени, а другой – суффикс, обозначающий неполноту признака, например *глупейший – глуповатый* [Киреев 1954: 12; Баско 1998: 54]. Такие слова, на наш взгляд, не выражают взаимной противоположности понятий. Они обозначают ослабленное, а не максимальное различие, хотя в некоторых случаях это различие может играть существенную роль для противопоставления объектов. Например: *Этот умок помогает с успехом проявляться в обиходной жизни, делать мелкие делишки, прятать грешки и т.д. Но когда женщинам возвратят их права – эта тонкость, полезная в мелочах и почти всегда вредная в крупных, важных делах, уступит место прямой человеческой силе – уму* (И.А. Гончаров «Обрыв»). Семантическое различие однокоренных слов *умок – ум*, различающихся наличием/отсутствием суффикса субъективной оценки, позволяет

автору противопоставить местечковость бытовой смекалки и широту свободного мышления.

В научной литературе, посвящённым вопросам антонимии, существует такая точка зрения, согласно которой антонимами можно считать только разнокоренные слова [Булаховский 1953: 45]. Это мнение основывается на том, что корневая семантика позволяет выразить наибольшее различие. Мы придерживаемся другой точки зрения и считаем, что к антонимам следует отнести как однокорневые, так и разнокорневые слова, поскольку противоположность интегральных признаков (семантика корней) без учёта дифференциальных, возникающих в процессе словопроизводства признаков, как было доказано выше (на примере слов *несознательный* – *инстинктивно*), не всегда обеспечивает противоположность значений слова. Кроме того, как замечает Д.Н. Шмелёв, «признание антонимами только разнокоренных слов, по существу, не отражает действительного положения вещей, так как выражение антонимических отношений при помощи префикса *не-* занимает ведущее место в современном русском языке» [Шмелёв 1977: 146]. Действительно, одна из наиболее продуктивных моделей антонимической пары включает единицы, различающиеся наличием/отсутствием префикса *не*: *быль* – *небыль*, *знакомый* – *незнакомый*, *покорно* – *непокорно*.

После того, как мы рассмотрели вопрос о некоторых словообразовательных особенностях антонимов, вновь обратимся к наиболее спорному вопросу в определении границ антонимии – вопросу об обязательной/необязательной морфологической однородности слов-антонимов. Отметим, что Л.А. Новиков межчастеречную антонимию рассматривает как разновидность речевой антонимии, полагая, что максимально возможное различие обусловлено определённой ситуацией противоположения [Новиков 1966: 85]. С нашей точки зрения, слова, принадлежащие к разным частям речи, могут являться языковыми антонимами, поскольку противоположность значений основ обеспечивает противоположность словарных значений слов. Как пишет Е.Н. Миллер, «антонимия – это категория плана содержания, поэтому возможны

противопоставления любых номинативных единиц с противоположным значением, независимо от плана выражения» [Миллер 1980: 78]. Каждая из номинативных единиц, образующих антонимичную пару, выражает максимальное различие сущностно, то есть «в совокупности всех необходимых сторон и связей (законов)» [ЛС-С]. Л.А. Введенская считает, что «слова-антонимы называют понятия, принадлежащие к одному и тому же ряду явлений объективной действительности» [Введенская 2005: 7]. Из сказанного следует, что слова, называющие понятия, которые подтверждают единую сущность явления, равноправны в смысловом отношении, а значит, слова, принадлежащие к разным грамматическим категориям, имеют одинаковые возможности в представлении того или иного процесса, признака, объекта и т.д. Так, например, слова *вечер*, *вечерний*, *вечером* производные от слова *вечер* ‘часть суток от окончания дня до наступления ночи’. Каждый из этих слов может быть антонимом к любому из слов, производных от слова *утро* ‘часть суток от окончания ночи до наступления дня’, – *утро*, *утренний*, *утром*. Значит, межчастеречная антонимия выражает взаимную противоположность слов.

Анализируя базовые составляющие межчастеречной антонимии, мы не можем не отметить, что свободные ассоциативные эксперименты, проводимые под руководством В.И. Скибиной, говорят о том, что ассоциации по контрасту возникают в первую очередь между антонимичными словами, принадлежащим к одной части речи. Так, например, ассоциат на слово *живой* – слово *мёртвый*. Исследователь, признавая независимость антонимичности слов от их грамматической формы, объясняет данные экспериментов действием принципа «минимального контраста», суть которого заключается в том, что вероятность актуализации слова-реакции возрастает при сокращении общих различий его со словом-стимулом [Скибина 2006: 1]. Отношения между словом-стимулом и словом-реакцией являются отражением лингвокультурных, познавательных процессов человеческого сознания. Человек, сопоставляя и отбирая сведения, полученные в процессе осмысления мироздания, обнаруживает, что существуют предметы и явления, которые, имея некое общее

родовое происхождение, максимально различаются по частным, видовым свойствам, как сладкое и горькое, тёмное и светлое, жить и умереть. Мозг старается систематизировать всю получаемую информацию, создавая базу противоположных сущностей. Антонимы являются лишь отражением экстралингвистических реалий, которые «существенно различаются, то есть противоположны, с точки зрения носителя языка, его ценностно-мировоззренческой структуры» [Новикова 2010: 15]. В таком случае не имеет принципиальной разницы, как в языке обозначены эти реалии. Если коммуникативная задача состоит в том, чтобы максимально несходные по своей сути явления, предметы были воплощены словами, являющимися разными частями речи, то мышление в любом случае их будет воспринимать в качестве противоположностей. Например, если в оценке качества вкуса мы воспринимаем горькие и сладкие продукты как максимально различающиеся, тогда *горечь* и *сладкий*, *горечь* и *сласть* (прост.) следует также определять в качестве противоположных по значению слов, отражающих действительность, несмотря на их несимметричность с точки зрения системности языка: первая пара состоит из слов, принадлежащих к разным грамматическим классам, вторая – из единиц, неоднородных по сферам речевого функционирования.

Е.Н. Миллер считает, что «антонимия объективно в любом случае обозначает односущностные явления реального мира» [Миллер 1981: 82], поэтому «не межчастречная антонимия асимметрична соответствующим грамматическим категориям, а наоборот, грамматические категории асимметричны соответствующим антонимичным оппозициям номинативных единиц» [там же]. Грамматическая выраженность не существенна по отношению к семантическому содержанию. Семантические категории выражают индивидуальное лексическое значение слов, а грамматические категории связаны со стандартными грамматическими значениями, «принадлежащих целому классу слов или целому классу словесных форм» [Головин 1977: 134]. Грамматические категории выявляют типизированные связи определённой формы, при этом конкретные значения входят в общее грамматическое значение.

Итак, главным для антонимов остаётся способность выражать противоположность значения по отношению к корреляту. Такая способность, как замечает Е.Н. Миллер, может быть обнаружена и в парах «слово – фразеологическая единица», например *трудиться – бить баклуши*: «слово – сочетание слов», например, *спуск – набор высоты* [Миллер 1980: 78]. По-видимому, противоположность семантики в этих случаях формируется на основе совокупного значения сочетания слов или фразеологизма.

Подводя итог, отметим, что межчастеречная антонимия не нарушает границы лексической антонимии. Мы показали, что наиболее важным при анализе антонимов, является семантика противоположности основ. Поэтому слова, которые принадлежат к разным частям речи, могут являться антонимами.

1.1.4. Вопрос об асимметрии в антонимии. Понятие «квазиантонимы»

Выяснив, что антонимическая парадигма может быть представлена не только словами, являющимися разными частями речи, но и единицами разных языковых уровней (слово – словосочетание), мы задаёмся вопросом о том, следует ли при определении антонимии учитывать факт неравенства, или асимметрии, между антонимами? Проанализируем мнения учёных в отношении симметрии/асимметрии в антонимии.

Вопрос о симметрии/асимметрии антонимов в лингвистике решается по-разному. Большинство исследователей симметрию считают основным критерием антонимичности [Новиков 1973; Соколова 1977; Грузберг 2009]. Аргументом к требованию симметричности слов-антонимов выступает мнение, что они должны быть свободно взаимозаменяемы в речи [Шмелёв 1977: 140]. Антонимы, выражая противоположность, являют собой пару слов или лексико-семантических вариантов (см. подробнее раздел 1.1.2). На наш взгляд, для антонимов нет необходимости взаимозаменяться в речи. Взаимозаменяемость присуща синонимам. Довод о взаимозаменяемости антонимов в пользу симметричности антонимии кажется неубедительным.

Ю.Д. Апресян в своей работе «Лексическая семантика. Синонимические средства языка», анализируя смысловое содержание слов-антонимов, доказывает,

что «асимметричность – универсальное свойство антонимов», что большинство из них «обнаруживает принципиальную семантическую асимметрию», которая «проявляется внешне в разного рода ограничениях их сочетаемости, причем господствующей закономерностью является, как и в других подобных случаях, не только большая употребительность, но и большая дистрибутивная свобода семантически более простого члена каждой антонимической пары» [Апресян 1974: 304]. Например, предлоги *над* и *под* не обнаруживают параллелизма, поскольку *над* указывает только на неконтактную связь предметов (*Над кроватью расположена полка*), в то время как *под* может маркировать как контактное (*Лежать под одеялом*), так и неконтактное (*Стоять под зонтом*) отношение между предметами [там же: 161]. Кроме того, исследователь замечает, что в парах, имеющих параметрические значения, слово с компонентом ‘меньше’ семантически сложнее слова с компонентом ‘больше’ [там же: 303]. Так, в паре *мелкий – глубокий* первый компонент имеет предел проявления признака: крайний уровень мелкоты, например, в водоёме – это территория близ самого берега, далее следует непосредственно суша. Глубину же можно увеличивать бесконечное число раз: она обладает свойством неопредельности (дно выступает в качестве показателя уровня глубины и может варьироваться), как и другие подобные параметры – длина, высота, ширина. Таким образом, слова *мелкий*, *узкий*, *короткий* содержат информацию о предельности обозначаемого параметра, при том что данной семой не обладают слова *глубокий*, *широкий*, *длинный*, поэтому соответствующие антонимичные пары не могут быть названы симметричными в семантическом плане.

Противоположна точке зрения Ю.Д. Апресяна идея Л. Грузберг о том, что антонимы «представляют собой эквиполентную оппозицию» [Грузберг 2009]. Согласно этой идее следует строго разграничивать симметричность и асимметричность лексем. То есть слова, обозначающие эквиполентные понятия («понятия, имеющие одинаковый объём, но различающиеся своим содержанием» [ЛС-С]), имеют право быть названы антонимами при условии, что они являются однородными в стилистическом и грамматическом плане. С этой точки зрения

антонимия определяется как «двучленный парадигматический ряд, слова которого связаны отношениями противоположности». И если пары не соответствуют условию однородности, то их следует именовать **квазиантонимичными** [Новиков 1973; см. также: Львов 1988; Крысин 2007]. Например, слова в паре *благоухать* – *вонять* в «Словаре антонимов русского языка» под редакцией М.Р. Львова отмечены как квазиантонимы, так как данные слова стилистически не соотносимы: слово *вонять* принадлежит к разговорной сниженной лексике и имеет в толковом словаре соответствующую помету, *благоухать* является ярко выраженным книжным словом. На наш взгляд, слова в таких парах выражают противоположность, несмотря на стилистическую нетождественность, а значит, являются антонимами.

По мнению Ю.Д. Апресяна, «квазикатегориями считаются такие пары слов, совпадающая часть значений которых не меньше, чем сумма их семантических различий» [Апресян 1974: 158]. Следовательно, общих признаков в значении антонимов может быть либо больше, либо столько же, сколько различных. Возьмём, к примеру, антонимы *воля* – *неволя*, *грамотный* – *безграмотный*. Первый член каждой пары содержит информацию только о называемом понятии: *воля* ‘отсутствие зависимости от кого-либо, возможность располагать собою по собственному усмотрению; свобода’ [БТС], *грамотный* ‘умеющий читать и писать; умеющий писать грамотно, без ошибок’ [БТС]. Семантика второго компонента включает, помимо значения коррелята, также сему отрицания, выражаемую с помощью префиксов *не-* и *без-*. Поскольку один из составляющих пары по числу смыслообразующих сем находится в преимуществе по отношению к другому, слова *воля* – *неволя*, *грамотный* – *безграмотный*, согласно теории А.Д. Апресяна, являются типичными квазиантонимами.

Иного взгляда на представление о квазиантонимичности придерживается А.С. Уськин в статье «Квазиантонимичность неоднородных определений» [Уськин 1989: 83]. Исследуя механизмы взаимодействия антонимов в речи, автор статьи отмечает, что противоположность значений может утрачиваться в некоторых контекстах [там же]. Например, смысл фразы *простая сложная задача*

заключается в том, что возможно простое решение сложной задачи. Вне контекста *простой* и *сложный* являются антонимами, но в рассматриваемом примере они не противопоставлены: первое определение *сложный*, стоящее непосредственно перед существительным *задача*, оказывается связанным только с ним, а вторичное *простой* относится уже к словосочетанию *сложная задача*, то есть *простой* – *сложный* не обозначают противоположные полюса одной сущности, иначе возникло бы необоснованное противоречие. Последовательно происходит сужение объёма понятия, обозначающего этот объект: слово *сложный* в конструкции *простая сложная задача* сужает объём понятия *задача*, а слово *простой* сужает объём понятия, выраженного словосочетанием *сложная задача*.

В нашем понимании квазиантонимичность – это явление, возникающее в речи, когда антонимы, называя неоднородные признаки, характеризующие один объект, перестают выражать противоположность, а следовательно, не могут именоваться антонимами. Но у читателя представление о потенциальной противоположности значений этих слов сохраняется. На наш взгляд, такая «ложная» антонимия терминологически обозначается квазиантонимией.

Таким образом, асимметрию в антонимах можно наблюдать при стилистической и грамматической неоднородности, а также в случаях, когда объём выражаемого понятия превышает объём коррелирующего понятия. Асимметрия дополнительно выделяет противоположность значений слов. Квазиантонимы не выражают семантическую противоположность.

1.2. Противоположность как сущностное свойство антонимии

1.2.1. Понятие «противоположность» как обыденное и научное

Как уже отмечалось выше (раздел 1.1.1), ключевым для осмысления такого явления, как антонимия, является понятие **противоположности**. Определение противоположности представляет собой проблему онтологического характера, так как противоположность является «одним из характерных проявлений природной склонности человеческого ума» [Новиков 1984: 7].

Обыденное, общечеловеческое понимание противоположности является универсальным, равно подходящим для любого направления познания и

деятельности: «то, что несходно, и тот, кто несходен с другими по своим качествам, свойствам» [БТС]. Как справедливо замечает В.В. Зеленский, «вследствие самой природы своих мыслей и языка люди неизбежно вынуждены (бессознательно) все делить на свои противоположности. Отсюда антиномность любых утверждений» [Зеленский 2000: 8]. Фактически в обыденном осмыслении противоположностями могут быть произвольные объекты действительности: стол – стул, диван – кровать, цветы – кусты, день – ночь, сухой – мокрый. То есть наивное восприятие противоположности не представляется системным, связи между различаемыми элементами неустойчивы, поэтому в силу множества факторов могут распадаться. Например, в момент времени для индивида диван может быть противоположностью кровати, когда актуальна тема разграничения пространства спальни и гостиной. В следующий момент, когда данная тема теряет свою значимость в настоящем времени, рассматриваемые объекты человек оценивает как соположенные предметы мебели. В обыденном понимании часто противопоставленные объекты осмысляются как противоположные. Как мы показали выше (см. раздел 1.1.1), научная трактовка противоположности не совпадает с противопоставленностью.

В научной сфере понятие «противоположность» является элементом системы объективных знаний. Вопросы, касающиеся противоположности, поднимаются в разных областях знаний – в философии, логике, этике, эстетике, социологии, психологии, лингвистике, литературоведении. Обращение к каждой из наук подтверждает мысль о принципиальном разграничении противопоставления и противоположности.

Последовательность обращения к областям знаний в нашем исследовании обусловлена тем, что мы, начиная обзор с философии, эстетики, этики, логики, затрагиваем общие характеристики противоположности как категории познания. Рассматривая трактовки противоположности в социологии и психологии, мы касаемся вопросов, связанных с внешней и внутренней стороной человеческого существования.

Показав, как интерпретируется противоположность в разных науках, мы раскроем её многоаспектный характер, покажем важность и фундаментальность этой категории, пронизывающей все сферы мышления, что позволяет глубоко и всесторонне проанализировать риторические функции антонимов.

Противоположность как категория философии

Согласно философской точке зрения, противоположностями являются «парные сущности, взаимоисключающие и именно в силу этого предполагающие наличие друг друга, сопряжённые друг с другом, составляющие два полюса в рамках некоего единого основания» [ЛС-С]. Осмысление сопряжения, соотношения таких противоположностей, как бытие и небытие, добро и зло, субъективное и объективное, природа и искусство, было заложено в трудах античных философов.

Древние мыслители полагали, что в основе всего мироздания лежат противоположные сущности, а процесс развития окружающей действительности связан со спецификой изменения природных явлений. Так, милетцы высказывали мысль о «раздвоении единства противоположностей, как о движущем принципе возникновения и гибели в природе» [ИАД: 69]. Анаксимандр, применяя принцип раздвоения единого на противоположности, объяснял таким образом происхождение мира, животных и человека. Наблюдая за постоянными изменениями окружающей действительности, люди рассуждали о том, что жизнь и смерть, рождение и гибель, созидание и разрушение как противоположности являются элементами всеобщего изменения природы; процесс перехода из одного состояния в противоположное сопровождался трансформацией, порождающей новые пары противоположностей. Первоосновой, считает Анаксимандр, является бесконечное неопределённое вещество – апейрон, из которого уже в процессе дальнейшего развития «выделяются первоначальные противоположности: *тепло – холод, сухость – влажность*» [ИАД: 49], то есть, по мысли философа, единое включает в себя сами противоположности, которые являются видовыми компонентами внутри одного рода. Например, если родовым параметром будет время суток, то противоположности *день – ночь* являются видовыми элементами.

Идею родо-видовых отношений развивал и Аристотель. Анализируя и переосмысливая опыт предшественников, он сформулировал, что «противоположностью надо признавать только отличие вещи от того, от чего она отличается по виду; а такое различие бывает только между тем, что принадлежит к одному и тому же роду» [Аристотель 2002: 329]. Эта мысль отражает признак, положенный в основу антонимии как семантических отношений в языке: семантически противоположными могут быть признаны слова, имеющие в своих значениях общий родовой признак. Например, семантическое единство в антонимах *светлый* – *тёмный* заключается в том, что оба слова указывают на оттенок цвета.

Положения философского характера, значимые для понимания сущности противоположного и, как следствие, антонимии, были изложены Аристотелем в работе «Метафизика», где противоположности получают некую высшую определённую. Давая широкое определение противоположности как «некоторого различия» [там же: 108], философ исходит из того, что вещи имеют разную степень различия. Например, большой предмет отличен по размеру от небольшого в меньшей степени, чем большой предмет от маленького. На основании того, что в различии существует градация между двумя крайностями, где определённо есть промежуточные элементы, Аристотель предполагал: истинную противоположность выражает то, «что больше всего различается <одно от другого> в пределах одного и того же рода», «по свойствам, принадлежащим одной и той же основе», «в области действия одной и той же способности» [там же: 166]. Следовательно, различия, выраженные в большей или меньшей степени, имеют количественный показатель, а максимальное различие есть противоположность. Так, например, если рассматривать два противоположных состояния *стоять* – *мчаться*, то различие между ними может уменьшаться или увеличиваться в зависимости от показателя скорости: *стоять* – *слабое движение* – *низкая скорость движения* – *средняя скорость* – ... – *мчаться*. Однако, как замечает Ф. Энгельс в своём произведении «Диалектика природы», «количественная операция деления имеет границу, где она переходит в

качественное различие» [Энгельс 1953: 40]. Это значит, что, например, количественное различие между состояниями воды (*ледяная – холодная – прохладная – тёплая – горячая – кипяток*), дойдя до критического предела, может перерасти в качественное различие – *лёд* и *пар*. При этом характер различия – температурный показатель – не изменится.

Противоположность как категория логики

Следует отметить, что философы стремились не только понять сущность объединяющего начала в противоположностях, но и проанализировать особенности связи полярных, по сути, объектов, рассматривая, например, *смерть* и *жизнь* не просто как противоположности, но как взаимосвязанные состояния. Так, Гегель в работе «Наука логики» выдвигает предположение, что в обыденном сознании различённые вещи «равнодушны» друг к другу. С точки зрения философии, индифферентность противоположностей не возможна, потому что «в противоположности различие имеет в качестве противостоящего себе не только *некое* другое, но *своё* другое» [Гегель 1974: 279]. По Гегелю, противоположности соотносимы таким образом, что одно отрицает другое, в результате чего полярные предметы оказываются взаимосвязанными, как если духовное сопряжено с другим – физическим, органическое – с неорганическим. То есть конкретная мыслительный образ предмета, тождественный себе, оцениваемый положительно, должен включать в себя и то, что выходит за личные пределы как собственное отрицание [там же: 279-280]. Это можно сравнить с нейтральным атомом, заряд которого равен нулю, что обеспечивается наличием положительно заряженного ядра и отрицательно заряженных электронов, количество которых равно числу протонов в ядре. Взаимодействие положительного и отрицательного реализуют связь внутри одного понятия, формируется внутренняя противоположность. Но в рамках одного мыслимого предмета положительное и отрицательное составляющие, становясь взаимоисключающими, реализует отношения противоречия.

Отображение объективной действительности в человеческом мышлении изучает составная часть философии – логика. Логический словарь определяет

противоположность как «категорию, которая выражает одну из сторон диалектического противоречия» [ЛС-С]. Для уточнения особенностей понимания противоположности, являющейся частью целого, укажем, что противоречие диалектическое есть «взаимодействие между взаимоисключающими друг друга противоположностями внутри одного объекта и его состояний, или же понятий, высказываний, теорий», которые вместе с тем выступают источником самодвижения и развития объективного мира и познания [там же]. Развитие объективного мира и познания осуществляется путём раздвоения единого на взаимоисключающие, противоположные моменты, стороны и тенденции, взаимоотношение которых характеризует ту или иную систему как нечто целое и качественно определённое и составляет внутренний импульс её изменения, развития, превращения в новое качество.

Изучению противоречия как универсального принципа развития уделено большое значение в работе «Диалектика природы» Ф. Энгельса, который, исследуя природу и взаимоотношение противоположностей, анализирует процесс возникновения различий и противоположностей, имеющий несколько ступеней, поскольку целое не имеет изначально заданных противоположностей [Энгельс 1953]. На первоначальной ступени, существуя ещё в возможности, противоречие выступает как тождество, содержащее несущественное различие. Следующая стадия – существенное различие в тождестве: при общей основе в объекте имеются существенные свойства, тенденции, не соответствующие друг другу. Существенное различие превращается в противоположности, которые при взаимодействии перерастают в противоречие. «На первоначальном этапе процесса познания, когда объект воспринимается в его исходной целостности и чувственной конкретности, противоречивое единство противоположностей раскрыть невозможно. Поэтому познающий субъект начинает с мысленного расчленения изначального единства, подвергая анализу составляющие его моменты. Познание сторон противоречия в их обособленности друг от друга и даже противоположности предполагает достижение синтеза ранее разделённых противоположностей» [БСЭ Т. 21: 132]. В результате этого преодолевается

односторонность первоначального подхода к объекту, связанная с анализом одних его моментов в отрыве от других.

Единство противоположностей, постигаемое на этом этапе познания, характеризует объект как внутренне расчленённое, противоречивое и в силу этого – самодвижущееся органическое целое.

Диалектическое противоречие в познании реализуется в антиномиях, которые имеют объективную основу: отражаемое в них содержание является элементом развивающегося противоречия. «Познавательные антиномии служат формой теоретического воспроизведения диалектического противоречия в научных теориях, развитие которых осуществляется в результате раскрытия и разрешения противоречия, обнаруживающихся в предыдущих теориях или уровнях исследования» [БСЭ Т. 21: 133]. В свою очередь, разрешение антиномий, возникающих в теоретическом мышлении, происходит в результате выхода за их пределы, обнаружение их глубокой основы, выявление перехода одной противоположности в другую.

Противоположность как категория эстетики

Объединённые родовым признаком противоположности рассматривались античными авторами как необходимое и закономерное явление бытия, потому что сама природа стремится к противоположностям. А.Ф. Лосев в своей работе «История античной эстетики. Ранняя классика», анализируя тексты авторов раннеклассического периода, пишет о том, что древние мыслители «редко останавливались на фиксации самих противоположностей... Гораздо больше их интересовало то, что получалось в результате противоположностей» [Лосев 2000: 548], а именно целостность, гармония. Гармония является главным универсальным принципом бытия, и в частности, красоты, и у пифагорейцев, и у Гераклита, и у Аристотеля. И если, по мысли пифагорейцев, «гармония есть наиболее прекрасное», а эстетика – «отрасль философского знания, теоретически исследующая такое ценностное мироощущение, которое прежде всего характеризуется категорией “прекрасного” и наиболее полно выражается в такой форме человеческого сознания и деятельности, как искусство» [ФС], то, с

эстетической точки зрения, противоположности в своём единстве есть олицетворение прекрасного, воплощённого в произведении искусства. Искусство выступает в качестве преобразующего начала, посредством которого противоположность между такими категориями, как прекрасное и безобразное, «снимается». По мнению И. Канта, «болезни, опустошения, вызванные войной, могут быть прекрасно описаны как нечто вредное и даже прекрасно изображены на картине», то есть безобразные составляющие окружающей действительности, проходя сквозь призму художественного воплощения, превращаются в предмет эстетического удовольствия [Кант 1966: 328].

Таким образом, противоположности оказываются диалектически связанными, то есть порождают одна другую в процессе синтеза. Результатом этого превращения и является искусство. Стоит отметить, что направление романтизма, следуя мысли, выдвигаемой ещё Аристотелем, давало безобразному, которое мыслилось как художественная противоположность прекрасному, право на существование в искусстве. Последователи разделяли этот взгляд романтиков на право воссоздания неприглядного в произведении. Например, изображение гибели города на картине Карла Брюллова «Последний день Помпеи» становится объектом эстетического катарсиса. Гибель, будучи ужасной, безобразной действительностью, вызывая отрицательные эмоции, на полотне обретает противоположный смысл. Подробнее о процессе взаимопревращения противоположностей посредством искусства пишет Л.С. Выготский в своей работе «Психология искусства» [Выготский 1986: 269]. По его мнению, в произведении и в психике субъекта возникает оппозиция – неприятие безобразного и наслаждение творением мастера. В акте восприятия художественного объекта данная оппозиция «снимается».

Итак, отметим, что эстетическое предполагает восприятие противоположностей как неких чувственно осознаваемых сосуществующих сущностей. Противоположности, с точки зрения эстетики, находятся не только в отношениях взаимного соответствия как части внутри целого и порождают

гармонию, но и не существуют друг без друга и проявляются не иначе, как друг через друга.

Противоположность как категория этики

Своё видение на взаимоотношение противоположностей представляет и такое ответвление философской науки, как этика, «объектом изучения которой является мораль» [ФС]. Мораль, регулируя нравственную сферу человека, формирует идеальную модель отношений, в которой исключается отчуждение между индивидуумами. Люди, образуя тождество человечности в целом, одновременно с этим противостоят друг другу по параметрам видения действительности, по умонастроению. В этих взаимоотношениях развиваются представления о добре и зле, сталкиваются эмоции и долг, складывается ценностная картина мира. Н. Гартман в своей работе «Этика» рассматривает поведение человека сквозь призму ценностного сознания и говорит, что «за нравственным конфликтом, как он проявляется в многочисленных жизненных ситуациях, всегда в какой-нибудь форме стоит противоположность ценности и ценности, не ценности и не-ценности» [Гартман 2002: 293], при этом разрешение конфликта имеет форму не логически противоречащей альтернативы, а позитивно обозначенного выбора. Например, в определённо сложившейся ситуации личность делает выбор в пользу дружбы, пренебрегая справедливостью. Столкновение *справедливости* и *дружбы*, которые, будучи изначально близкой ценностной интенции, становятся противоположностями, что произошло исключительно по воле обстоятельств. Эти обстоятельства выступают решающим фактором в формировании различий. Ценностное видение обязано учитывать противоположности, иначе рискует «столкнуться с антиномиями ценностей, которые для ценностного чувства остаются неразрешимы» [там же: 308]. Единство ценностных противоположностей не может стать постулатом гармонии, как это видели античные мыслители, то есть данные противоположности соотносимы, но не взаимопроницаемы; они самостоятельны, но при этом выражают жёсткую альтернативу – одно абсолютно исключает другое. Кроме того, следует учитывать, что они характеризуются как равноположительные,

однополярные категории, вступающие в оппозицию, которая определена актуальным бытием.

Противоположность как категория социологии

Понимание категории противоположности определено кругом интересов каждой из наук, например, круг интересов социологии – это связи и отношения, возникающие в процессе жизнедеятельности общества.

Социология – это «наука об обществе как целостной системе и об отдельных социальных институтах, процессах и группах, рассматриваемых в их связи с общественным целым» [БСЭ Т. 24: 252]. Противоположности, с точки зрения социологии, формируются в существующих в социуме формациях: взаимодействующих классах, обществах, отдельных индивидуумах.

В каждом социальном феномене формируются различные взаимообуславливающие и вместе с тем взаимодополняющие друг друга пары противоположных сторон, функциональных особенностей: богатые и бедные, руководители и подчинённые. «Энциклопедия философии и социологии права» основными признаками отношений между противоположностями устанавливает «взаимополагание, взаимопроникновение и содержательно-функциональную “асимметрию”, т.е. наличие ведущей и ведомой, доминирующей и подчинённой сторон, каждая из которых обладает собственной тенденцией изменений, подчиняющейся как внешним воздействиям, так и внутренней логике саморазвития» [ЭФиС]. Таким образом, оппозиционные стороны, находящиеся до определённого периода в состоянии равновесия, под действием политических либо экономико-правовых факторов выходят за рамки сбалансированного «симметричного» бытия и вступают в отношения «асимметрии». Как справедливо замечает Ф. Энгельс в своём труде «Диалектика природы», «в истории движение путём противоположностей выступает особенно наглядно во все критические эпохи у ведущих народов» [Энгельс 1953: 166], что проявляется в виде революций: по Энгельсу, «концентрация богатств в руках меньшинства и пролетаризации большинства» вызовет социальную борьбу, которая закончится уничтожением всех классовых противоположностей [там же: 142]. Это значит,

что в итоге одна из сторон либо полностью уничтожит, либо преобразует другую так, что в итоге остаётся одна социальная прослойка, внутри которой с течением времени будут возникать новые противоположности. В периоды роста напряжённости в обществе возникает разрыв между социальными структурами, но постепенно происходит перераспределение сил, и равновесие восстанавливается вновь. Такая диалектическая цикличность отношений между противоположностями становится основой для изменений общества в целом. Идеальной является ситуация, когда оппозиционные стороны находятся в состоянии взаимопредполагающего нейтрального баланса.

Таким образом, противоположность, с точки зрения социологии, заключается в особенностях цикличных преобразований, происходящих в обществе, стремящемся к идеальной модели равновесия.

Противоположность как категория психологии

Основными противоположностями в психологии выступают сфера **сознания** как форма активного воспроизведения бытия в чувственных и умственных образах, обладающая «способностью к рефлексии, к мышлению» [ПС], и сфера **бессознательного** как форма психической жизни, которая реализуется без участия сознания, как чувственное восприятие, влечение [там же: 92-93]. Разделение психики на сознательное и бессознательное (особенности их сосуществования подробно исследованы З. Фрейдом) выступает в качестве предпосылки психоанализа. Так, с точки зрения З. Фрейда, психическая жизнь личности строится как процесс взаимодействия отражённой в мышлении действительности и первичных желаний. Человек разрывается между стремлением выжить в объективном окружающем мире и удовольствием, что и приводит к внутреннему конфликту желаемого и должного, поэтому даже целостная и самодостаточная личность периодически испытывает психологический дискомфорт [ПЭК, ВКП: 282]. В то же время сосуществование противоположностей, находящихся в состоянии противоречия, необходимо, согласно диалектической науке, для естественного развития личности; главное, чтобы конфликт желаемого и надлежащего не оказался фатальным. К.Г. Юнг в

своей работе «Психологические типы» пишет, что «противоположности можно согласовать лишь практически, на пути компромисса, или *иррационально*, когда между ними создаётся нечто новое, отличное от обеих» [Юнг 1998: 73]. В качестве такого объединяющего начала Юнг называет фантазию, которая присуща мысли и чувству, поэтому служит мостком, примиряющим психологические противоположности [там же: 48-49]. Таким образом, фантазия, выводя сознательное и бессознательное за пределы привычного состояния противоположности, объединяет их под общим, равно значимым для обоих, началом. Невраждебные по отношению друг к другу противоположности могут сосуществовать, переходя в стадию преодоления.

Противоположность как категория лингвистики

Логика, разграничивая противоположность и противоречие, вводит понятие объём имени как «совокупность, или класс, тех предметов, которые обладают признаками, входящими в содержание имени» [Ивин 1997: 24]. Объёмы противоречащих имён, взаимоисключая друг друга как виды, в сумме дают полное представление о родовом понятии. Например, к противоречащим именам следует отнести *белый – небелый*, дающие представление о родовом понятии *цвета*: в класс *небелого* включаются все остальные цвета (*красный, жёлтый, черный, синий* и т.д.), за исключением *белого*.

Но возникают вопросы: какую значимость для лингвиста, изучающего семантику слова, имеет разграничение противоположных и противоречащих понятий, как это различие может быть отражено в языке? А.В. Исаев в статье «К вопросу о соотношении лингвистического и логического в учении об антонимии» считает, что ответы на эти вопросы связаны с изучением того промежуточного упорядоченного множества, или «средних членов», которые вместе с противоположными членами дают представление о родовом понятии, поскольку именно наличие средних членов становится отличительным признаком в разграничивании противоположных и противоречащих элементов [Исаев 1972: 54]. Упорядоченное множество, в котором видовые признаки предметов, относящихся к одному роду, «подчинены правилу предшествования или

следования» и где «каждый элемент, кроме последнего, имеет последователя», позволяет лингвисту анализировать не отвлечённый признак, а работать с видовым многообразием заданного предмета [ЛС-С]. Например, при условии, что родовым признаком выступает *степень извлекаемого звука*, в различных ситуациях противоположностями могут быть *молчать – говорить* (Когда деньги **говорят**, правда **молчит**. Пословица), *молчать – кричать* (Кто родится – **кричит**, кто умирает – **молчит**. Пословица).

Таким образом, антонимические отношения слов формируются не в абстрактно-логической плоскости, а внутри конкретной предметно-вещной области, которая отражается лексической системой. Лексическая система закрепляет за словом «некоторое множество дифференциальных семантических признаков, как компонентов значения» [Новиков 1984: 106]. Отдельные элементы значений одного слова образуют парадигматическую связь с семантически противоположными, но соотносимыми частями значений другого слова, и эти два слова являются антонимами. Таким образом, противоположность является составляющей структуры значения слова. Как пишет В.Н. Комиссаров в статье «Аффиксальные слова-антонимы в современном английском языке», «антонимичность – это особая дополнительная характеристика лексического значения слова... Она входит в значение слова вместе с его основным предметно-логическим компонентом...», то есть сема противоположности выступает как часть общего значения, не являясь при этом обязательным в смысловом отношении, ибо одиночное употребление слова может сохранять лишь потенциальную готовность для выражения противоположности [Комиссаров 1962: 169]. По мнению В.Н. Комиссарова, «антонимическая характеристика может превратиться в компонент значения слова только в том случае, если оно будет регулярно употребляться в речи для выражения противопоставления» [там же]. Например, слово *мало* имеет два словарных значения: 1. «В небольшом количестве, в небольшой степени», реализуемое в следующем контексте: *Как **мало** нас от битвы уцелело* (А.С. Пушкин); 2. «(с местоим. и нареч.) Указывает на недостаточность, незначительное количество, редкость того, что обозначает

местоимённое слово: *Мало что хорошего я услышал*» [БТС]. При контактном употреблении слова *много-мало* представляют собой семантические противоположности: *Я друзьям своим сказала: / «Горя много, счастья мало!»* (А.А. Ахматова «Сказка о чёрном кольце»). В этом случае слово *мало* получает дополнительное значение «противоположность к **много**», слово *много* – «противоположность к **мало**».

Антонимия отражает парадигматические отношения единиц лексического уровня языка. Лексикология, стараясь выделить в категории противоположности частные, присущие только языку черты, опирается, как правило, на традиционное представление о том, что в основе любой противоположности должно быть различие. В лексике закрепляется знание человека об окружающей действительности. Это знание является результатом естественного процесса – мышления. Слова в сознании человека представлены не в виде разрозненных элементов, а в качестве упорядоченной системы связей и отношений между ними. Некоторые реалии оказываются связанными в нашем сознании, например, цветок – растение, мебель – кресло, пол – потолок. Поскольку «эта связь основана на прошлом опыте человека», актуализация в сознании какого-либо представления, идеи и т.п. влечёт за собой ассоциацию со схожим, противоположным, смежным [Морковкин 1970: 45]. Противоположности – одна из возможных признаков, на основе которых рождаются ассоциации [ПС]. Ассоциации по противоположности и являются основанием для антонимии. Поскольку «основу выражаемого в языке содержания образуют мысли», то есть лингвистическая противоположность вторична по отношению к ассоциативной [там же]. Это значит, что оппозиционными могут стать такие слова, которые ещё не закреплены в парадигматической языковой системе. В дальнейшем слова, называющие данные объекты познания, либо сохраняют смысловую связь и становятся антонимами, либо эта связь распадается, потому что не воспроизводится повторно, поскольку первичное восприятие семантической противоположности было исключительно субъективным. Например, слова *осень* – *весна* относят к системным антонимам, а

слова *метель* и *капель* как названия явлений, сопровождающих осень и весну, не являются таковыми.

Субъективное ощущение противоположности обусловлено различными экстралингвистическими факторами. В частности, Л.А. Новиков во вступительной статье к «Словарю антонимов русского языка» М.Р. Львова «Русская антонимия и её лексикографическое описание» подчёркивает, что «ощущение и восприятие противоположности может в известной степени зависеть от возраста, профессии людей, географических, климатических, социальных и других условий их жизни и быть иногда достаточно субъективным» [Новиков 1984: 7]. «Для человека, привыкшего к смешанному географическому рельефу, – пишет учёный, – наиболее естественно противопоставление *гора* – *равнина*, для горца, который никогда не видел равнины, противоположными кажутся *гора* и *котловина* (или *долина*). У земледельцев противоположными будут слова *пашня* и *луг*, *сев* и *жатва*, у астрономов – *солнце* и *планеты*. Не без основания можно предположить, что по отношению к словам *целый*, *весь* стеклорез будет считать противоположным слово *разбитый*, портной — *распоротый* или *разорванный*, другие мастера — *сломанный*, *раздробленный*, *разбитый*, а художник, фотограф и архитектор — *фрагментарный*» [там же].

Итак, **ассоциативная противоположность** – это полярно значимая ответная реакция мышления на слово. Такая противоположность формируется в сознании. Стоит отметить, что противоположности вступают только в отношения оппозиции. Именно эти отношения являются типичными для антонимов, но не единственными. Поиск иных смысловых связей между полярными объектами представляет собой новую дополнительную операцию, требующую размышления.

Противоположность как категория литературоведения

Обратим также внимание, что в смежной с лингвистикой наукой – литературоведении – противоположности рассматриваются как системные составляющие произведения. Образы, персонажи, эпизоды, которые входят в художественную действительность, взаимодействуют таким образом, что образуют единое, целостно воспринимаемое читателем пространство. Как

замечает Ю.М. Лотман, «реальность текста создаётся системой отношений, тем, что имеет значимые антитезы, то есть тем, что входит в *структуру произведения*» [Лотман 1996: 26]. Выявляемые особенности связей и отношений персонажей позволяет обоснованно интерпретировать произведение. Чтобы описать различные композиционные уровни, Ю.М. Лотман в своей работе «Структура художественного текста» употребляет термин «оппозиция», используя его как синоним термина «антонимия». Исследователь полагает, что «текст есть целостный знак, и все отдельные знаки общезыкового текста сведены в нём до уровня элементов знака» [Лотман 1998: 14]. Оппозиции в произведении соответствуют антонимическим парам: «величие — ничтожество», «необычность, исключительность — пошлость, заурядность», «духовность — материальность», «творчество — животность», «мятеж — покорность» и т. п. [там же: 23].

Учитывая тот факт, что анализ оппозиции в произведении представляет оценку элементов текста, оппозицию в литературоведческом плане следует трактовать как принцип организации произведения [Лотман 1996: 49; Сухомлинова]. Отметим, что Ю.М. Лотман рассматривает образ в целом, то впечатление, которое производит данный герой на читателя, устанавливает систему отношений героев в произведении, например: *Иван Иванович художав и высокого роста; Иван Никифорович немного ниже, но зато распространяется в толщину. Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича – на редьку хвостом вверх* (Н.В. Гоголь «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»). В данном случае определяется оппозиция *Иван Иванович – Иван Никифорович*. Текстовые оппозиции в языковом плане выражаются с помощью антонимов, ибо язык является «материалом литературы» [Лотман 1996: 31]. С помощью антонимов *высокий – ниже, вниз – вверх* описывается внешнее различие героев.

Итак, рассмотрев то, как трактуется категория противоположности в разных науках, мы можем отметить, что философия рассматривает противоположность как соотношение взаимоисключающих, но при этом предполагающих друг друга парных сущностей, которые составляют две крайности в рамках единого

основания. Такое понимание противоположности используется и в математике (*дифференциал и интеграл*), и в химии (*катионы и анионы*), и в физике (*протоны и электроны*), и в эстетике (*прекрасное и безобразное*), и в психологии (*сознательное и бессознательное*). Это единая модель, по которой строятся все научные теории, связанные с пониманием противоположности, в том числе лингвистическая теория, согласно которой противоположность является основным понятием для определения антонимии.

Трактовки противоположности в философии, логике, этике, эстетике, социологии, психологии, литературоведении позволяют углубиться в суть понятия, уловить те существенные свойства, которые характеризуют противоположность в языке.

1.2.2. Типы противоположности

Изучение противоположности как универсальной категории, осмысление её существенных признаков позволяют обнаружить общие черты в проявлении различия между объектами, что становится предпосылкой для объединения противоположностей в типы. Существует пять типов противоположности: контрадикторная, контрарная, комплементарная, векторная, конверсивная.

Традиционно философия различает **контрадикторную** (противоречащую) и **контрарную** противоположность.

Контрадикторная противоположность

Согласно определению «Словаря по логике» под редакцией А.А. Ивина и А.Л. Никифорова, контрадикторная (от лат. *contradictorius* — противоречащий) противоположность — «отношение между **противоречащими** друг другу суждениями» [СЛ]. Суждение мыслится составленным из понятий. Таким образом, **контрадикторные** понятия — «такие несовместимые понятия, между которыми нет среднего промежуточного понятия и которые исключают друг друга», подчиняясь закону непротиворечия, «согласно которому высказывание и его отрицание не могут быть одновременно истинными», поэтому суммарное содержание обоих исчерпывает объём родового признака [там же]. Например, если утверждается качественный показатель *молодой* по отношению к какому-

либо объекту, то к нему уже нельзя применить определение *немолодой*, *молодой* – *немолодой* дают общее представление о возрасте. При этом, если наблюдается градация: *молодой* – *зрелый* – *пожилой* – *старый*, то, следовательно, отрицающее понятие (*немолодой*) включает в себя всё отличное, что касается *молодого* в рамках соотнесённости с родовым признаком ‘возраст’: *зрелый*, *пожилой*, *старый*.

Контрарная противоположность

Разграничение контрадикторных и контрарных понятий восходит к философским работам Платона. В его сочинениях мы можем обнаружить попытки разделить противоречащие (контрадикторные) и противоположные (контрарные) понятия по критерию способности противоположностей, выражать градацию. В диалоге «Протагор» философ выводит мысль, что, с одной стороны, безрассудству противоположна как рассудительность, так и мудрость, то есть одному понятию противоположны два, а с другой стороны, Платон пишет, что «каждой вещи противоположно только одно, а не многое» [Платон 1990: 443]. Таким образом, по Платону, существует два типа отличия между объектами: А и не-А, притом не-А включает сколько угодно много элементов; и А и Б, когда для одного понятия существует только одна противоположность. Однако, например, осознавая различие понятий *молодой* и *немолодой*, возникает вопрос, будет ли это различие максимальным, как того требует определение противоположности Аристотеля, который считал, что истинную противоположность выражает то, «что больше всего различается <одно от другого> в пределах одного и того же рода», «по свойствам, принадлежащим одной и той же основе», «в области действия одной и той же способности» [Аристотель 2002: 166]? Можно предположить, что если различие выражено градуально – в большей или меньшей степени, то противоположность в контрадикторных понятиях будет иметь ослабленный характер. Предельно несходные компоненты стоят на разных концах цепочки ступенчатого различения, соответственно, между крайностями потенциально присутствуют промежуточные звенья, наличие которых и является отличительной чертой в разграничении контрадикторной и контрарной

противоположности. Следовательно, определим, что **контрарная** противоположность выражает такие понятия, между которыми допустим средний, промежуточный член: *молодой* – <зрелый, немолодой, пожилой> – *старый*.

Обратим внимание, что природа возникновения контрадикторной и контрарной противоположностей различна. Логическое обоснование, позволяющее осмыслить особенности контрарной и контрадикторной противоположности, определяется с помощью логического квадрата, или квадрата противоположностей. Аристотель в работе «Аналитики» вводит представление об общих и частных, а также об отрицательных и утвердительных суждениях. При утверждении или отрицании античный мыслитель называет общими «суждения, когда А, например, присуще всем или не присуще ни одному Б, частным – когда А присуще или не присуще некоторым или не присуще не всем Б» [Аристотель 2002: 9]. «Логический словарь-справочник» **общим** называет «суждение, в котором что-либо утверждается или отрицается о каждом предмете какого-либо класса предметов», а частным – «суждение, в котором что-либо утверждается или отрицается о части предметов какого-либо класса предметов» [ЛС-С]. Например, общими являются суждения *Все птицы умеют летать* (утверждение) и *Ни одна из птиц не умеет летать* (отрицание); частными считаются *Некоторые птицы умеют летать* (утверждение) и *Некоторые птицы не умеют летать* (отрицание). Так, общеутвердительное и общеотрицательное суждения находятся в отношении контрарной противоположности (*Все птицы умеют летать* – *Ни одна из птиц не умеет летать*), а отношение между общеутвердительным и частноотрицательным (*Все птицы умеют летать* – *Некоторые птицы не умеют летать*), так же как и отношение между общеотрицательным и частноутвердительным суждениями (*Ни одна из птиц не умеет летать* – *Некоторые птицы умеют летать*), есть отношение контрадикторной противоположности.

Различие между контрарной и контрадикторной противоположностями рассматривается также и с позиции истинности–ложности. Так, контрарная противоположность допускает два варианта взаимодействия между суждениями:

во-первых, если одно истинно, то другое обязательно ложно (либо *Ни одна из птиц не умеет летать*, либо *Все птицы умеют летать*); во-вторых, оба могут быть ложными (утверждения *Все птицы умеют летать* и *Ни одна из птиц не умеет летать* являются ложными, когда истинно утверждение *Некоторые птицы умеют летать*). В случае контрадикторной противоположности возможна лишь ситуация, при которой одно суждение истинно, а другое непременно ложно: либо *Все птицы умеют летать*, либо *Некоторые птицы не умеют летать*; либо *Ни одна из птиц не умеет летать*, либо *Некоторые птицы умеют летать*. Контрадикторная противоположность при ложности обоих суждений предполагает существование третьего варианта, устанавливающего истину.

В качестве истинного для общеутвердительного и общеотрицательного суждения может служить частноутвердительное или частноотрицательное (если *Ни одна из птиц не умеет летать* ложно и *Все птицы умеют летать* ложно, значит, возможно истинно либо *Некоторые птицы умеют летать*, либо *Некоторые птицы не умеют летать*). Таким образом, истинным суждением становится величина, допускающая частичное исключение при абсолютном утверждении или абсолютном отрицании.

Итак, при контрадикторной противоположности соблюдается условие одновременного взаимодействия разных по знаку – отрицание или утверждение – общего и частного. Следует, однако, учитывать, что частное находится в подчинении к общему, поскольку общее включает само частное и что-то сверх него, то есть связь частного и общего есть отражение неравных по объёму несущей информации, несимметричных отношений. На основании вышеизложенного отметим, что разнополярные элементы, реализуя несимметричность, демонстрируют контрадикторную противоположность. Опираясь на выведенные два признака этого типа противоположности, докажем, что понятия *холодный* – *нехолодный* выражают контрадикторную противоположность. Во-первых, названные единицы выражают максимальное различие: второй компонент выступает в форме отрицания первого. Во-вторых, *нехолодный* включает в себя такие понятия, как *прохладный*, *тёплый*, *горячий*,

поэтому обнаруживает больший информационный пласт, нежели компонент *холодный*, содержащий предоставление только о себе самом, следовательно, *холодный* – *нехолодный* показывают несимметричность отношений. Значит, *холодный* – *нехолодный* являют контрадикторную противоположность.

Контрарная противоположность возможна в случае, когда объекты, выступая как разные по знаку, равноценны, то есть демонстрируют симметричность друг относительно друга (объём содержания *холодный* равно объёму содержания *горячий*), но при этом допускают наличие частного суждения между крайними суждениями общего характера как вариант среднего члена при градации (*прохладный, тёплый, горячий*).

Комплементарная противоположность

Если полярные элементы не способны к градации, то есть не имеют переходных состояний, то такие единицы реализуют иной тип противоположности, называемый Л.А. Новиковым **комплементарным** [Новиков 1982: 245], или **дополнительностью**, по мнению Дж. Лайонза [Лайонз 1978: 485].

В философии **комплементом** (от лат. complementum – дополнение, довершение) считается «дополнение чего-либо чем-либо» [ЛС-С]. В случае комплементарной противоположности видовые понятия (*можно* – *нельзя*), представляя предельное различие, дополняют друг друга до родового, исключают вероятность градации: либо *живой*, либо *мёртвый*; либо *истина*, либо *ложь*. Если один из компонентов отрицается, то неизбежно утверждается другой. Так, отрицание понятия *свобода* имплицитно подразумевает понятие *рабство*.

Комплементарно противоположные единицы, построенные по модели А – не-А, например *удача* – *неудача*, *равенство* – *неравенство*, следует отличать от конрадикторных противоположностей, ибо последние, как было отмечено выше, реализуют несимметричность отношений (*старый* – *нестарый*). Особенность всех комплементарных друг относительно друга компонентов заключается в том, что при отсутствии градации объём содержания одного понятия, например *чётный*, равно объёму содержания противоположного понятия – *нечётный*. В силу чего *нечётный* есть только то, что содержит в себе данная единица – «такой,

который не делится на два без остатка», и ничего кроме, поэтому при исключении отрицающего компонента, автоматически устанавливается противоположное [БТС]. Если «4» не является нечётным числом, значит, является чётным.

Однако Дж. Лайонз замечает, что существуют ситуации, «при которых некоторые импликации дихотомической классификации могут быть устранены» [Лайонз 1978: 487]. Подобная модификация возможна, когда понятия рассматриваются в «абсолютном» смысле и допускаются отклонения от нормы. Например, *живой – мертвый* следует рассматривать в качестве комплементарно противоположных, но в языке закреплено устойчивое выражение *ни жив ни мёртв*, характеризующее такое оцепенение, при котором человек находится на границе между двумя взаимоисключающими состояниями жизни и смерти, нарушается двухэлементное симметричное взаимодополнение, поскольку возникает представление о существовании некоего переходного состояния. Но фразеологизм *ни жив ни мёртв* имеет, скорее, экспрессивное образное значение, то есть отражает чувственное, субъективное восприятие действительности. Нейтральный объективный взгляд не предполагает среднего члена между жизнью и смертью, даже если человек находится на последнем издыхании, будет считаться, что он жив. Невозможно быть более живым или менее живым, как и более мёртвым или менее мёртвым. Состояние комы, воспринимаемое большинством обывателей как переходное, трактуется как «тяжёлое болезненное состояние, связанное с нарушением сознания и резким ослаблением реакции организма на внешние раздражители», но человек жив [БТС].

Стоит отметить, что во многих сказках сон связан с переходным состоянием, например в «Сказке о мёртвой царевне и семи богатырях» А.С. Пушкина, где главная героиня, пребывая в глубоком сне, не мертва, но и не жива.

Приведённый пример с комой демонстрирует такую действительность, которая выходит за рамки «нормального» восприятия. Как пишет Дж. Лайонз, модификация не происходит при «нормальном» употреблении единиц, находящихся в позиции дополнительности, то есть информация, которую

выражают слова, должна быть канонической, закреплённой в академических источниках [Лайонз 1978: 488].

Векторная противоположность

Рассмотрим четвёртый тип противоположности, который определяется Л.А. Новиковым как векторная противоположность (от лат. *vector* – 'везущий, несущий'). **Векторная противоположность** представляет собой связь между компонентами, выражающими разнонаправленность действий, движений: *встречаться – расходиться, восход – закат, начинать – заканчивать* [Новиков 1982: 245–246].

Данная разновидность противоположности даёт представление о начальной и конечной точке движения, а также о заданных направлениях. Например, *влететь – вылететь*. Так, *влететь* – 'летя, на лету проникнуть, попасть куда-либо', *вылететь* – 'полететь откуда-либо' [БТС].

При анализе противоположности векторного типа стоит учитывать специфику компонентов, а именно их содержательную сторону, поскольку рассматриваемый вариант отношений возможен в том случае, если речь идёт о процессах, имеющих взаимообратный характер, как действие и противодействие. Таким образом, начальный этап действия одного вектора-понятия совпадает с конечной стадией процесса противоположного вектора-понятия, например, *поднимать – опускать*.

Конверсивная противоположность

Ещё один тип смысловых отношений, который можно наблюдать между противоположными суждениями, называется **конверсивным** [Лайонз 1978: 493]. В языковом плане эту разновидность противоположности Дж. Лайонз связывает с процессом синтаксической трансформации, в результате которой именные группы меняются местами [там же]. Например, к высказыванию *Иван продал картину Василию* конверсивно противоположным будет высказывание *Василий купил картину у Ивана*. Произошла пермутация субъекта действия *Иван* и объекта действия *Василий*.

К. Маркс в своей работе «Капитал» анализирует конверсию с позиции товарно-денежных отношений. Он рассматривает потребительскую стоимость и меновую стоимость как противоположные составляющие собственно товара, в котором «продажа и покупка представляют собой различные моменты одного процесса, но каждый акт этого процесса вместе с тем заключает свою противоположность» [Маркс 1983: 86]. Следовательно, при конверсии сама ситуация не меняется, противоположными оказываются позиции, с которых наблюдается эта ситуация. Например, *Учитель даёт книгу ученику* и *Ученик берёт книгу у учителя*. *Дать – брать* отражают процесс передачи книги от одного объекта другому.

По мнению К. Маркса, конверсия выражает внутреннюю противоположность. Внутренняя противоположность заключена в одной сущности, то есть конверсивы «представляют собой дифференцированную сущность» [Маркс 1955: 321]. Например, *Предприниматели **продают** товар* и *Посетители рынка **покупают** товар*. Внешняя противоположность возможна между двумя процессами. Именно такой вид противоположности является истинным, с точки зрения немецкого мыслителя, тогда как «действительными крайностями были бы полюс и не-полюс, человеческий и не-человеческий пол» [там же: 321]. Кроме того, Маркс отмечает, что такие противоположности «не имеют между собой ничего общего, они не тяготеют друг к другу, они не дополняют друг друга. Одна крайность не носит в себе самой стремление к другой крайности, потребность в ней или её предвосхищение» [там же: 321], то есть они противоположны по своей сути, поэтому бессмысленная попытка их объединить не будет иметь результата. Таким образом, внутренняя противоположность заключается в различении способов реализации процессов (объектов) в действительности, отношения к действительности, видения действительности, а внешняя противоположность воплощается между разными сущностями.

Анализ всех разновидностей противоположности позволяет не только изучить особенности возникновения различий между понятиями, но и определить

логическую основу такого лингвистического явления, как антонимия. Так, вслед за Л.А. Новиковым мы считаем, что семантическая противоположность формируется на базе контрарной, комплементарной и векторной противоположности, поскольку все три вида способны выражать максимальное различие между компонентами. Контрадикторный тип формирует ослабленную противоположность, при конверсивной противоположности один процесс представлен с противоположных точек зрения.

Широкий потенциал способов выражения противоположности требует разграничивать антонимы в соответствии с типологией противоположности.

1.3 Проблема классификации антонимов

В основу наиболее известных из существующих классификаций антонимов положены вид выражаемой противоположности (контрарные, комплементарные, векторные), наличие/отсутствие зависимости отношений противоположности от контекста (языковые и речевые), состав антонимических пар (в зависимости от того, какими единицами языка представлены компоненты антонимической пары, антонимы-слова, антонимы-фразеологизмы, противоположность слова и свободного сочетания и др.), принадлежность к определённому грамматическому классу (антонимы-прилагательные, антонимы-глаголы, антонимы-наречия и др. Рассмотрим наиболее известные классификации.

Семантические классификации антонимов

В основу одной из семантических классификаций антонимов положен тип отношений между противоположностями (см. раздел 1.2.2). С этой точки зрения выделяются антонимы, обозначающие контрарную противоположность (*горячий – холодный, большой – маленький*), комплементарную (*можно – нельзя, правда – ложь*), векторную (*завязать – развязать, вперёд – назад*) [Новиков 1982: 245–246].

Существует также семантическая классификация антонимов, в основе которой лежит иной признак, а именно: тип семантических отношений [Апресян, 288-297]. К первому типу '*начинать*' - '*переставать*' относятся такие пары, как *влетать – вылетать, входящий – исходящий* (звонок) и др. Например, *входит*

обозначает действие, характеризующее начало местопребывания внутри чего-либо, *выходить* называет процесс прекращения локализации внутри чего-либо. Второй тип **‘действие’** - **‘уничтожение результата действия’** представляют антонимы *соединить* – *разъединить*, *зажечь* – *потушить*, *нагреть* – *остудить* и др. Следующий тип **‘Р’** - **‘не Р’** показан парами *настоящий* – *фальшивый*, *тождество* – *различие* и подобные. Четвёртый значительный тип **‘больше’** - **‘меньше’** составляют антонимы параметрического характера: *редеть* – *густеть*, *глубокий* – *мелкий* и др.

Возможно, подобная классификация не является совершенной в том смысле, что, как замечает сам исследователь, составляющие её единицы «могут довольно сильно пересекаться или даже целиком включаться одна в другую» [Апресян 1974: 288]. Например, *разрешать* – *запрещать* Ю.Д. Апресян относит к типу **‘Р’** - **‘не Р’**, то есть отрицается всё значение исходного слова, но эта пара может быть отнесена к типу **‘действие’** - **‘уничтожение результата действия’**, поскольку *запрещать* означает ‘ликвидировать результат действия *разрешать*’: *На начальных этапах он **разрешил** пропускать теоретические занятия, но к концу семестра все вольности разом **запретил***. Таким образом, действия *запретил* – *разрешил* имеют взаимообратный характер.

Л.П. Крысин полагает, что антонимы также можно классифицировать по их основным значениям: наличие – отсутствие признака (*движение* – *покой*, *влажный* – *сухой*), начало действия или состояния – прекращение действия или состояния (*войти* – *выйти*, *зацвести* – *отцвести*), большая величина признака – малая величина признака (*тяжёлый* – *лёгкий*, *горячий* – *холодный*), пространственная ориентация предмета (*верх* – *низ*), вкусовые качества пищи (*сладкий* – *горький*), цвет предмета (*тёмный* – *светлый*) [Крысин 2007 : 177-179].

Обратим внимание, что сам перечень значений не является исчерпывающим. Исходя из существующих в языке антонимичных пар, можно выделить, например, антонимы, имеющие отношение к обозначению времени: *сегодня* – *завтра*, *день* – *ночь*, *тогда* – *теперь* и др.

Классификация антонимов по наличию/отсутствию зависимости отношений противоположности от контекста

Согласно данной классификации традиционно разграничивают контекстуальные (окаzionaliальные, речевые) и узуальные (языковые). В исследованиях и терминологических словарях антонимы называют **языковыми**, или словарными, то есть вошедшими в систему языка, если слова выражают взаимную противоположность в любой речевой ситуации [Новиков 1982: Соколова 1977; Крысин 2007; СЛТ]. Например, противоположности в паре *добро – зло*: *Добру и злу внимая равнодушно...* (А.С. Пушкин «Борис Годунов»). Значение взаимной противоположности между словами *добро – зло* имеет постоянный характер, оно закреплено в семантическом поле каждой из представленных лексем, поэтому воссоздаётся в любом контексте при контактном употреблении настоящих единиц: *А ведь ты знаешь, — говорит Федя, — мы любим людей за то **добро**, которое мы им сделали, и не любим за то **зло**, которое мы им делали.* (Л.Н. Толстой «Живой труп»). Эта пара зафиксирована в словарях антонимов.

Контекстуальные антонимы обнаруживают взаимную противоположность в определённом словесном окружении [там же]: *Речи что **мёд**, а дела как **полынь*** (пословица). В данном примере противоположность значений имеют слова *мёд – полынь*. Они передают максимальное вкусовое различие и соответствуют языковым антонимам *сладкий – горький*. По мнению Л.А. Новикова, «самым существенным признаком контекстуальных антонимов следует считать то, что эти слова, относящиеся по своим первичным функциям в языке к различным тематическим группам, входят своими вторичными функциями, обусловленными речью, в общую тематическую группу» [Новиков 1966: 85]. Антонимами слова *мёд – полынь* являются только в данном контексте. В пословице представление об их противоположной семантике определяется отношениями противопоставления, которые формируются в контексте благодаря значению противительного союза *а*. Как замечает Н.Л. Соколова, «не каждый контекст способствует реализации “речевых” антонимов», «одним из наиболее часто встречающихся, относительно

регулярных средств выявления “речевых” антонимов является контекст, построенный на использовании параллельных конструкций, в которых реализуются “языковые” антонимы» [Соколова 1977: 63]. Противопоставленность слов *мёд* – *полынь* усиливается тем, что данные единицы расположены в параллельных конструкциях.

В исследованиях, посвящённых вопросу зависимости отношений противоположности от контекста, рассматривалось множество вариантов классификации антонимов. Так, М.Р. Львов в статье «К вопросу о типах лексических антонимов» разграничивает полные (прямые, симметричные), неполные (непрямые, асимметричные) и контекстуальные антонимы. К полным антонимам лингвист причисляет пары типа *нельзя* – *можно*, *да* – *нет*, *поднять* – *опустить* [Львов 1970: 72]. В таких парах крайние члены в которой равноудалены друг от друга относительно некой нулевой точки отсчёта. Например, такой точкой для антонимов *симпатия* – *неприязнь* является *равнодушие*.

Если крайние члены в логической схеме не находятся в положении равной удалённости, то есть асимметричны относительно друг друга, значит, антонимы будут неполными. Например, в паре *большой* – *мизерный* слово *мизерный* – это не просто маленький, а очень маленький. Кроме того, к неполным антонимам М.Р. Львов относит слова с противоположным значением, которые характеризуются различными сферами употребления (книжное *старец* и нейтральное *юноша*), несходны в эмоционально-экспрессивной окраске (нейтральное *копить* и разговорно-сниженное *транжирить*). В роли неполных антонимов могут выступать и фразеологические обороты, например *трудиться* – *бить баклуши*.

Противоположность контекстуальных антонимов определяется только в контексте. Например, *миллионы* – *тьмы* в контексте *Миллионы* – *вас. Нас тьмы, и тьмы, и тьмы* (А.А. Блок «Скифы») [там же]. Слово *миллионы*, называя конкретное число, реализует отношения противопоставления со словом *тьма* как обозначение неисчислимого, определённо превышающего миллионы. В результате формируется контекстуально обусловленная противоположность

значений слов *милёны* – *тмы*. Так, *милёны* представляются в значении ‘большое число’, а слово *тма* как ‘бесконечно большое число’.

Классификация антонимов с точки зрения статуса языковой единицы

Антонимы могут быть классифицированы в зависимости от статуса языковой единицы в антонимической паре слово – словосочетание. Так, Е.Н. Миллер выделяет четыре вида антонимов: антонимы-слова (*близко – далеко*), лексико-фразеологические антонимы (*близко – за тридевять земель*), слова и свободные словосочетания (*спуск – набор высоты*), фразеологические антонимы (*нога за ногу – во весь опор*) [Миллер 80].

Антонимы-слова чаще всего используются в речи. Антонимические пары иного состава расширяют границы антонимии, обладают значительным выразительно-изобразительным, экспрессивным потенциалом. Например: слово и фразеологизм (*Александр так же усердно старался умертвить в себе **духовное начало**, как отшельники стараются об умерщвлении **плоти***. – И.А. Гончаров «Обыкновенная история»), фразеологизм и фразеологизм (*влачить жалкое существование – как сыр в масле кататься*), слово и синтаксически несвободное словосочетание (*Лапы сложены вместе, на лапах покоится спящая морда, хребет согнулся в тяжёлое, ленивое кольцо: **спит** совсем, только одно веко дрожит... А пошевелись кто-нибудь около... вся фигура **полна** огня, **бодрости**...* – И.А. Гончаров «Обрыв»), синтаксически несвободное словосочетание и синтаксически несвободное словосочетание (*- **Фальшивый человек!** – возражали иные... - Помилуйте! Это **честнейшее сердце**...* – И.А. Гончаров «Обрыв»), фразеологизм и синтаксически несвободное словосочетание (***Способна** ли она к дальнейшему **развитию**, или уже **дошла до своих геркулесовых столпов***. – И.А. Гончаров «Обрыв»). Особенности функционирования фразеологических антонимов словосочетаний-антонимов изучаются в работах А.И. Молоткова, Н.Ф. Алефиренко, К.Л. Киселёвой, В.П. Жукова, А.В. Жукова, В.А. Сазоновой, В.С. Соловьёвой, Е.А. Боровых и др.

Структурная классификация антонимов

Данная классификация предполагает разделение антонимов на однокорневые и разнокорневые. Разграничение однокорневых и разнокорневых антонимов базируется на словообразовательных особенностях слов-антонимов [Новиков 1984: 70-74].

Установим, что **разнокорневые** антонимы – это «антонимы, различающиеся корневыми морфемами» (*заплакать* – *засмеяться*, *эгоизм* – *альтруизм*, *разлучаться* – *встречаться*) **однокорневые** антонимы – это «антонимы, имеющие общую корневую морфему» (*верный* – *неверный*, *открыть* – *закрыть*, *надземный* – *подземный*) [Шанский 1972: 65]

Число разнокорневых антонимов в языке значительно превышает пары однокорневых антонимов. Противоположность значений однокорневых антонимов «возникает или как результат присоединения к одному и тому же слову антонимичных приставок (*при+ходить* – *у+ходить*, *со+бирать* – *раз+бирать*), или как следствие употребления приставки, придающей слову противоположный смысл (*грамотный* – *не+грамотный*, *революционный* – *контр+революционный*)» [там же]. Однокорневые антонимы обнаруживают тесную деривационную и смысловую связь друг с другом. Т.Г. Бочина считает, что употребление однокорневых антонимов «наиболее экономичным и наглядным образом воспроизводит дихотомическое восприятие мира» [Бочина 2003: 23]. Наиболее широко однокорневая антонимия распространена у глаголов: *вбегать* – *выбегать*, *взбегать* – *сбегать* (*на гору/с горы*), *запирать* – *отпирать*, *подходить* – *отходить*, *приносить* – *уносить*, *привязывать* – *отвязывать*, *собирать* – *разбирать* и др. Можно обратить внимание на то, что большинство таких антонимичных пар имеет семантику разнонаправленности действий. Это характерно для глаголов с семантикой движения.

У прилагательных и существительных значение противоположности формируется с помощью приставок *анти-*, *противо-*, *контр-*, *бес(з)*, которые присоединяются к бесприставочному слову, образуя таким образом пару

антонимов: *государственный* – *антигосударственный*, *оборонный* – *противооборонный*, *атака* – *контратака*.

Противоположность значений между прилагательными формируется в результате добавления приставки *не-*, но при этом следует помнить, что данный префикс не всегда создаёт семантику, которая максимально бы отличалась от семантики другого члена предполагаемой антонимической пары. В случае *холодный* – *нехолодный* лексическое значение второго слова не является наиболее удалённым по отношению к значению первого, поэтому пара *холодный* – *нехолодный* не всегда признаётся антонимами.

Среди однокорневых антонимов больше всего глаголов и прилагательных, меньше однокорневых антонимов-существительных, например: *сила* – *бессилие*, *счастье* – *несчастье*, *удар* – *контрудар*, *фашист* – *антифашист*.

Морфологическая классификация

С точки зрения частеречной принадлежности выделяются антонимы-глаголы (*анализировать* – *синтезировать*, *бледнеть* – *краснеть*, *веселиться* – *тосковать*, *чистить* – *грязнить*, *сжимать* – *разжимать*), антонимы-существительные (*благо* – *зло*, *белизна* – *чернота*, *ввоз* – *вывоз*), антонимы-прилагательные (*правда* – *неправда*, *благополучный* – *неблагополучный*, *умный* – *глупый*, *добрый* – *злой*, *весёлый* – *грустный*), антонимы-наречия (*быстро* – *тихо*, *близко* – *далеко*), антонимы-деепричастия (*просыпаясь* – *засыпая*), антонимы-причастия (*веселящийся* – *тоскующий*), антонимы-местоимения (*все* – *никто*), антонимы, выраженные модальными словами (*да* – *нет*), предлогами (*до* – *после*), количественными словами (*много* – *мало*). Таким образом, взаимная семантическая противоположность присуща словам всех грамматических классов. Это подтверждает представление о том, что противоположность является «одним из характерных проявлений природной склонности человеческого ума» [Новиков 84: 7], а язык и мышление – «два неразрывно связанных вида общественной деятельности» [БЭС].

Интересен сам факт, что антонимичные пары классифицируются в зависимости от морфологической выраженности. Таким образом, для осознания

явления антонимии в целом существенными являются лексическое и грамматическое значения слов.

Особо стоит отметить существование межчастеречной антонимии (*веселиться – грустный*), ибо основным критерием антонимии как категории лексической является план содержания, а именно семантика противоположности. В таком случае единая морфологическая выраженность антонимов в паре не является определяющей для обозначения максимального различия. Грамматическое значение, которое накладывается на лексическое значение, выступает в качестве необязательного признака антонимичности слов.

Классификация антонимов с точки зрения морфологической принадлежности является формальной. Следовательно, существенным определяется не частеречная выраженность антонимов в парах, а то, какое категориальное значение является для них общим. Так, общим может быть значение процесса (*анализировать – синтезировать, веселиться – тосковать, завязывание – развязывание, ввоз – вывоз*), признака (*разумный – неразумный, белизна – чернота*), предметности (*похвала – осуждение, подлинник – подделка*).

Таким образом, основные классификации антонимов – это семантические классификации, классификация антонимов по наличию/отсутствию зависимости отношений противоположности от контекста, классификация антонимов с точки зрения статуса языковой единицы, структурная классификация и морфологическая классификация.

Выводы

Антонимия есть выражение максимального семантического различия. Таким образом, основным понятием, определяющим границы антонимии, является понятие противоположности. Антонимия формируется на базе контрарной, комплементарной и векторной противоположности, поскольку все три вида способны выражать максимальное различие между компонентами. Вопрос о том, может ли контрадикторная противоположность формировать антонимию, остаётся открытым. Существует точка зрения, согласно которой контрадикторный тип формирует ослабленную противоположность.

Антонимия, как правило, представлена парой слов. Особая разновидность антонимии – энантиосемия (противоположность значений внутри одного слова). Антонимы – слова, которые при назывании объектов или явлений окружающей действительности обнаруживают семантическую общность родового признака и максимальное различие видового. Антонимы, обозначая семантическую противоположность, индифферентны по отношению к грамматической выраженности.

Антонимы классифицируются по семантическому, морфологическому и структурному признаку, по наличию/отсутствию зависимости отношений противоположности от контекста и с точки зрения статуса языковой единицы.

ГЛАВА II. РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЁМ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИКИ

2.1. Понятия «приём», «троп», «фигура речи»

Экспрессивные возможности антонимов, их роль в качестве «украшающего» речь элемента являются объектом внимания со стороны таких учёных, как Л.А. Новиков, Л.А. Матвиевская, Л.А. Введенская, О.С. Борковская, А.Л. Толстая и др.

Анализируя потенциал антонимии как изобразительно-выразительного средства, языковеды оперируют понятиями «троп», «фигура речи», используя их как синонимы, «стилистический приём», «риторический приём» [Приходько 2008; КР; ПСК]. По мнению В.К. Приходько, **приём** является более широким понятием по сравнению с тропом и фигурой. Под приёмом обычно понимается «структурно-семантические отношения и такая речевая реализация средств, в которых наилучшим образом реализуется экспрессия текста и авторский замысел» [Приходько 2008: 11]. Такое представление о приёме позволяет относить к приёмам множество явлений речи. Рассмотрим другие подходы к пониманию этого термина.

Термин **приём** как литературоведческий термин был введён в научный обиход теоретиками ОПОЯЗа в начале 20 века. Согласно идеологии «формальной школы», приём «расценивался как главный “инструмент” превращения явлений, находящихся вне сферы искусства (“материал”) в факт искусства» [ЛЭТ]. Иначе говоря, это понятие близко к понятиям «способ», «метод», в силу чего приём трактовался как «художественно-методологическая категория» [Виноградов 1976: 52], объединяющая «все те средства и ходы, которыми поэт пользуется при “устроении” своего произведения» [ЛЭС]. С точки зрения литературоведения, приём задаёт структуру целого текста. Языковой анализ текста также предполагает использование термина **приём**. В этом аспекте определяется иное значение термина. Так, В.П. Москвин приём видит как некий акт, действие, направленное на создание «выразительных средств», что сходно с литературоведческим представлением об этом термине как способе

организации, но только не в масштабах всего произведения, а в конкретном отрывке [ВР]. А.П. Сковородников полагает, что приёмы могут служить идейно-тематическим центром или стилистической доминантой целого небольшого текста не только в поэтической речи, но и в газетно-публицистической [ЭС-С]. По мнению Г.А. Копниной, системообразующим свойством приёма является «мотивированность (стилистическая и – шире – риторическая) отклонения от нормы и её нейтрального варианта» [Копнина 2010: 16]. В рамках риторической теории Г.А. Копниной норма как категория имеет условный характер, зависит от области исследования. Норма в лингвистическом представлении – это «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации» [БЭСЯ]. При нарушении стабильных правил происходит отклонение от образца. Поль де Ман в своей работе «Аллегии чтения: Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке, Пруста» пишет, что «отклонение рассматривается как диалектическое отрицание неразрывной связи знака и значения, управляющей грамматическими образцами» [Поль де Ман 1999: 16]. С этой позиции, норма реализуется в случаях, когда знак и значение соответствуют заданной грамматической модели.

В то же время приём, как отмечается, например, в КР, «не обязательно является нарушением собственно языковых норм, поскольку отношения “нормативный язык/ненормативное содержание” возможны при передаче различных абсурдов, бессмыслиц» [КР]. Если отклонение не является мотивированным, то есть намеренным, осознаваемым актом, тогда оно будет квалифицироваться как ошибка. См., например, нарушение логического закона: *Он вошёл в кабинет с жёстким решением и чашкой горячего кофе*. Слова *решение* и *кофе* обозначают неоднородные понятия, однако в предложении они использованы в роли однородных членов. То же самое отклонение как намеренное речевое действие можно интерпретировать как особый приём (зевгма), используемый для создания выразительности, речевой игры, шутки и т.п.

Следовательно, приёмом становится такой способ организации речи, который реализует определённую коммуникативную функцию. Это может быть функция убеждения в чём-либо (функция усиления), функция эстетического воздействия, выразительности, установления и поддержания контакта и др.

Специализированные словари и справочники выделяют риторические и стилистические приёмы [КР]. Вопрос о соотношении понятий «риторический приём» и «стилистический приём» разрабатывается Г.А. Копниной.

Г.А. Копнина отмечает, что понятие «риторический приём» шире понятия «стилистический приём», поскольку стилистический приём «не покрывает всё существующее в современной практике многообразие различного рода отклонений от нормы» [Копнина 2010: 15].

Таким образом, обеспечивающий эффективность речи риторический потенциал, реализуемый приёмами, превосходит стилистические возможности, поскольку воздействие, произведённое речью, может быть достигнуто не только средствами стилистики: риторика включает в себя различные стратегии ведения речи, учитывающие структурно-композиционные требования, она «не обязательно использует культуру речевого общения» – допускается замена речи жестом или действием [Рождественский 2006: 78].

Согласно теории Г.А. Копниной, **риторический приём** определяется как «способ построения высказывания, основанный на мотивированном целеустановкой говорящего/пишущего и условиями общения (контекстом или ситуацией) отклонении от нормы в широком смысле: *Долг г р а б е ж о м красен* (КП 3 марта 1995г., заголовок)» [КР].

Вероятно, в таком случае следует говорить о том, что риторический приём реализует особую, риторическую функцию. Риторическая функция представляет собой разновидность «коммуникативной функции (функции общения), объединяющая такие частные функции, как: фатическая (установления и поддержания контакта), перлокутивная, или волюнтативная (воздействия), стилистическая и другие, реализация которых в речи обеспечивает её эффективность [КР].

Проанализируем подробнее следующий пример: *Хотелось **отложить** денег на старость. Не получается. Придётся **отложить** старость* («Земля Нижегородская», № 41, 2012). Слово *отложить* употребляется в двух разных значениях: ‘сохранить, не расходуя, сберечь’ и ‘перенести на более поздний срок’ [БТС]. Обыденная проблема маленькой зарплаты преподносится адресантом речи в комической форме. Кроме того, представленный приём помогает привлечь внимание, поскольку поднимаемые вопросы о финансовой обеспеченности актуальны и найдут отклик у потенциального адресата речи.

С точки зрения системного подхода, **стилистический приём** трактуется как разновидность риторического приёма: *Он профессиональный смельчак, наши Дядя. В его легенде храбрость стоит на первом месте* (Ю. Нагибин) [КР]. Следовательно, стилистический приём также строится на основе «прагматически мотивированного отклонения от языковой нормы, или её нейтрального варианта, или речевой нормы с целью определённого воздействия на адресата» [там же].

Стилистический приём выполняет одну из риторических функций – стилистическую функцию, то есть выступает как средство усиления выразительности и изобразительности высказывания. Например:

*Толпа вошла, толпа вломилась,
В святилище души моей...*

Ф.И. Тютчев «Чему молилась ты с любовью...»

Для воссоздания картины душевных переживаний лирического героя автором используются такие стилистические приёмы, как анафора (*толпа*), градация (*вошла – вломилась*), метафора (*святилище души*), синтаксический параллелизм. Отметим также, что с помощью стилистически окрашенного слова *святилище* передаётся отношение к душе как к чему-то внушающему благоговение и глубокое почтение, усиленный анафорой эффект обезличивания образуется с помощью слова *толпа*, нарастающая жестокость и бессердечность действий толпы подчёркивается экспрессивным, имеющим оттенок разговорности словом *вломилась*. Благодаря подобному воплощению изобразительной и

выразительной функций взору читателя предстаёт контраст души и угнетающей её толпы.

Итак, с помощью стилистического приёма в речи реализуется одна из риторических функций – выразительно-изобразительная. Фактически стилистический приём отличается от риторического приёма только функциональным потенциалом. Функциональные возможности риторического приёма шире, чем у стилистического. Принцип образования (мотивированное отклонение от нормы) является общим.

Обратим внимание, что в научных исследованиях, терминологических словарях и справочниках при характеристике возможностей речи используются термины «выразительные средства», «художественный приём». Принципиальной разницы между характеристиками этих понятий не отмечается [КР; СЛТБ; ЭС-С]. При этом обнаруживаются, что выразительные средства, художественные приёмы, стилистические приёмы по функциям дополняют друг друга. С системной точки зрения, данные понятия реализуют межвидовые отношения.

Художественный приём – это «композиционное, ритмическое стилистическое или звуковое средство, служащее для конкретизации, подчеркивания того или иного элемента повествования (состояния персонажа, описания, авторской речи и т. п.)» [СЛТБ]. С функциональной точки зрения, «художественный приём» указывает на особенности реализации единиц языка в литературоведческом аспекте.

Выразительные средства – это такие языковые средства, которые способствуют точности, логичности, ясности, экспрессивности (эмоциональности, оценочности, интенсивности и образности) и обеспечивают полноценное (максимально приближенное к пониманию заложенной в тексте информации) восприятие речи адресатом» [ЭС-С]. Стоит отметить, что, по мнению М.Р. Савовой, «средствами выразительности могут являться все средства языка и речи (если они соответствуют коммуникативным целям автора речи)» [Савова 1998: 30]. Выразительные средства используются для установления коммуникации, для гармонизации речи.

Таким образом, родовым по отношению к понятиям «стилистический приём», «выразительные средства» и «художественный приём» следует считать понятие «риторический приём». Термин «риторический приём» в значении, предложенном Г.А. Копниной, будет основным в настоящей работе.

По мнению А.П. Сковородникова и Г.А. Копниной, стилистические приёмы подразделяются на тропеические – собственно тропы, и нетропеические – стилистические фигуры. Таким образом, все риторические понятия связаны между собой системными отношениями: первый уровень – понятие «риторический приём», второй – «стилистический приём», третий – «стилистическая фигура» и «троп» [КР]. Проанализировав, как соотносятся понятия «риторический приём» и «стилистический приём», рассмотрим, как связаны между собой понятия «стилистическая фигура» («фигура речи», «фигура») и «троп». Для этого обратимся к дефинициям терминов «троп» и «фигура».

Терминологические словари и справочники предлагают различные трактовки для каждого из терминов. Так, например, **тропом** считают «такие обороты (образы), которые основаны на употреблении слова (или сочетания слов) в переносном значении» [БЭСЯ]; «переносное значение понятия» [ПР]; «стилистический перенос названия, употребление слова в переносном (не прямом) его смысле в целях достижения большей художественной выразительности» [СЛТ]; «использование слова или слов в переносном значении» [РС]; «средство выразительности, основанное на переносе значения и, в результате, совмещении смыслов в одной и той же форме» [СТМ]. То есть акцент делается только на изменении, точнее смещении, семантики¹. В поэтической фразе *Над скудной глиной жёлтого обрыва в степи грустят стога*. (А.А. Блок

¹ Подобный подход к трактовке тропа является узким. В широком понимании троп «является формой художественного мышления, которая может воплощаться не только в слове, но и в разных материалах искусства» [ПР]. В этом смысле сущность тропа определяется как художественное видение объективной действительности, проявляющееся в словесной, изобразительной, музыкальной и других формах искусства, и воплощением тропа может быть целое литературное произведение и сочетание слов, единое музыкальное творение и отдельно взятый аккорд, комплексное архитектурное сооружение и элемент декора. С этой точки зрения, собственно тропом следует называть «ментальный языковой механизм» [ЭСТ], процесс, реализующийся в сознании человека, следствием которого является смещение значения.

«На поле Куликовом») автор, осмысляя действительность, наделяет неодушевлённый предмет (*стога*) свойством живого существа – умением грустить. В данном случае тропом будет воплощение в речи мыслительного процесса, при котором неживой объект может чувствовать, мыслить, страдать. Троп рассматривается как результат психических, познавательных процессов человека.

В.П. Москвин считает, что троп – это «метафорические и метонимические наименования, используемые в эстетической функции» [Москвин 2006: 12]. В этом случае троп видится как особая номинативная единица, как итог переосмысления действительности.

К тропам обычно относят метафору (олицетворение и овеществление как виды метафоры) и метонимию (синекдоха как вид метонимии) в эстетической функции.

Так, в стихотворной строчке *Не часто ль солнце образ свой купает в лоне вод?* (В.А. Жуковский «Рыбак») автор с помощью метафоры представляет необычное видение такого явления, как отражение солнца в воде. В сознании осмысляются свойства, которые присущи живым существам (действие, названное глаголом *купаться*). Эти свойства приписываются неодушевлённому объекту – отражение солнца, само солнце. Таким образом, воображение создаёт образ солнца, который наделён персонифицированными чертами. Фраза оказывает эстетическое воздействие на читателя. В этом и заключается функциональная значимость тропа.

В научной литературе для обозначения изобразительно-выразительных средств наряду с термином *троп*, как уже говорилось, используется термин *фигура речи* (*фигура, стилистическая фигура*). Рассмотрим, как соотносятся эти термины и понятия.

Согласно античной традиции **фигуры** – это «любые языковые средства, включая тропы, придающие речи образность и выразительность» [ЭРЯ]. Существует и более узкое представление о фигуре как «обороте речи, синтаксическом построении, используемом для усиления выразительности

высказывания» [СТ], как «обороте речи, отклоняющемся от нейтрального словоупотребления и направленном на усиление выразительности высказывания» [ЭСТ], как «интонационно-синтаксические конструкции, основанные на нарушении правил нормативной речи с целью придания тексту большей выразительности и эмоциональности, создания эффекта необычности, взволнованности, для украшения речи» [ПР]. На наш взгляд, вторая трактовка фигуры речи позволяет точно представить сущность данного средства и его функции, а именно: фигура имеет формализованный, моделируемый характер, поскольку первично значимой для фигуры является форма выражения. Примерами фигур могут служить инверсия (изменение обычного порядка слов в предложении: *Иль отравил твой **мозг несчастный** грядущих войн ужасный вид...* – А.А. Блок «Авиатор»), асиндетон (бессоюзе: ***Лесть, коварство, слава, злато** – мимо, мимо навсегда...* – А.А. Блок «Последнее напутствие»), полисиндетон (многосоюзе: ***И** коварнее северной ночи, **и** хмельней золотого аи, **и** любви цыганской короче...* – А.А. Блок «К музе»), анафора (единоначатие: ***Птицу**, хотевшую смерть унести, / **Птицу**, летевшую душу спасти.* – А.А. Блок «Художник») и т.п.

Помимо синтаксических вариаций фразы, по мнению М. Петровского, к фигурам могут быть причислены обороты, преобразующие содержание [ЛЭС], как то: гипербола, литота, антитеза, градация, где «существенными являются также особенности строения речи, характерные для этих фигур» [там же]. Например, гипербола формирует преувеличенное представление о свойствах описываемого предмета: *работать до седьмого пота* (поговорка).

Однако определить границу между тем, где происходит образное переосмысление действительности, как в случае с тропом, и тем, где важно строение речи, определённая синтаксическая конструкция, позволяющая изобразить реальную действительность, весьма сложно. Так, одни терминологические словари определяют гиперболу как фигуру речи [ПР; ЛЭТ; СЛТ], другие как троп [РС; Москвин 2006: 8; Приходько 2008: 7], третьи указывают её переходный характер между фигурой речи и тропом, отмечая в ряде

контекстов образность гиперболы (*Мириады карет валяются с мостов...* Н.В. Гоголь «Невский проспект») [СТМ, ЭСТ].

Отметим, что широкое значение термина «фигура речи» как любого языкового средства, придающего выразительность речи, показывает, что понятие «фигура» выступает в качестве гиперонима по отношению к термину *троп*. В узком значении интонационно-синтаксической конструкции, основанной на нарушении правил нормативной речи с целью придания тексту большей выразительности и эмоциональности, фигура является видовым понятием, стоящим в одном ряду с тропом. В таком случае фигуры и тропы будут выступать как соположенные выразительные средства. Если троп строится на основе преобразования семантики, то фигура – на основе преобразования синтаксических связей. Так, по мнению М. Петровского, «понятие фигуры основывается на той предпосылке, что одна и та же мысль может быть высказана в разных словесных выражениях» [ЛЭС]. Для фигуры существенным является схема расположения её образующих. Например, в фигуре инверсии существенен порядок элементов, для эллипсиса – отсутствие какого-либо члена предложения (*В партере – ночь.* А.А. Блок «Кармен»). Для тропа же важна прежде всего образность, помогающая «представить обозначаемое на базе других явлений действительности» [СЛТМ]. По мнению А. Горнфельда, «тропы имеют результатом обогащение мысли известным новым содержанием; фигура – определённые обороты речи, рассчитанные на известное действие, но не вносящие в содержание ничего нового, расширяющего познание» [ЭСТ]. Иначе говоря, благодаря тропу, являющемуся результатом поэтического мышления, создаётся слово-образ – «троп есть новое завоевание мысли» [ЭС]. Представление о происходящем для каждого индивидуально, поэтому воплощаемая в словесной форме картина уникальна, а значит, троп не может быть с точностью воспроизведён другим автором. Фигуры – это обороты речи, построенные таким образом, чтобы придать высказываемой мысли выразительность. Схема построения фигуры речи константна – меняются только наполняющие её компоненты. Например, анафора представляет собой единоначатие: *Охватила голову и стою, / - Что людские*

козни! - /**Охватила** голову и пою / На заре на поздней (М.И. Цветаева «Стихи к Ахматовой»); Ты и убогая, / **Ты и** обильная, / **Ты и** могучая, / **Ты и** бессильная, / Матушка Русь! (Н.А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо»).

Итак, рассмотрев такие термины, как «троп», «фигура речи», «риторический приём», «стилистический приём», «выразительные средства» и «художественный приём», мы показали, что в соотносимых с ними понятиями родовым понятием выступает «риторический приём». Представленные смежные понятия являют системные отношения: родо-видовую (риторический приём – стилистический приём, риторический приём – выразительные средства, риторический приём – художественный приём, стилистический приём – троп, стилистический приём – фигура речи) и межвидовую (фигура речи – троп, стилистический приём – выразительные средства, стилистический приём – художественный приём, выразительные средства – художественный приём) связь.

2.2. Соотношение понятий «риторический» и «стилистический»

Термины «риторический» и «стилистический» взаимосвязаны, а в некоторых терминологических словарях и справочниках подаются как синонимы [ЭСТ; ЛЭТ; СТМ]. На наш взгляд, следует разграничивать понятия «риторический» и «стилистический».

Слово «риторический» толковые словари определяют как прилагательное к «риторика», а также ‘малосодержательный, пустой, напыщенный (о словах, фразах)’ [МАС; БТС]. В словаре лингвистических терминов первое значение совпадает со значением толкового словаря (относящийся к риторике), а также указывается ещё одно значение: ‘приподнятый, изобилующий словами и выражениями, рассчитанными на привлечение внимания, усиливающими впечатление от высказываемого’ [СЛТ].

В значении ‘относящийся к риторике’ слово «риторический» может употребляться в сочетании с существительными «приём», «класс», «тонкости»: *риторический приём, риторический класс, риторические тонкости* [БТС]. В таком случае содержание понятия «риторический» можно раскрыть через определение риторики как науки.

Риторика, возникнув в античный период, изучала правила красноречия, изложения и подачи материала, чтобы оратор, имея цель воздействовать на слушателя, продемонстрировал свою точку зрения в наиболее выгодном свете. Аристотель считал, что риторика «способна представить убедительным любой предмет», поэтому называл её искусством, «не имеющим своего, особого рода предметов» [Аристотель 2000: 8]. Риторика, как пишет Е.В. Ключев, «возложила, на себя контроль за всеми стадиями процесса трансформации предмета в слово», она включала в себя разделы инвенции (осмысление предмета речи), диспозиции (композиционная составляющая речи), элокуции (фигуральные возможности речи), акции (особенности произнесения речи) и мемории (тренировка памяти) [Ключев 1999: 13]. Поэтому понятие «риторический» представляет собой совокупность признаков, отображающих отличительные черты инвенции, диспозиции, элокуции, акции, мемории. И следует учитывать, что большую роль в облегчении восприятия риторически организованной речи играют метатекстовые средства, которые помогают объяснить логический ход авторских рассуждений. В качестве примера такого средства может быть экспликация коммуникативных целей говорящего [Кормилицына, Ерастова 1999].

Во втором значении слово «риторический», ‘малосодержательный, пустой, напыщенный (о словах, фразах)’, реализуется, например, в следующем выражении: *Тут говорит не искреннее чувство, вырвавшееся из души, а просто **риторические**, холодные фразы* (А.В. Кольцов «Добролюбов») [пример взят из МАС].

Третье значение ‘приподнятый, изобилующий словами и выражениями, рассчитанными на привлечение внимания, усиливающими впечатление от высказываемого’ воплощается в словосочетаниях *риторический стиль, риторический шаблон, риторический штамп* [СЛТ].

В нашей работе слово «риторический» мы будем использовать в значении ‘относящийся к риторике’.

Слово «стилистический», согласно «Словарю лингвистических терминов», имеет несколько значений: относящийся к слову «стиль» (синоним *стилевой*) и

относящийся к слову «стилистика» [СЛТ]. В первом значении «стилистический» применяется в том случае, если объект речи относится к особенностям стиля, то есть прилагательное «стилистический» характеризует различия, свойства стиля: *стилистический колорит, стилистический архаизм, стилистическая дифференциация*.

«Стилистический» как производное от слова «стиль» определяет объект речи в его экспрессивно-оценочных свойствах: *стилистический оттенок* [СЛТ]. Стиль трактуется как 'функциональная разновидность, или вариант, русского литературного языка, отличающийся способами его использования в разных сферах общения' [СЭС]. Стиль является основополагающим понятием стилистики как науки. Стилистика – это раздел языкознания, «изучающий выразительные средства и возможности языка и закономерности функционирования (использования) последнего в различных сферах общественной деятельности и ситуациях общения» [там же]. В этом случае следует считать, что понятие «стилистический» представляет собой совокупность признаков, отображающих особенности функционирования языка и выразительные возможности языка.

Как свидетельствуют исследования, стилистика как наука сформировалась на основе риторики [РС; Рождественский 2006]. Элокуция, являясь разделом риторики, посвящена языковому воплощению речи, то есть «в разделе элокуции традиционно рассматривается учение о тропах и фигурах, а также теории стиля и жанра и теория соединения слов» [РС]. Возможно, по той причине, что объектом внимания риторики и стилистики выступают выразительные ресурсы языка, понятия «риторический» в значении 'относящийся к риторике' и «стилистический» в значении 'относящийся к стилистике' оказываются взаимосвязанными, а термины, номинирующие данные понятия, используются в словарях и справочниках как синонимы: *стилистическая фигура* и *риторическая фигура* [СТМ], *риторические средства* и *стилистические средства* [ЛЭТ].

На наш взгляд, содержание понятия «риторический» шире содержания понятия «стилистический»; они соотносятся между собой как «род» и «вид», а значит, следует разграничивать термины «риторический» и «стилистический».

Возможности риторики шире потенциала стилистики, поскольку стилистика ограничена нормой, немотивированное отклонение от нормы является ошибкой, мотивированное нарушение нормы становится основой стилистического приёма. В риторике же проблема нормы, как замечает Г.Г. Хазагеров, «периферийна» [РС]. Риторика владеет бóльшим арсеналом средств, работает не только с выразительными приёмами, но и с композицией, интонацией.

Риторика направлена на идеальную форму воплощения речи, для того чтобы оратор, используя риторические приёмы, мог воздействовать на аудиторию. Риторика создаёт особый культурный образец эффективного речевого взаимодействия между личностями. Она предлагает такую модель, в которой «частные и даже корыстные интересы тесно сплетались с общественной пользой» [Хазагеров 2008: 9]. В стилистике, по мнению Г.Г. Хазагерова, «частные интересы репрессируются ради удобства общей коммуникации» [там же]. Риторика и стилистика не являются абсолютно обособленными друг от друга. В частности, риторику и стилистику объединяет прагматический подход к языку, особенности функционирования единиц языка, только необходимым условием стилистики является соответствие «речевых средств речевой ситуации», а риторики – убедительность [РС].

Представление о понятии «риторический» обуславливается рациональным подходом риторики к действительности, стремлением к исчерпанности темы, поиском новых форм и тактик убеждения. Понятие «стилистический» опирается на факт соответствия/несоответствия коммуникативным обстоятельствам элементов речи.

Стоит отметить, что кроме «стилистический», видовым для понятия «риторический» является понятие «выразительный» в значении ‘ярко или образно что-либо выражающий’ [ТСУ].

Подводя итог, укажем, что в настоящей работе мы не будем использовать термины «стилистический», «стилистический приём». С нашей точки зрения, использование терминов «риторический», «риторический приём», являющихся родовыми, а следовательно, более общими по сравнению с терминами «стилистический», «стилистический приём», позволит расширить наше исследование по изучению реализации антонимов в речи.

2.3. Проблема системности описания риторических приёмов

Разнообразие известных науке способов представления мысли в речи заставляло ещё древних риторов задуматься над вопросом о систематизации приёмов. В терминологических лингвистических словарях весь арсенал риторических приёмов предоставляется в алфавитном порядке. Существует множество исследований, касающихся вопроса систематизации, однако единой точки зрения, как упорядочить все риторические приёмы, нет.

Для того чтобы понять принцип систематизации, необходимо было определить, какие приёмы известны риторической науке. Античные авторы, разрабатывая теорию риторики, называли разное количество приёмов. Например, в работах IV века упоминается только о трёх фигурах: антитеза, созвучие колонов, их равенство [Античные теории языка и стиля 1936: 166]. Е.В. Клюев указывает, что в одной из памятников эпохи эллинизма насчитывается около 70 фигур [Клюев: 177]. С развитием риторики как науки стали выделяться новые приёмы.

Систематизировать все известные приёмы сложно, поскольку объектом анализа станет бесчисленное количество речевых комбинаций. Несмотря на обилие материала по данной теме, сложно назвать определённый механизм, позволяющий вычленять риторические приёмы в речи. Так, например, Поль де Ман, ссылаясь на Ницше, пишет, что «сам по себе язык – это результат риторических трюков и приспособлений... Язык риторичен, ибо он стремится передавать только *doxa* (мнение), а не *episteme* (истину)...» [Поль де Ман 1999: 129]. Иначе говоря, словесно выраженная истина уже не может считаться таковой. В таком случае любое словесное выражение следует называть приёмом. Подобное

представление о риторичности языка «снимает» необходимость выделять и упорядочивать риторические приёмы.

Прежде всего отметим, что систематизация риторических приёмов затруднена из-за того, что термины в словарях и справочниках не имеют иногда единого определения. Как замечает И.В. Пекарская, «...часто суть одного и того же явления просматривается в нескольких терминах, или в различных классификациях одно и то же явление названо по-разному» [Пекарская 2000: 67]. В качестве примера рассмотрим такой приём, как диэксо́д. В источнике «Поэтическая речь. Словарь терминов» о диэксоде сказано, что это «стилистическая фигура, последовательное описание объекта рефлексии» [ПР]:

Заходите, пожалуйста. Это
 Стол поэта. Кушетка поэта.
 Книжный шкаф. Умывальник, кровать.
 Это штора – окно открывать.

Д. Самойлов [ПР]

Иначе этот же приём трактуется в терминологическом словаре «Фигуры речи», а именно: диэксо́д – это «беглое рассмотрение предметов по порядку, когда мысль только касается их, но не останавливается на них подробно» (*Расставшись с Максимом Максимычем, я живо проскакал Терекское и Дарьялское ущелья, завтракал в Казбеке, чай пил в Ларсе, а к ужину поспел в Владикавказ. – М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»*) [ФР].

Фактически определения противоречат друг другу. Первое акцентирует внимание на подробном описании, благодаря чему намеренно фокусируется взгляд на объекте – интерьере. Вторая интерпретация позволяет называть диэксо́дом упоминающиеся вскользь действия, события, предметы.

Ещё одним примером, отражающим явление неоднозначного определения термина, может послужить приём изоколо́на. Согласно «Словарю лингвистических терминов» О.С. Ахмановой изоколон – это «деление высказывания на равные ритмико-синтаксические отрезки или члены» [СЛТ]. В определении говорится о том, что делится (высказывание) и как делится (на

равные отрезки или члены), но не указывается, что изокolon является риторическим приёмом.

В терминологическом словаре «Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры» указано, что изокolon – вид амплификации, «нагнетание слов, словосочетаний и фраз приблизительно одинаковой длины»: *Я говорю с Богом по-испански, с женщиной по-итальянски, с мужчиной по-французски и с моей лошадью по-немецки* (Карл V) [ВР].

Терминологический словарь М.А. Горте «Фигуры речи» изоколоном называет «период из двух и более параллельных членов одинаковой длины»: *На небе ни облака; в поле ни речи* (Н.В. Гоголь «Сорочинская ярмарка») [ФР].

В терминологическом словаре «Культура русской речи» указывается «статус» изоколона: изокolon – «стилистическая фигура (разрядка наша. – Е.К.), построенная по принципу синтаксического параллелизма, заключающаяся в симметричном расположении одинаковых форм частей речи в тождественном по составу синтаксических конструкциях»: *Слишком самостоятелен, слишком неуправляем директор – сеет, что хочет, говорит, что думает* (Родина, авг. 1989) [КР].

В словаре «Поэтическая речь. Словарь терминов» изокolon определяют как «синтаксическая фигура, параллельное расположение одинаковых частей речи в смежных полустипиях, стихах, периодах, строфах».

Мои очи слезные коршун выключет,

Мои кости сырые дождик вымоет.

М.Ю. Лермонтов [ПР]

Данная трактовка акцентирует внимание на том, что изокolon является синтаксической фигурой, которая образуется, если одинаковые части речи расположены параллельно в смежных конструкциях.

Таким образом, в определениях неодинаково расставлены акценты в интерпретации изоколона: изокolon может быть синтаксической фигурой, стилистической фигурой, периодом, амплификацией; подчёркиваются разные особенности (параллелизм одинаковых частей речи, параллелизм одинаковых

форм частей речи, параллелизм членов одинаковой длины, равенство ритмико-синтаксических отрезков, избыточность слов приблизительно одинаковой длины)

Проблема определения границ явления касается также таких приёмов, как гипаллага, каламбур, метафора, метатеза.

Из-за разнобоя во взглядах на определение ряда терминов в научной среде сформировалась точка зрения, что «любая попытка редуцировать это сложнейшее гетерогенное явление языка и мышления до непротиворечивой таксономической классификации обречена на неудачу» [Полухина 1995]. Действительно, в настоящее время, по мнению Е.В. Клюева, существует несколько десятков (между 50 и 80) приёмов, поддающихся описанию, сходства и различия между ними настолько разнообразны, что сформировать одноуровневую систему, не имеющую исключений, сложно [Клюев 1999: 177]. Кроме того, дискуссионным является вопрос о принципе систематизации. Распределение по типам, классам, группам неоднородных по свойствам приёмов может идти по нескольким признакам.

Существует множество вариантов систематизации риторических приёмов, как считает В.П. Москвин, по внешнему, функциональному признаку, а потому «не отражающим онтологию системы» [Москвин 2006: 9]. Исследователь считает, что такие системы не учитывают сущность самого приёма, «не обладают объяснительной силой», «не охватывают всего разнообразия приёмов и средств, а кроме того, выходят путанными, противоречивыми» [там же]. Рассмотрим классификацию, которой придерживались такие античные риторы, как Квинтилиан, Гермоген, Теофраст. Так, все средства подразделялись на фигуры добавления, фигуры сокращения, фигуры созвучия, фигуры противоположения [Античные теории языка и стиля 1936: 263 – 273]. В дальнейшем содержательно такое представление о систематизации приёмов частично дублировалось или дополнялось.

В предлагаемой системе отражается близость признаков, на основании которых образуются риторические приёмы. Например, фигуры добавления: удвоение – повтор одного или нескольких слов (*Я убил, убил не Сепурия Мелия -*

пример из [Античные теории языка и стиля 1936: 263]), эпаналепсис – повтор слова в длинном словесном обороте (*Было всего два **пути**, этими **путями** могли они выйти из дому*), охват – повторение начального и конечного слова (***Мутно** небо, ночь **мутна*** – А.С. Пушкин «Бесы»). Фигуры сокращения: зевгма – «к одному слову относятся несколько членов предложения, причём в каждом из них, взятом в отдельности, ощущалось бы отсутствие этого слова» (*И горный зверь и птица, / Кружась в лазурной высоте, / Глаголу вод его внимали...* – М.Ю. Лермонтов «Демон»); усечение, определяемое как незаконченное высказывание [там же]. Фигуры созвучия: сходство окончаний, при котором в одной и той же фразе есть несколько слов, близких по произнесению (*Не жалею, не зову, не плачу* – С.А. Есенин); в анноминации объединены однокоренные слова, являющиеся разными частями речи (*Кукуй, кукуй, кукушечка!* – Н.А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо»). Таким образом, в основу образования риторических приёмов положено увеличение или уменьшение элементов, близость звучания слов и отношения противопоставление слов по сравнению с нейтральным выражением.

Недостатком подобной систематизации является то, что ряд приёмов не укладывается в установленные рамки, в частности, такие приёмы, которые создают нарочитую двусмысленность (амфиболия, адианозта). Признак протяжённости для них не имеет значения.

Своё видение систематизации риторических приёмов предлагает В.П. Москвин. Он считает, что все изобразительно-выразительные средства могут быть систематизированы по их соотношению с теми качествами речи, для реализации которых они используются [Москвин 2002]. Например, чтобы речь была изобразительной, используются эпитеты и сравнения: *Глаза как небо голубые, / Улыбка, локоны льняные* (А.С. Пушкин) [Москвин 2006: 16]. Автор теории считает вопрос о количестве качеств речи дискуссионным, полагая, что «реальность качества речи определяется наличием приёмов и средств его языкового воплощения» [Москвин 2006: 15]. Таким образом, список качеств речи может расширяться, в результате чего систематизация риторических приёмов

будет представлять собой постоянно развивающийся процесс, не отражающий специфики каждого из приёмов.

Оригинальную классификацию риторических приёмов приводит А.А. Волков в работе «Курс общей риторики». Учёный разграничивает фигуры выделения, призванные подчеркнуть ту или иную мысль в речи, и фигуры диалогизма, создающие эффект диалогичности в монологической речи [Волков 2001: 309-330]. К фигурам выделения относятся аккумуляция, используемая для изображения множественности или быстрой смены событий (*Смешались в кучу кони, люди, / И залпы тысячи орудий.* – М.Ю. Лермонтов), эллипсис (*И он подумал: «Время было, /И я, как ты, младенец милый, /Был чист, на небеса смотрел, /Как ты, молиться им умел /И к мирной алтаря святыне /Спокойно подходил... а **ныне...**?» /И голову потупил он....* - В. А. Жуковский), эналлага «употребление слова или конструкции вместо ожидающейся другой или как перестановка с видимым нарушением смысла» (*Нева металась, как больной в своей постели беспокойной* – А. С. Пушкин.) и другие [там же]. С помощью фигур выделения акцентируется внимание на каком-либо предмете.

Фигуры диалогизма представлены риторическим вопросом (*Что мне делать с птицей раненой?* - О.Э. Мандельштам), риторическим обращением (*Здравствуй, мой давний бред - / Башни стрельчатой рост!* - О.Э. Мандельштам), цитатой и другими. Благодаря данным риторическим приёмам возникает эффект полифонии в высказывании.

Определение статуса выделяющего или диалогизирующего приёма можно только непосредственно в контексте, поскольку функция обусловлена речевой ситуацией.

Рассмотренные системы, которые были предложены А.А. Волковым и В.П. Москвиным, античными авторами, раскрывают особенности взаимодействия риторического приёма с его речевым окружением, то есть исследуется функция приёма в речи.

Риторические приёмы могут быть систематизированы по особенностям их образования. Так, Г.А. Копнина обнаружила закономерности в организации риторических приёмов.

Она считает, что если известные науке риторические приёмы представить в виде гетерогенной системы, «элементы которой объединяются на основе **общего принципа построения и общей функциональной направленности**», то при выявлении структурных связей акцент необходимо делать на единстве способов формирования и функции [Копнина 2007, 556]. Учёный полагает, что в качестве такого единого принципа построения следует принять принцип отклонения выражения от нормы или нейтрального варианта. В рамках этой теории мотивированное отклонение представляет собой свойство, обеспечивающее целостность системы.

По мнению Г.А. Копниной, существуют «два родовых типа прагматически мотивированных отклонений: отклонения от языковой нормы или ее нейтрального варианта и отклонения от речевой нормы или ее нейтрального варианта» [Копнина 2010: 24]. Например, *Это мои «размышлизмы»* (АиФ. 2002. № 39) – приём, образованный при нарушении языковых (словообразовательных) норм [там же]. Нарушение речевой нормы показывает изменение правил «построения письменного или устного текста», обеспечивающих «его связность, цельность и однозначность, а также среднестатистические языковые характеристики текстов определённой стилевой и/или жанровой принадлежности»: ...*Муж очень поздно возвращается домой. Открывает дверь, перед ним стоит жена, в руке сковородка. Муж: – Иди ложись спать, я не голодный...* (Телесемь. 19-25.11.2007) [там же]. Отклонение от ситуационно-речевой нормы, так как содержание последнего противоречит ситуации.

В зависимости от типа нарушения систематизируются риторические приёмы. Так, А.П. Сковородников и Г.А. Копнина, называя четыре типа нормы (языковые и речевые, логические, онтологические, этологические), соответственно систематизируют риторические приёмы. Языковые и речевые риторические приёмы: какозелия «передразнивание» (*Идравится?* – СГ 8-14

июля 2000), амплификация «речевая избыточность» (*Мелькнула тень, и двух огней / Промчались искры... и потом / Какой-то зверь одним прыжком / Из чащи выскочил и лёг, / Играя, навзничь на песок. / То был пустыни вечный гость - / Могучий барс...* - М.Ю. Лермонтов) и другие [КР]. Паралогические риторические приёмы: амфиболия «случайная либо нарочитая двусмысленность фразы или словосочетания» (*Тень отбрасывает предмет, Тень отбрасывает людей.* – А. Вознесенский) [ВР], алогизм «нарушение логических связей в речи» (*Вот, как стукнуло мне шестнадцать лет, матушка моя, нimalo не медля, взяла да прогнала моего французского гувернёра, немца Филипповича из нежинских греков* – И.С. Тургенев) [там же]. Параонтологические приёмы: абсурд «бессмыслица» (*Чтобы враспынную разбежался Коган, встреченных увеча никами усов* – В.В. Маяковский). Параэтологические риторические приёмы основаны на нарушении правил речевого этикета: *Индия, о высокочтимый мой учитель, находится почти на самом краю земного диска и ограничена от этого края безлюдными и неизведанными пустынями...* (Л.И. Лагин «Старик Хоттабыч»).

Точка зрения Г.А. Копниной принимается не всеми исследователями. Так, В.П. Москвин считает, что теория отклонения от нормы как принципа, на основе которого образуются риторические приёмы, несостоятельна, поскольку не все приёмы могут представлять собой намеренное нарушение нормы, некоторые являют реализацию нормы, например, прономинализация, необходимая для устранения тавтологии: *Пошёл мокрый снег. Едва касаясь земли, он тут же таял* (Ю. Нагибин) [Москвин 2006: 19]. Г.А. Копнина прономинализацию не относит к риторическим приёмам [Копнина 2010: 16]. Анализируя точку зрения В.П. Москвина, отметим, что прономинализация не обладает риторической функцией – функцией воздействия. В данном примере замена существительного *снег* местоимением *он* позволяет связать два предложения и избежать немотивированного повтора слова.

Итак, мы показали, что проблема систематизации риторических приёмов всегда являлась предметом исследования. Предложенный Г.А. Копниной принцип отклонения от нормы и нейтрального варианта является общим принципом

образования всех риторических приёмов. В результате мотивированного нарушения нормы реализуются риторические функции приёма.

Вопрос о систематизации риторических приёмов остаётся открытым. В нашей работе мы будем систематизировать риторические приёмы, основанные на антонимии, в зависимости от типа отношений антонимов – линейный или нелинейный.

2.4. Функциональные возможности антонимов как объект риторики и стилистики

Антонимия представляет научный интерес как с позиции сущностных характеристик, так и с функциональной точки зрения.

Изучению выразительно-изобразительного потенциала слов-антонимов, используемых в качестве основы для риторических приёмов, посвящены статьи и диссертационные исследования. Однако следует отметить, что, как правило, работы по данной теме носят фрагментарный характер. Обычно предметом изучения являются антитеза [Корнилова 2008; Торосян 2005; Матвиевская 1977-1978]. Под антитезой, как правило, понимается практически любое употребление антонимов в речи. При этом определяющими для понятия антитезы могут являться разные признаки: «резкое противопоставление понятий, мыслей, образов»: *Ты богат, я очень беден; / Ты прозаик, я поэт* (А.С. Пушкин «Ты и я») [СЛТ], «сравнение двух противоположных явлений»: *Иная похвала хуже брани* (пословица) [Введенская 2005: 18], «сопоставление логически противоположных понятий или образов»: *Они сошлись. Волна и камень, / Стихи и проза, лёд и пламень / Не столь различны меж собой* (А.С. Пушкин «Евгений Онегин») [ЛЭТ]. Очевидно, проблема разграничения отношений противопоставления, сопоставления, сравнения требует пристального изучения, чему и будет посвящена наша работа.

Мы согласимся с точкой зрения Л.А. Новикова, который считает, что «основное назначение антитезы заключается, с одной стороны, в том, чтобы ярко противопоставить разные по своим качествам и свойствам сущности, а с другой – чтобы уточнить их принципиальное различие, сделав его “семантическим

фокусом” фразы» *Труд всегда даёт, а лень только берёт* (пословица) [Новиков 1973: 248].

В специальной литературе наряду с антитезой изучаются и некоторые другие приёмы, строящиеся на основе антонимии. Например, называются **диатеза** – «приём утверждения *среднего* признака путём отрицания противоположных признаков»: *Жизнью ни голодной, ни сытой, / Как другие многие края, / Чем ещё была ты знаменита, / Старая Смоленщина моя* (А.Т. Твардовский) [Введенская 2005: 22]; **реконсилия** – разновидность каламбура, основанного на антонимии: *Дураков каких мало у нас много* [Береговская 2009: 67] и др.

С помощью антонимов реализуются в языке ёмкие философские обобщения, выражается народная мудрость. Так, В.П. Астафьев, завершая повествование в рассказах «Царь-рыба», говорит о сути течения жизни, о смысле бытия: *Время родиться и время умирать... Время убивать и время исцелять... Время разрушать и время строить... Время любить и время ненавидеть. Время войне и время миру*. Антонимичные пары отражают текучесть времени, жизни, которая всегда полна противоречий.

Противоположные по значению слова, как замечает Т.Г. Бочина и другие, участвуют в образовании множества паремий (*Готовь сани летом, а телегу зимой*), различных афоризмов (*Нет ничего глупее желания всегда быть умнее всех* – Ф. Ларошфуко) и каламбуров (*Где начало того конца, которым оканчивается начало?*) [Бочина 2003].

Нередко антонимы используются в заголовках произведений: «Война и мир», «Преступление и наказание», «Толстый и тонкий». По мнению Я. Вежбиньски, антонимы в заголовке «становятся идейным стержнем всего произведения» [Вежбиньски 2013: 160]. Исследование данной роли антонимов предполагает анализ структуры всего произведения.

С помощью антонимов подчёркивается различие между явлениями действительности, описываются герои-антагонисты. Например, антитеза в романе И.А. Гончарова «Обрыв» помогает читателю представить внешний облик персонажей, например противопоставление праздничного и повседневного:

Райский одет был в домашнее серенькое пальто, сидел с ногами на диване. Иван Иванович был, напротив, в чёрном фраке [см. подробнее Корюкина 2013]. Исследованию функции антитезы в художественной литературе посвящены работы Я.А. Гудковой, М.С. Торосян, М.В. Плотниковой.

Следует обратить внимание на то, что в научной литературе при изучении риторических возможностей антонимов часто используется термин и понятие **контраст**. Это понятие не получило последовательной и строгой дефиниции.

Чаще всего контраст рассматривается как «принцип линейно-синтагматической организации речевого произведения» [КР], «композиционно-речевой приём организации и развития художественного текста» [Новиков 1998: 200], а само понятие контраста используется при системном описании риторических приёмов [Бочина 2003; Сазонова 2011; Борковская 2006]. Отмечается также, что контраст как способ изложения мысли реализуется в ряде частных фигур и тропов.

В риторико-стилистическом аспекте контрастом называют и «резко выраженную противоположность» [БТС], и «семантическое противопоставление однотипных единиц в речи и тексте» [СТМ], и «семантическую категорию, основанную на противоположности» [Тихомирова А.В., Махницкая Е.Ю 2011.]. Л.А. Матвиевская, пытаясь разграничить **контраст** и **антитезу**, приходит к выводу, что данные понятия выражают родовидовые отношения [Матвиевская 1978: 67]. В этом случае термин «контраст» является синонимом термина «противопоставление», обозначающего особый тип отношений между словами. На основании этих отношений формируется антитеза.

На наш взгляд, контраст — это сам эффект, то есть впечатление, возникающее у адресата речи в результате «столкновения» антонимов в тексте и позволяющее сформировать представление о различии предметов, образов, понятий. Вся совокупность основанных на антонимии приёмов потенциально направлена на создание контраста.

Риторика и стилистика имеют достаточный опыт описания различных риторических приёмов, но участие в их образовании антонимов как языковых

феноменов и функционирование семантических противоположностей в качестве составляющих приёмов описано не в достаточной степени. Как правило, изучение риторического потенциала антонимов представляет собой анализ конкретных примеров, детальное описание смысловых оттенков, формирующихся при взаимодействии антонимов. В область интересов риторики и стилистики входит исследование функций антонимов в речи. Антонимы используются при описании героев-антагонистов (антитеза), чтобы противопоставить, сравнить, сопоставить персонажей; для отражения противоречия в изображаемом (оксюморон), для создания комического эффекта (антифразис, каламбур).

Выводы

Термин «риторический приём» является основным в настоящем исследовании.

Приём представляет собой такой способ организации речи, который реализует определённую риторическую функцию. Это может быть функция убеждения в чём-либо (функция усиления), функция эстетического воздействия, выразительности, установления и поддержания контакта и др.

Совокупность риторических приёмов в терминологических лингвистических словарях предоставляется в алфавитном порядке. Существует множество исследований, касающихся вопроса систематизации риторических приёмов, однако единой точки зрения нет. Стоит отметить, что разработка единой типологии затруднена из-за того, что термины в словарях и справочниках не всегда трактуются одинаково. Кроме того, дискуссионным является вопрос о принципе систематизации риторических приёмов. На наш взгляд, системы, в которых раскрываются особенности взаимодействия риторического приёма с его речевым окружением, отражают сходные функции приёмов в речи, что представляется в бóльшей степени значимым для исследования текстов.

Риторика и стилистика имеют достаточный опыт описания различных риторических приёмов, но участие в их образовании антонимов как языковых феноменов и функционирование семантических противоположностей в качестве составляющих приёмов описано не в достаточной степени. Как правило, внимание сконцентрировано на таких распространённых приёмах, как антитеза, оксюморон и антифразис.

ГЛАВА III. ФОРМИРОВАНИЕ РИТОРИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ НА ОСНОВЕ ЛИНЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ АНТОНИМОВ В РЕЧИ

3.1. Типы отношений, реализующихся между антонимами в речи:

линейные и нелинейные

Обзор научной литературы, поднимающей вопросы систематизации риторических приёмов, позволил сделать вывод об отсутствии единой, принятой всем научным сообществом системы. По существу, наиболее полной, непротиворечивой можно назвать систему, предложенную Г.А. Копниной. В основу этой системы положен принцип отклонения от нормы или нейтрального варианта нормы [Копнина 2010]. С нашей точки зрения, необходимо также учитывать и частные признаки, отражающие индивидуальные особенности единиц, с помощью которых создаётся приём.

Так, при систематизации риторических приёмов, строящихся на антонимии, можно использовать тип отношений между антонимами. Согласно «Философскому словарю», отношение «есть связь, в которую мышление ставит или которую мышление находит между двумя содержаниями сознания» [ФС]. Как замечает Л.А. Новиков, «в синтагматическом плане антонимы характеризуются высокой степенью встречаемости в тексте», и члены антонимической пары вступают в бесконечно разнообразные отношения друг с другом, что позволяет характеризовать множественность свойств антонимии как явления [Новиков 1982: 247]. Как известно, «любое отношение характеризует именно те вещи, между которыми оно существует» [БСЭ]. Таким образом, отношения могут выступать в роли признака, а также носителя информации о позиции говорящего, который использует антонимичную пару в актуальной для него функции. Иными словами, отношения между антонимами являются «точкой зрения, перспективой, выбранной говорящим для представления описываемых положений вещей» [Инькова-Манзотти 2001: 81]. Анализ логико-семантических отношений слов-антонимов расширяет знание об их риторических возможностях.

На наш взгляд, всё многообразие отношений, которые могут реализовать антонимы, следует разграничить на два типа: линейные отношения и нелинейные

отношения. В основе данного деления отношений лежит признак наличия/отсутствия семантических сдвигов, приращений, наложения смыслов. Например: *Далеко впереди него мелькали огоньки. Потухая и вспыхивая, они двигались по одному направлению.* (А.П. Чехов «Степь»). Антонимы *потухая – вспыхивая* обозначают чередование действий. Контактное использование антонимов создаёт живую движущуюся картинку мелькания огоньков. В данном случае не наблюдается семантических сдвигов или приращений смысла. Значит, можно говорить о линейном отношении антонимов. В предложении *И горек мне мой сладкий, мой эмигрантский хлеб* (Б.Ш. Окуджава) отношения антонимов иные. Семантика слова *горький* ‘горестный, тяжёлый’ «накладывается» на семантику слова *сладкий* ‘приятный; доставляющий удовольствие, наслаждение’ [БТС]. Сладкий хлеб как символ желанной свободы оказывается горьким: в эмиграции человек испытывает тоску по Родине. Возникает ощущение противоречия, которое в дальнейшем нейтрализуется в результате синтеза значений лексем [Павлович 1979: 239]. В этом предложении антонимы реализуют нелинейные отношения.

Итак, при нелинейных отношениях, которые можно наблюдать между антонимами, возникают семантические сдвиги, приращения, наложения смысла. Нелинейные отношения между антонимами требуют определённых интеллектуальных усилий при интерпретации текста.

Понятия линейности/нелинейности, линейных отношений/нелинейных отношений используются в лингвистике для объяснения разных языковых феноменов. По мнению В.Н. Бутова, понятие нелинейности «может быть использовано в языке с точки зрения многовариантности и необратимости процессов, протекающих на всех языковых уровнях (например: конкуренция языков и поглощение одних языков другими, отмирание языков, развитие многозначности слов, образование метафор, выражение модальности т. д.)» [Бутов 2008: 2].

Одним из существенных факторов, способствующих формированию нелинейных отношений между противоположностями, является многозначность

антонимов. В случае, когда лексико-семантические варианты слова актуализируются в одном контексте, возникает двусмысленность или алогичность. Рассмотрим пример, в котором алогичность становится средством комического: *Молодая была уже не молода* (И. Ильф и Е. Петров «Двенадцать стульев»). Значения омонимов *молодая* как ‘женщина, недавно вышедшая замуж’ и *молодая* как ‘находящийся в возрасте от отрочества до зрелых лет’ взаимодействуют со значением слова *не молода*, то есть ‘не находящийся в возрасте от отрочества до зрелых лет’ [БТС]. Семантика второго омонима (‘находящийся в возрасте от отрочества до зрелых лет’) выражает ослабленную контрадикторную противоположность по отношению к семантике *не молода*. Следует отметить, что частица *не* в данном случае совпадает с функцией префикса *не-*, то есть придаёт слову *молода* противоположное значение.

В рассматриваемом примере на отрицательную частицу падает логическое ударение, которое особо подчёркивает противоположность слов *молода* – *не молода*. В данном контексте *молодая* – *не молода* воспринимаются как антонимы.

Если учитывать факт антонимичности *молода* – *не молода*, то высказывание приобретает парадоксальный характер, поскольку одна характеристика абсолютно исключает другую. Однако подобное впечатление ложно, поскольку в тексте речь определённо идёт о женщине, вероятно, немолодого возраста, недавно получившей статус жены. В этом случае противоречивость ситуации «снимается». Мы видим каламбур, который определяется как «шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию» [Санников 1995: 56]. Таким образом, мы можем наблюдать, как значения слов, на которых строится приём, «перекрывают» друг друга в тексте.

На нелинейных отношениях антонимов также строится антифразис, который образуется при смещении значения с одного слова на другое (*Врешь! Не дам я тебе помереть. Ишь какой богатый сукин сын нашёлся – помирать решил!* – М.М. Зощенко «Матрёнища»), оксюморон, представляющий собой соединение противоположностей в словосочетании (*Мы не умрём мучительною жизнью* –

Мы лучше верной смертью оживём – В.С. Высоцкий).

Процесс осмысления высказывания, в котором риторический приём основан на нелинейных отношениях антонимов, позволяет читателям получить интеллектуальное удовольствие.

Линейные отношения между антонимами реализуются при взаимодействии одного значения слова с противоположным значением другого слова. С лингвистической точки зрения, линейность представляет собой «последовательное расположение элементов речевого целого», то есть при линейных отношениях каждый компонент антонимической пары используется только в одном значении [СЛТ]. Смысл высказывания, который формируется при употреблении антонимов, образующих линейную связь, определяется при последовательном осмыслении противоположных значений. Линейные отношения не влияют на языковые свойства слов, составляющих антонимическую пару (лексическое значение, грамматические параметры), они остаются константными. Например, линейными являются отношения антонимов в противопоставлении: *Слава греет, а позор жжёт* (пословица). Антонимы *слава* – *позор* сохранили свою словарную семантику, позволяющую выразить взаимную противоположность: **слава** – ‘почётная известность как свидетельство всеобщего признания чьих-либо заслуг, таланта, доблести и т.п.’; **позор** – ‘постыдное, унижительное для кого-либо положение, вызывающее презрение, бесчестье’ [БТС]. Противопоставление антонимов является основанием такого риторического приёма, как антитеза. В этой антитезе значение слова *слава* «контактирует» с противоположным ему значением слова *позор*. Другие зафиксированные в толковом словаре лексико-семантические варианты этих лексических единиц неактуальны в данной речевой ситуации. Оба слова взаимодействуют на равных основаниях, семантически не перекрывая друг друга, поэтому противоречия в высказывании не возникает. Для понимания особенностей сочетания антонимов при линейных отношениях (в данном случае фокус внимания направлен на осознание различий в противоположностях) от читателя не требуется декодировать подтексты, искать двойные, подразумеваемые значения.

Линейные отношения являются основой для амфитезы (соединение противоположностей: *И день и ночь по снеговой пустыне спешу к вам голову сломя.* – А.С. Грибоедов «Горе от ума»), диатезы (взаимотрицание противоположностей: *Это ни честно, ни нечестно, а полезно для меня.* – И.А. Гончаров «Обрыв»), аллойозиса (сопоставление противоположностей: *Герой мой был тонкий, сухощавый, бледный и печальный. Сергей же Михайлыч был человек уже немолодой, высокий, плотный и, как мне казалось, всегда весёлый...* – Л.Н. Толстой «Семейное счастье»), дизъюнктезы (разделение противоположностей: *Когда любим, то не перестаём задавать себе вопросы: честно это или нечестно, умно или глупо, к чему приведёт эта любовь и так далее.* – А.П. Чехов «О любви») и других.

Подводя итог, отметим, что осмысление особенностей взаимодействия антонимов речи, тип их семантических отношений позволит представить риторические приёмы, основанные на антонимии, как систему.

3.2. Линейные отношения антонимов в речи (общие замечания)

Линейные семантические отношения, реализующиеся между антонимами, весьма разнообразны.

Самыми распространёнными, пожалуй, являются отношения противопоставления: *От порядка малые дела растут, а от беспорядка даже большие расстраиваются* (пословица). Противопоставленные слова *порядок – беспорядок, малый – большой* в конструкции с противительным союзом *а* создают риторический эффект. Противопоставление противоположностей воздействует на адресата, вызывает яркие представления об изображаемых предметах и событиях, чувствах и эмоциях. См.: *Двери настежь у вас, /А душа взаперти.* (В.С. Высоцкий).

Антонимы могут вступать в линейные отношения других типов, не имеющих семантики противопоставления. Например, как пишет Л.А. Новиков, противоположности могут в тексте «не только противопоставляться..., но и складываться, соединяться, а также сопоставляться, разделяться, чередоваться, сравниваться, дополнять друг друга и т.д.» [Новиков 1973: 126]. Покажем это на

примерах:

– отношения объединения противоположностей внутри одной сущности: *Всякий **подъём** имеет свой **спуск***. В данном тексте речь идёт о диалектике жизни, об органичном существовании взаимоисключающих и при этом взаимообусловленных признаков (предметов, явлений). Подобный тип отношений можно продемонстрировать также на следующем примере: *Старик говорил о любви, о прощенье, о долге каждого утешить **друга** и **недруга** «во имя Христово»...* (Н.С. Лесков «Зверь»). Синтаксическая однородность слов *друг* и *недруг* «снимает» противоположную семантику этих слов. Происходит «соединение» значений антонимов, и вся синтагма *друг и недруг* приобретает значение ‘каждый’, что подчёркивается формой единственного числа антонимов.

– Отношения сопоставления признаков, выраженных антонимичными словами, обозначают степень различия соотносительных объектов. См.: *Их обыкновенно держали в **большом** каменном сарае с **маленькими** окнами, проделанными под самой крышей*. (Н.С. Лесков «Зверь»). Антонимы *большой – маленький* демонстрируют разительный контраст между объектами описания.

– Отношения диалектической взаимозависимости между противоположностями: *Что фантазия **создаёт**, то анализ **разрушает**, как карточный домик*. (И.А. Гончаров «Обрыв»). Разнонаправленность действий в отношении одного и того же выражается с помощью векторных антонимов *создавать – разрушать*. Отметим, что слова *фантазия* и *анализ* воспринимаются как контекстуальные антонимы. *Фантазия* в значении ‘продукт воображения; мечта’ представляет несуществующие в объективной действительности элементы, которые не поддаются логическому осмыслению. *Анализ* в значении ‘детальное изучение, рассмотрение каких-либо фактов, явлений’ корреспондирует к реальности. Анализ основывается на установлении логических связей. Таким образом, слова *фантазия* и *анализ* соотносятся с языковыми антонимами *логичный – алогичный*.

– Отношения, выражающие чередование действий: *Далеко впереди него мелькали огоньки. **Потухая** и **вспыхивая**, они двигались по одному направлению*.

(А.П. Чехов «Степь»). В этом случае в речи формируется семантика резкой, быстрой, даже мгновенной смены описываемой реальности. Точное, «контактное» использование антонимов *потухая – вспыхивая* создаёт живую движущуюся картинку мелькания огоньков.

– Отношения сравнения: *Легче друга **потерять**, чем **найти*** (пословица). На отношения сравнения в этой пословице указывает сравнительный оборот.

– Отношения взаимодополнения: *Не было бы **счастья**, да **несчастье** помогло* (пословица). Существование одного (*счастье*) зависит от наличия противоположного по значению (*несчастье*).

– Отношения взаимообусловленности: *Кто **горя** не видал, тот **счастья** не знал* (пословица). В данном случае одно (*счастье*) возможно только при существовании противоположного (*горе*).

Между антонимами могут также реализовываться следующие отношения:

– уступительные отношения: *Я ведь **строга**, даром что смотрю такой **доброй*** (И.А. Гончаров «Обыкновенная история»);

– отношения следствия: *Гость **появился**, и улыбка **исчезла**; место её заменил испуг* (И.А. Гончаров «Обыкновенная история»);

– возместительные отношения: *Если **настоящее** его невыносимо, зато **будущее** рисуется ему безоблачным* (Н.Г. Гарин-Михайловский «Соседи») и другие.

Многие из представленных типов отношений между антонимами будут рассмотрены нами подробнее при анализе риторических приёмов. Сначала мы остановимся на описании риторических приёмов, основанных на антонимах в функции противопоставления (антитеза, антиметабола, мукабала, синкризис, апофонема); затем проанализируем риторические приёмы, в которых антонимы реализуют другие семантические функции: усиления, сопоставления, чередования, соединения, разделения, сравнения. Данные функции формируются в таких приёмах, как акроте́за, алло́йозис, альтернатеза, амфи́теза, диате́за, дизъюнкте́за, сине́циозис, сино́йкейозис.

3.3. Антонимы в функции противопоставления

3.3.1 Антитеза

Мы уже писали об антитезе выше, когда рассматривали наиболее распространённый тип линейных отношений антонимов – отношения противопоставления. На наш взгляд, главным признаком антитезы является то, что в этом риторическом приёме реализуются линейные отношения противопоставления: *Мир строит, а война разрушает* (пословица).

Антитеза в текстах может быть использована для воплощения различных художественных целей. Например, для описания: *Она улыбнулась, а он оцепенел от ужаса* (И.А. Гончаров «Обрыв»). Контекстуальные антонимы *улыбнуться – оцепенеть от ужаса* показывают психическое состояние героев. *Улыбаться* в значении ‘улыбкой выражать какие-л. чувства, отношение к кому-, чему-л.’ воспринимается как свидетельство спокойного состояния, словосочетание *оцепенеть* в значении ‘стать неподвижным, замереть под влиянием какого-л. сильного чувства’ используется для описания персонажа, находящегося в крайней степени тревоги за возлюбленную, находящуюся на грани смерти. Отношения противопоставления между антонимами *улыбнуться – оцепенеть от ужаса* подчёркивает противительный союз *а*.

Описание не всегда выступает в качестве единственной формы воплощения антитезы. Рассмотрим подробнее, как реализуется антитеза в диалогах:

- Бабушка! – удерживал *полушутя*, полусерьёзно Райский.

- Внучек! – *холодно* отозвалась она.

И.А. Гончаров «Обрыв»

Выражающие контекстуальную противоположность слова *полушутя – холодно* характеризуют серьёзное, с долей обиды настроение бабушки Татьяны Марковны и легкомысленное, шутливое расположение Райского. Антонимы, использованные в разных репликах, показывают противопоставленность отношений между словами *полушутя – холодно*. Различие в эмоциональном состоянии героев, их поведении является отражением более существенных различий бабушки и внука. Татьяна Марковна и Райский противопоставлены по

внешнему проявлению – тональности голоса. Эта деталь оказывается сигналом, свидетельствующим о разном образе жизни, отличном восприятии окружающей действительности.²

Отметим, что в терминологических словарях об антитезе даётся противоречивая информация и, что наиболее важно, отсутствует единый подход в толковании этого понятия. Кроме того, некоторые словарные статьи включают примеры антитезы, которые не отражают признаков понятия, заложенных в определении термина.

В широком понимании антитеза есть «стилистическая фигура сближения (здесь и далее выделено нами. – Е.К.) двух противоположных образов, понятий, мыслей» [ПР], «п о с т а н о в к а рядом противоположных по значению слов, антонимов»:

*То вся она – печаль, то вся она – приманка,
То всё в ней – блеск и свет, то всё – позор и тьма...*

С.Я. Надсон «Жизнь» [ЛЭТП]

При таком подходе, к антитезе относят все случаи использования антонимов в речи. При этом не учитывается, что антонимы, как мы уже писали, имеют в речи широкий спектр семантических отношений. Чтобы избежать смешения разных риторических приёмов, следует строго обозначить границы явления, называемого термином а н т и т е з а .

Рассмотрим более узкие воззрения на антитезу, которые дают словари. По другим источникам [РЯ, КР, ПСК, ССЛТ], суть антитезы заключается в «резком противопоставлении понятий, мыслей, образов»:

*Ты богат, я очень беден;
Ты прозаик, я поэт;
Ты румян, как маков цвет;
Я, как смерть, и тощ и бледен.*

А.С. Пушкин «Ты и я» [ССЛТ]

² Подробнее об использовании антитезы в романе И.А. Гончарова мы писали в статье «Антитеза как способ систематизации образов в романе И.А. Гончарова “Обрыв”» [Корюкина 2013].

Это значит, что лексические единицы в процессе восприятия антитезы, как пишет Т.О. Борковская, «разводятся на полярные семантические позиции» [Борковская 2006: 190], то есть отношения противопоставления акцентируют внимание на разграничении противоположностей. При таком понимании антитезы важно определить, в чём заключается сущность семантики противопоставления. Согласно толковым словарям, *противопоставить* значит «сравнить, сопоставить с кем-, чем-л., указав на различие, противоположность признаков одного и другого»: **Робость** мешает – **смелость** помогает (пословица) [БТС]. Из определения следует, что, во-первых, противопоставляемые компоненты должны быть соотносимы. Так, «признаки *горячий* – *холодный* характеризуют предметы по температуре, смысловой компонент ‘температура’ является общим для значений этих двух прилагательных», что важно для выявления различий при сравнении (ср. с примером *ветер свеж, а спортсмен молод*, где общий смысловой компонент отсутствует) [Крысин 2007: 90]. Во-вторых, при противопоставлении актуализируются только противоположные признаки, при этом существование каких-либо схожих черт исключается: **Знающий** дорогу топчет, а **незнающий** печку пролёживает (пословица). В-третьих, отношения противопоставления возникают не внутри одной сущности, как например, *Ты и убогая,/ Ты и обильная,/ Ты и могучая,/ Ты и бессильная,/ Матушка Русь* (Н.А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо?»), а только в том случае, когда противоположностями являются два объекта: *знающий* – *незнающий* (см. пример выше).

Однако в качестве примера противопоставления нередко рассматривают иные отношения. Так, в «Поэтическом словаре» А.П. Квятковского в качестве иллюстрации противопоставления приводится отрывок из стихотворения Г.Р. Державина «Бог»: *Я – царь, я – раб, я – червь, я – бог* [ПСК, см также КР]. Между словами *царь* – *раб*, *червь* – *бог* отношения противопоставления не возникают. Лирический герой, как «черта начальна божества», видит суть собственного существования в одновременном сочетании противоположных

ипостасей: он одновременно *царь* и *раб*, *червь* и *бог*. Фактически взаимоисключаемые позиции соединены в одном объекте, однако возможность одного (быть царём, быть богом) противоречит другому (быть рабом, быть червём), следовательно, слова *царь* – *раб*, *червь* – *бог* реализуют семантику **противоречия**, «положения, при котором одно исключает другое» [ЛС-С], а не противопоставления. Таким образом, рассмотренная выше текстовая иллюстрация, приводимая словарями в качестве антитезы, не уточняет понятие противопоставления, а скорее, размывает его.

Наряду с семантикой противопоставления учёные называют и другие типы отношений, на базе которых формируется антитеза. Л.А. Введенская пишет, что антитеза «основана на сравнении двух противоположных явлений»:

Есть у памяти свойство такое:

После самых суровых невзгод

*Забывается **быстро плохое**,*

*А **хорошее** долго живёт.*

К. Ваншенкин [Введенская 2005: 18]

Семантика отношений сравнения противоположностей, исходя из толкования слова *сравнить*, предполагает «установление сходства или различия или установление преимуществ одного перед другим» [МАС]. При сравнении, как правило, используются прилагательные, наречия или категории состояния в форме сравнительной степени, например: *Иная **похвала** хуже **брани*** (пословица), а также сравнительные союзы (*чем, нежели*): *Лучше быть слугою **мудреца**, чем господином **глупца*** (пословица). Процесс сравнения предполагает установление преимущества одного перед другим, то есть должна быть асимметрия в отношениях между противоположностями, чего не происходит при противопоставлении, поскольку противопоставляемые компоненты находятся в равных относительно друг друга положениях. Это значит, что при отношениях сравнения антитеза не образуется, потому что суть этого риторического приёма – в установлении полярности противоположных по какому-либо признаку, но

одинаковых аксиологически объектов (один не может быть хуже или лучше другого).

Какие же отношения между антонимами реализуются в иллюстрации, предлагаемой Л.А. Введенской? Если существуют отношения сравнения, то необходимо установление как сходства, так и различия между компонентами *плохой – хороший*. Но контекст указывает только на различие: *плохое быстро забывается – хорошее долго живёт*, что недостаточно для соблюдения условий, заданных семантикой слова *сравнить*. Второй составляющей процесса сравнения является обнаружение преимущества одного перед другим, *плохого перед хорошим*. Однако речевая ситуация показывает, что *плохое* и *хорошее* симметричны по отношению друг к другу, то есть находятся в равных положениях. Следовательно, в тексте стихотворения К. Ваншенкина использовано именно противопоставление, а не сравнение, поскольку в отношениях между антонимами *плохое – хорошее* реализуется семантика, суть которой заключается в определении различий составляющих.

В ряде работ антитезу рассматривают также как фигуру, состоящую в «сопоставлении логически противоположных понятий или образов»:

*Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лёд и пламень
Не столь различны меж собой.*

А.С. Пушкин «Евгений Онегин» [ЛЭС]

Иными словами, основой антитезы считаются отношения сопоставления. Чтобы **сопоставить** понятия, их «рассматривают, соотнося друг с другом, выявляя сходство и различие», то есть устанавливают взаимное отношение, взаимную связь, зависимость [МАС]. Например, в пушкинском тексте антонимы *лёд и пламень* не выражают отношения сопоставления – они реализуют семантику соединения. На это указывает соединительный союз *и*, а также значение слова *сойтись* ‘сблизиться, сдружиться’ [МАС]. И вновь определение термина не поддерживается соответствующим текстовым примером. Если в словарной статье основой антитезы называют отношения сопоставления, возникающие между

противоположностями, то иллюстрацией этой семантики мог быть следующий текст: *Друг с другом стояли легкомысленная **молодость** и мудрая **старость***. Прилагательное *легкомысленный* как характеристика молодости и прилагательное *мудрый*, отражающее особенность старости, выявляют различия между двумя состояниями человеческого бытия, оба этих состояния неизбежны для каждого. *Молодость* и *старость* смотрят друг на друга, «находясь» в одном месте, в одно время. В этой фразе не делается акцент только на различии, как при противопоставлении, не указывается и на преимущество одного перед другим, как при сравнении, – это ярко выраженные отношения сопоставления, возникающие между антонимами *молодость* и *старость*. Но ни контекст, реализующий отношения соединения (см. текст А. Пушкина), ни контекст, отражающий отношения сопоставления (см. текст К. Ваншенкина), не могут быть иллюстрацией антитезы, поскольку этот приём основывается на противопоставлении.

Проанализировав сведения об антитезе, которые предлагают терминологические словари, установим, какое определение этого риторического приёма можно считать наиболее релевантным и какие текстовые примеры могли бы отразить сущность данного понятия. Для этого обратимся к исследованиям, в которых подробно рассматриваются риторические возможности антонимии, в частности в создании антитезы. Так, Л.А. Новиков утверждает, что «основное назначение антитезы заключается, с одной стороны, в том, чтобы ярко противопоставить разные по своим качествам и свойствам сущности, а с другой – чтобы уточнить их принципиальное различие, сделав его “семантическим фокусом” фразы»: ***Труд** всегда даёт, а **лень** только берёт* (пословица) [Новиков 1973: 248].

Если принять, что антитеза строится на отношениях противопоставления, то определить антитезу можно следующим образом: **антитеза** – риторический приём, в основе которого лежат линейные отношения противопоставления между словами с противоположным значением: ***Трус** умирает сто раз, **смелый** живёт вечно*. Следовательно, прежде чем квалифицировать тот или иной оборот речи как

антитезу, необходимо выяснить, действительно ли антонимы противопоставляются. Например, в приведённой выше пословице слова *трус* и *смелый* обозначают носителей соотносимых качеств, причём указывается только на противоположные проявления (*трус умирает* – *смелый живёт*) двух объектов.

Анализируя антитезу, мы должны отметить не только план содержания, но и план выражения: этот риторический приём, как правило, реализуется в сложных предложениях, поскольку противопоставление возникает между двумя противоположностями, которые соотносятся с разными объектами. Структура сложного предложения оказывается наиболее подходящей для выражения противопоставления. Таким образом, противопоставление – это «такое выбранное говорящим семантическое построение, с помощью которого он представляет два положения вещей (простых или сложных) как несовместимые, то есть содержащие соответственно предикацию и её “отрицание”, которое может быть выражено как синтаксическими, так и лексическими средствами» [Инькова-Манзотти 2001: 80].

Итак, мы показали, что суть антитезы связана с понятием противопоставления. Однако примеры употребления антонимов, иллюстрирующие приём антитезы в терминологических словарях, не всегда реализуют семантику противопоставления. Разграничение отношений противопоставления и смежных семантических отношений (противоречия, сопоставления и др.) является важной задачей в понимании принципиальных различий риторических приёмов, основанных на антонимии. В соотносимых типах отношений противопоставления, сопоставления, сравнения, которые реализуются между антонимами, обнаруживаются сходства и различия, однако соотношение и характер этих сходств и различий нельзя считать идентичными.

Недостаточно изученными, а потому заслуживающими особого внимания представляются вопросы, касающиеся видового разнообразия антитезы. В качестве разновидностей антитезы выделяются, например, такие приёмы, как антиметабола, мукабала, синкрисис, апофонема (см. подробнее о них далее).

Разновидности антитезы различаются частными функциями либо особенностями расположения антонимов относительно друг друга, например параллелизм в мукабале (см. раздел 3.3.2 далее).

В некоторых работах в качестве разновидности антитезы рассматривается аллойозис, который определяется как «разновидность антитезы, заключающаяся в развернутом сопоставлении двух характеристик предмета (в широком смысле) и подчеркивании несхожего в том, что предварительно определено как сходное»: *В конце февраля вновь увидел Державин места знакомые – Малыкову и колонии. Но какая разница! Год назад он приехал сюда любимцем Бибикова – теперь чуть не ссыльным; тогда манили его честлюбивые замыслы – теперь от них ничего не осталось; тогда он был в упоении властью – теперь обречён унижительному бездействию* (В. Ходасевич) [КР]. Однако основная функция аллойозиса – выражать отношения сопоставления. Следовательно, данный риторический приём нецелесообразно считать видом антитезы.

3.3.2. Разновидности антитезы

Антиметабола

При изучении отношений противопоставления антонимов в речи особую значимость приобретает место расположения антонимов в рассматриваемом контексте. Антиметабола реализуется в сложном предложении, состоящем из двух простых. В антиметаболе антонимы, представляя отношения противопоставления, в предложении располагаются перекрёстно относительно друг друга, а именно: если в первой части предложения слово стоит в самом начале, то во второй – его антоним расположен в конце. Моделью данного приёма может послужить следующий пример: ***Молодой** работает, а ум даёт **старый***. Антонимы *старый* – *молодой*, вступая в отношения противопоставления, занимают особые позиции в выражении: *молодой* находится в абсолютном начале предложения, *старый* – в абсолютном конце. В составе данной синтаксической конструкции эти слова локализуются перекрёстно: в первой части сложного предложения подлежащее *молодой* и сказуемое *работает* образуют прямой порядок, а во второй части подлежащее *старый* и сказуемое *даёт* ум

представляют обратный порядок. Таким образом, противопоставленные антонимы выделяются.

Стоит отметить, что ряд исследователей определяют антиметаболу как разновидность антитезы, а это значит, что, помимо признаков антитезы (отношения противопоставления между антонимами), этот риторический приём должен обладать определённым видовым признаком [Клюев 1999, Сазонова 2011]. Именно вопрос о таком признаке вызывает расхождения в научной среде. В.А. Сазонова полагает, что антиметабола – антитеза, «усиленная корневыми повторами, основанными на однокорневых антонимах»: *Русская жизнь представляет из себя непрерывный ряд **верований** и увлечений, а **неверия** или отрицания она еще, ежели желаете знать, и не нюхала* (На пути, т.5, с. 468) [Сазонова 2011: 17]. То есть дополнительным признаком антиметаболы должно стать наличие одного и того же корня противопоставленных антонимов *верования* – *неверие*. Е.В. Клюев расширяет границы приёма, считая, что в качестве дополнительной черты, определяющей антитезу на уровне звуковой близости, выступает повтор «одних и тех же слов (выделено нами – *Е.К.*) или слов, имеющих один и тот же корень»: *На одном конце — **червяк**, на другом конце — **чудак***. [Клюев 1999: 238]. Однако в этом примере вообще нет антонимов, а значит, нет и антиметаболы.

Если предположить, что действительно антиметабола вовсе не вид антитезы, а самостоятельный приём, основанный на отношениях противопоставления, тогда открытым остаётся вопрос, какие единицы будут противопоставляться? Рассматривая версию о том, что это могут быть родственные слова или паронимы, укажем, что первые, вступая в подобные отношения, образуют такой риторический приём, как аллелотета³ [ВР], а вторые – хорисму⁴ [ВР]. Следовательно, если говорить об интересующем нас приёме как о

³ *Нас учили больше **осматриваться**, чем **всматриваться**, больше думать, чем говорить* (И.Ф. Горбунов); *Лучше **стучать**, чем **перестукиваться*** (Каламбур советских времён) (примеры взяты из [ВР])

⁴ *Знающий язык своего народа писатель не спутает **пустошь** и **пустырь**: **пустошь** распахивают, а **пустырь** застраивают* (А. Югов) (примеры взяты из [ВР])

виде антитезы, то противопоставляться должны именно антонимы. Кроме того, как мы писали выше, должен наличествовать видовой признак. На наш взгляд, таким признаком выступает определённая особенность расположения антонимов относительно друг друга в целом предложении.

Источником такого понимания антиметаболы является точка зрения, согласно которой антиметабола представляет собой синкретичный риторический приём, совмещающим «в себе структурные признаки хиазма (перекрёстное повторение одних и тех же слов) и семантические признаки антитезы (противопоставление повторяющихся перекрёстно слов). Перекрёстное повторение одних и тех же слов сопровождается изменением их синтаксических и смысловых связей с непосредственным окружением». Например: *Все дикое сделалось привычным, все привычное – диким* (В. Астафьев) [КР]. Обратим внимание, что в этом случае главный акцент делается именно на особенности перекрёстного расположения слов, противопоставление отходит на второй план. Значит, фактически представлен хиазм, а антитезисные признаки выступают лишь как дополняющие элементы.

Получается, что антиметабола – это «хиазм, усиленный противопоставлением»: *Безумство храбрых всё-таки полезно / От храбрости безумцев отличать* (Е. Сагаловский) [ВР]. Однако нам кажется, что в антиметаболе структурные особенности должны выполнять усиливающую функцию при противопоставлении антонимов. На главенствующую роль отношений противопоставления в этом риторическом приёме указывает дословный перевод самого термина «антиметабола», а именно: «перемещение с противопоставлением» [Волков 2001: 235]. Трактую «перемещение» как «изменение местоположения», мы понимаем, что изменение касается местонахождения противопоставленных антонимов в схеме целого предложения. Например, один из антонимов обнаруживается в начале предложения, а второй – в конце: *Богатому рай, но ад бедному* (пословица). Таким образом, элементы хиазма будут выступать сопутствующим признаком антитезы, следовательно, рассматриваемый риторический приём является усложнённым видом антитезы.

Принимая определение хиазма, предлагаемое А.А. Волковым в пособии «Курс русской риторики», согласно которому хиазм – это риторический приём, в котором реализуется центральная симметрия «сложной фразы, параллельные части которой зеркально отражают друг друга» [Волков 2001: 235], мы полагаем, что суть антиметаболы в том, что антонимы, локализуясь зеркально относительно друг друга в предложении, усиливают взаимное противопоставление, при этом линейный характер отношений сохраняется. Значения противоположностей приходят во взаимодействие. Например:

Пора вернуться к прежней битве,

Воскресни дух, а плоть усни!

А.А. Ахматова «Пора вернуться к прежней битве...»

Проанализируем вторую строку двустишия и определим, каковы риторические задачи решает антиметабола в данном отрывке. Смысловым фокусом данной фразы является линейное противопоставление антонимов *дух* и *плоть*, дополнительно подчёркнутое словами *воскресни – усни*, окказионально выражающими противоположность. Антонимы *воскресни – усни, плоть – дух* в двух смежных предложениях располагаются перекрёстно. Благодаря такой схеме энергия основного противопоставления *дух – плоть* оказывается сосредоточенной в фактическом центре фразы – «ядре», что выделяет эту антонимичную пару. Окказиональные антонимы *воскресни – усни* находятся в позиции обрамляющих, выполняют функцию усиления пары *дух – плоть*. Таким образом, хиастические «возможности многообразия в однообразии» антитезисного противопоставления делают антиметаболу весьма привлекательным приёмом для художников слова [Береговская 1984: 237]. Возможно, кажущаяся искусственная нарочитость при обычном противопоставлении делает данный риторический приём заметным, ярким и в то же время достаточно редким.

Следует обратить внимание на то, что существуют примеры использования антонимов, располагающихся по хиастической схеме, но без отношений противопоставления:

На границе *печалей* *дневных*,

На границе **вечерних веселий**,
 Загорайся огнём новоселий
 По краям облаков грозových.

А.А. Блок «Отзвучала гармония дня...»

Данный пример не является иллюстрацией антиметаболы, поскольку не соблюдено основное условие – противопоставление антонимов. Крестообразно размещённые семантические противоположности *печалей – веселий, вечерний – дневной* реализуют отношения перечисления.

Не следует относить к антиметаболе и следующий пример использования антонимов: *Сильнее тот, кто меньше любит, кто больше любит, тот слабей* (В. Солоухин). Между антонимами *сильнее – слабей* обнаруживаются отношения сопоставления. При внешнем сходстве с антиметаболой не учитывается основной фактор – семантические отношения между образующими элементами.

Итак, в антиметаболе важно соблюдение двух условий: линейная противопоставленность антонимов и хиастическая схема их расположения относительно друг друга. Исходя из этого антиметаболу мы должны определить как синкретичный риторический приём, содержащий признаки антитезы и хиазма, то есть основанный на противопоставлении противоположностей, находящихся в зеркальном отображении друг к другу относительно центра фразы.

Как мы показали, антиметабола, являясь сильным по воздействию риторическим приёмом, позволяет усиливать противопоставление между антонимами, равномерно расставляя смысловые акценты на содержательном и структурном центре высказывания.

Мукабала

Если антонимических пар, вступающих в отношения противопоставления, внутри какого-либо определённого контекста оказывается больше одной, то антитеза оказывается структурно сложной. В научных трудах «сложная антитеза, дополненная синтаксическим параллелизмом» называется **мукабалой** [Бобровская 2011: 37]. Параллельное расположение противопоставленных антонимов является основой мукабалы: *Когда Лизавета Александровна приехала*

к ней с визитом, Юлия долго не могла прийти в себя, увидев, как *молода и хороша* тётка Александра. Она воображала её так себе тёткой: *пожилой, нехорошей*, как большая часть тёток (И.А. Гончаров «Обыкновенная история»). Две пары антонимов *молодой – пожилой, хороший – нехороший*, реализуя линейные отношения противопоставления, свойственные антитезе, подчёркивают разницу между стереотипным представлением Юлии о тётках и реальным человеком. Столкновение воображаемого и действительного становится причиной замешательства. Как мы видим, в этом случае противоположные по значению слова синтаксически располагаются параллельно относительно друг друга. Параллелизм как «частный случай симметрии и повтора» служит дополнительным средством для привлечения внимания к противопоставленным антонимам [КР]. Одинаковое размещение антонимов в смежных предложениях позволяет акцентировать внимание на предмете речи и усилить противопоставление.

В современных исследованиях, а также терминологических словарях и справочниках предлагаются весьма скудные сведения об этом риторическом приёме. Как правило, информация ограничивается определением и перечислением примеров. Попробуем подробнее проанализировать мукабалу, выявить её особенности и выразительный потенциал.

Сам термин восходит к произведению арабского математика Мухаммеда ибн Муса Хорезми «Книга восстановления и противопоставления» («Ал-китаб ал мухтасар фи хисаб ал-джабр ва-л-мукабала»). Таким образом, дословно мукабала переводится как “противопоставление” [Хорезми 1983]. Следовательно, можно предположить, что мукабала – это вид антитезы.

В.П. Москвин определяет этот риторический приём как «комбинация аллойозиса и синтаксического параллелизма». Однако аллойозис, как мы покажем далее (см раздел 3.4.2), основывается не на отношениях противопоставления, а на отношениях сопоставления [КР]. Поэтому дефиницию мукабалы можно скорректировать, исключив отсылку к аллойозису. Мукабалу мы будем трактовать как вид антитезы, осложнённой синтаксическим параллелизмом.

Говоря о структурных особенностях этого приёма, следует отметить, что, располагаясь параллельно, антонимы в каждой паре могут выполнять как единую синтаксическую функцию (см. пример выше), так и различные функции: *Молодость ушла – не простилась, а старость пришла – не поздоровалась* (пословица). Отношения противопоставления реализуются в трёх антонимичных парах: *молодость – старость, ушла – пришла, простилась – поздоровалась*. Противоположности *молодость* и *старость* являются подлежащими в предложениях, а составляющие других пар – это сказуемые. Пословица строится на противопоставлении молодости и старости, а антонимы *ушла – пришла, простилась – поздоровалась* уточняют, на основании чего реализуется это противопоставление. Отношения противопоставления между антонимами *молодость – старость, ушла – пришла, простилась – поздоровалась* подчёркивает противительный союз *а*.

Стоит отметить, что если в сложносочинённом предложении, две части которого соединены противительным союзом, антонимичные пары расположены параллельно, то есть при тождественной симметричной структуре одно слово находится в первой части, а противоположное ему – во второй, то семантика противопоставления подчёркивает различие признаков, черт, свойств в совокупности. Например: *Справедливость требует сказать, что она [Наденька] иногда на вздохи и стихи отвечала зевотой. И не мудрено: **сердце** её было **занято**, а **ум** **празден*** (И.А. Гончаров «Обыкновенная история»). Мукабала образована двумя антонимичными парами: *сердце – ум, занятый – праздный*. Таким образом, установленные отношения противопоставления, подчёркнутые противительным союзом *но*, актуализируют антонимический потенциал слов [Миргородская 2005: 97]. Это позволяет автору выразить, насколько интеллектуально неразвитой была барышня. Обратим внимание, что акцент делается именно на противопоставлении *ум – сердце*. Другая пара антонимов *праздный – занятый* подчинена общей задаче, но в то же время слова этой пары исполняют роль конкретизаторов, уточняющих признак, на котором базируется противопоставление основной пары.

При одновременном противопоставлении языковых и окказиональных антонимов выразительность текста усиливается. Например: *Доброму **сухари** в пользу, а злему **мясо** не **впрок*** (пословица). Отметим, что структура сложносочинённого предложения с противительным союзом *а* изначально предполагает противопоставление. Противопоставление *добрый – злой* в параллельной конструкции автоматически формирует попарно аналогичные отношения между другими компонентами, в данном примере *сухари – мясо, в пользу – не впрок*. Вне контекста эти две пары слов не воспринимаются как антонимы, но, как замечает Л.А. Новиков в своей монографии «Антонимия в русском языке. (Семантический анализ противоположности в лексике)», противоположность может выражаться «не непосредственно семантически, а опосредованно – прагматически» [Новиков 1973: 156]. Прагматическим фоном для рассматриваемого примера является противопоставление узуальных антонимов *добрый – злой*. Словарная семантика слов *сухари* и *мясо, в пользу* и *не впрок* «переплетается» с прагматической, что приводит к образованию у них вторичного смысла. Можно предположить, что **сухарь** воспринимался как непитательная, невкусная пища для самых бедных; **мясо**, наоборот, питательную и вкусную еду, которую можно было, по большей части, увидеть на столах зажиточных, богатых семей. В таком случае слова *сухари – мясо* выражают крайнее различие по вкусовым признакам.

Противоположность семантики пары *в пользу – не впрок* очевидна. Слова *в пользу* и *впрок* являются синонимами, соответственно, при отрицании слова, его синоним превращается в антоним. Если **в пользу** будем трактовать как ‘с положительным результатом для кого-либо’ а **впрок** как ‘в пользу, на пользу’, то, добавив частицу *не* к последнему, получим антонимичную пару *в пользу – не впрок* [МАС].

Следовательно, и структура предложения, и отношения противопоставления между языковыми антонимами *добрый – злой* способствуют возникновению окказиональной противоположности между словами *сухари – мясо*. Таким образом, «происходит проекция смысла одной конструкции на другую – в силу

присущих им структурных “перекличек”, отражаясь друг в друге, смыслы взаимообогащаются» [Клюев 1999: 238-239]. И тип отношений, и семантика взаимной противоположности в паре *добрый – злой* воспроизводится в парах *сухари – мясо, в пользу – не впрок*.

Приведём пример использования мукабалы в стихотворном тексте, в котором данный приём в сочетании с анафорой позволяет особым образом обозначить параллелизм противопоставленных антонимов.

Вы свет, а я похож на тьму;
 Вы веселы, а я печален;
 Вы параллельны ко всему,
 А я, напротив, вертикален!

А.Ф. Вельтман

Синтаксическая анафора как «повтор синтаксических конструкций, выраженных однотипными морфологическими средствами» и лексическая анафора (повтор местоимения *вы*) [КР] способствует не только ритмизации, но и придаёт тексту «чрезвычайно прозрачное членение» [Клюев 1999: 241]. Сходство конструкций формирует условия, при которых адресат «распространяет» тот же тип реализующихся между словами отношений на слова в сходных по структуре предложениях. Отношения противопоставления, наблюдаемые в нескольких антонимичных парах, не только обостряют несхожесть героев, но и детализируют различия персонажей.

Обратим внимание на схему расположения противопоставленных антонимов. В однотипных синтаксических конструкциях противопоставляются узуальные антонимы *свет – тьма, весёлый – печальный* и окказиональные *параллелен – вертикален*. Антонимичные пары последовательно нанизываются на общий смысловой стержень.

Так, в первой строке противопоставляются антонимы узуальные *свет – тьма*, во второй – *весёлый* и *печальный*. В третьей и четвёртой строке отношения противопоставления воспроизводятся в паре *параллелен – вертикален*; эти слова по аналогии с предыдущими парами воспринимаются как антонимы, хотя вне

контекста эти слова не выражают противоположности. Предположим, что слово *параллельный* в данном случае можно трактовать, опираясь на значение выражения из молодёжного сленга *мне параллельно*, то есть ‘безразлично, всё равно’, а значит, **параллельный** определим как ‘равно, безразлично относящийся ко всему происходящему в окружающей действительности’. С этой точки зрения, слово **вертикальный** будет иметь значение ‘неравнодушный, имеющий во всём свою точку зрения’. Однако сохраняющееся впечатление мнимой противоположности, нарочито подчёркнутой вводным словом *напротив*, выражающим соответствующую модальность, наталкивает на мысль о надуманности самой ситуации противопоставления **вы** и **я**.

Среди других особенностей изучаемого риторического приёма назовём и то, что «мукабала может быть усилена паронимазией и корневым повтором»: *Здоровому и нездоровье здóрово, а нездоровому и здоровье нездóрово* [ВР]. Созвучия и корневые повторы оказываются не только способом ритмизации выражения, но и способом воплощения ассоциативно-смысловой связи между парами противоположностей, которые находятся в параллельных конструкциях, *здоровый – нездоровый, нездоровье – здоровье, здóрово – нездорово*.

Итак, мукабала строится на линейных отношениях противопоставления, реализующихся внутри рядоположенных антонимичных пар и усиленных синтаксическим параллелизмом. Таким образом, этот риторический приём, представляя собой синкретичную форму, сочетающую сложную антитезу и параллелизм.

Синкризис

Не вполне изученный риторический приём синкризиса как разновидности антитезы представляет научный интерес потому, что его трактовка претерпевала ряд изменений.

Неоднозначное понимание синкризиса приводит к тому, что в исследованиях, касающихся данной темы, приводятся несоотносимые друг с другом признаки этого риторического приёма [Зееманн 1993; КР; ВС; Bullinger 1968]. Так, синкризис, являясь термином античной риторики, по мнению

К.Д. Зееманна, использовался Плутархом в параллельных биографиях прославленных греков и римлян, но сам по себе этот приём «гораздо старше и прослеживается уже в библейских текстах», в частности «явный синкризис присущ той параллелизации, которую применяет Иисус, сравнивая себя с Крестителем» [Зеemann 1993 : 108]. То есть синкризис определялся через сравнение. Согласно этой теории, синкризис называют разновидностью сравнения, а именно: «сравнение предмета с двумя или несколькими другими, в каждом из которых усматривается одно и то же свойство или действие главного предмета»: *Княже мой, господине! Избавь меня от нищеты этой, как серну из сетей, как птицу из западни, как утёнка из когтей ястреба, как овцу из пасти львиной.* («Моление Даниила Заточника» / пер. Д.С. Лихачёва) [ФР]. Таким образом, мы видим типичное многосложное сравнение с соответствующей связью между словами.

Иной тип отношений между образующими синкризис единицами видит А.В. Щербаков. Он считает, что этот риторический приём основывается на отношениях противопоставления, то есть является разновидностью антитезы, состоящей «из двух симметрично построенных словосочетаний или предложений, в каждом из которых имеется ряд компонентов, вступающих в антонимичные отношения» [КР]. Например: *У него – твой профиль / выколот **снаружи**, / А у меня – душа / исколота **внутри*** (В.С. Высоцкий). На наш взгляд, подобное противопоставление нескольких пар противоположностей в сочетании с параллелизмом характерно для другого риторического приёма – мукабалы (см. раздел 3.1.1.2), что не позволяет принять определение А.В. Щербакова как рабочее в настоящем исследовании.

Несколько неопределённую трактовку синкризиса предлагает Буллингер в работе «Figures of Speech Used in the Bible». Он пишет о том, что в этом приёме параллельно сосуществуют сравнение и противоположение, например: *We **support** the victory; they **decry** the cost* (Мы поддерживаем победу, они осуждают её цену. – перев. наш. – Е.К.) [Bullinger 1968: 150]. Опираясь на такую формулировку, мы можем предположить, что с помощью противоположностей реализуются

отношения сравнения. Хотя в данном примере, скорее, происходит сопоставление *we – they* по противоположности действий *support – decry* в отношении единого объекта – *victory*. Слова «сравнить», «сопоставить» и «противопоставить», как мы уже отмечали, имеют близкие значения, поскольку обозначаемые мыслительные операции сходны. По этой причине не всегда можно провести разграничение в значениях слов *сравнение, сопоставление и противопоставление*.

Рассмотрев различные представления о синкризисе, мы будем придерживаться именно трактовки В.П. Москвина как наиболее релевантной, точной, не допускающей смешения ряда терминов [BC]. В.П. Москвин определяет синкризис как «вид антитезы, основанный на противопоставлении образных наименований»: *На плече моём на правом Примостился голубь-утро, На плече моём на левом Примостился филин-ночь* (М.И. Цветаева) [BC]. Семантика отношений противопоставления, возникающая между противоположностями, в синкризисе осложнена дополнительными метафорическими значениями самих компонентов, по этой причине интересующий нас риторический приём называют также метафорической антитезой [BC]. Противопоставление двух слов *голубь – филин* благодаря контекстуальным распространителям – приложениям *утро – ночь*, выступающим в качестве противоположностей, формирует у читателя представление о противоположности голубя и филина как образов утра и ночи. Подобное противопоставление образов, обнаруживающих противоположность благодаря использованным антонимам, мы можем наблюдать в следующем примере: *Девочка Жизнь простодушна. Цинична женщина Смерть* (Е. Евтушенко). С помощью синкризиса здесь усиливается контраст: девочка как олицетворение жизни противопоставлена женщине, являющей образ смерти, простодушие противопоставляется цинизму.

Сам процесс противопоставления стимулирует восприятие художественной действительности, а образное представление противоположностей усиливает выразительный эффект. Например: *А он думал часто, сидя как убитый в злом молчании, около неё, не слушая её простодушного лепета, не отвечая на кроткие*

ласки: *“Нет – это не та женщина, которая, как сильная река, ворвется в жизнь, унесёт все преграды, разольётся по полям. Или, как огонь, осветит путь, вызовет силы, закалит их энергией и бросит трепет, жар, негу и страсть в каждый момент, в каждую мысль... направит жизнь, поможет угадать её смысл, задачу и совершить её. Где взять такую львицу? А этот ягненок нежно щиплет траву, обмахивается хвостом и жметя ко мне, как к матке... Нет, это растительная жизнь, не жизнь, а сон...”* (И.А. Гончаров «Обрыв»).

Метафорические наименования *львица* – *ягненок* представляют собой оценочную проекцию на реализацию противопоставления противоположностей *сила* – *слабость*. Метафора, как отмечает Д.В. Шумилин, «предоставляет воображению и критическому мышлению слушателя «дорабатывать» употреблённый образ, делать выводы и получать на его основании откровения» [Шумилин 2011: 43]. В данном примере процесс «дорабатывания» осуществляется при взаимодействии двух метафор. Предложенный В.П. Москвиным перевод с греческого самого термина «синкрисис»: *syn* ‘вместе’ *krisis* ‘поворот, образ’ – предполагает одновременное образное переосмысление семантики слов, формирующих этот риторический приём. Отношения, возникающие между метафорами *львица* – *ягненок*, являются катализатором для раскрытия создаваемых образов. Поскольку противопоставление характеризуется указанием на различия, то читатель, оценивая, что являют собой *львица* и *ягненок*, определит, насколько они несхожи. Образ *львицы*, включающий в себя представление о силе, энергии, в анализируемом контексте осмысливается как женщина, о которой мечтает герой, вынужденный находится с другой – полной противоположностью. Слабый, безвольный, послушный *ягненок* заискивающе смотрит в глаза – он уже легко наскучил. Так, благодаря лишь одному приёму возникают два слова-образа, и значимость каждого из них рассматривается сквозь призму отношений противопоставления.

Экспликатором этих отношений в данном случае выступает противительный союз *а*, подчёркивающий качественное различие между *львицей* и *ягнёнком*. Благодаря такой содержательной особенности любого

метафорического наименования, как смысловая двуплановость (взаимодействие прямого и переносного значений слова), слова **львица** – **ягнёнок** получают контекстуальные значения ‘сильная женщина’ – ‘слабая женщина’. Контекстуальное значение «выводится из языкового при помощи ряда умозаключений, выводов, основанных одновременно на информации языковой (то есть содержащейся в лексическом значении языковых единиц) и экстралингвистической (ситуация общения, энциклопедические знания говорящих, их знания правил коммуникации и пр.)» [Инькова-Манзотти 2001: 29].

Актуализированные в рассматриваемом контексте значения слов **львица** – **ягнёнок** являются антонимичными. Осмысливая, почему автор противопоставляет именно слова *львица* – *ягнёнок*, мы можем предположить, что каждая из метафор, *львица* и *ягнёнок*, включают в себя не только доминирующий, выражающий противоположность признак, который может быть обозначен антонимами *сильный* и *слабый*, но и другие сопутствующие черты, формирующие образы в целом: *независимость* и *несамостоятельность*, *хищник* и *жертва*, *свободолюбие* и *подневольность*, *незрелый* и *состоявшийся*. Таким образом, для раскрытия смысла текста в словах **львица** – **ягнёнок** учитываются не только контекстуальные значения, но и другие коннотации. Кроме того, по мнению Е.В. Огольцевой, характерной особенностью противопоставления контекстуальных антонимов, представляющих метафорические образы, является опора на культурные ассоциации, которые связаны с собственно лексическими значениями слов [Огольцева 2009: 259].

Как мы уже определяли, противопоставление акцентирует внимание на различиях значений, то есть именно отношения противопоставления, являясь результатом художественного осмысления действительности, помогают «раскрыть» метафору [Милованова 2010: 40]. Так, например, образы львицы и ягнёнка могут быть использованы для выражения иного смысла. Образ львицы связывается с осознанием необузданной энергии воды, ловкостью, изворотливостью, быстротой: *И Терек, прыгая, как львица с лохматой гривой на хребте, ревел* (М.Ю. Лермонтов). Львица характеризуется также царственностью,

статью, силой, гордостью, отождествляется с державой, Россией: *Иль как лесов в трущобе львица, / Объемлема пожаром вокруг, / Вздымая гриву, взор, чудится, / Вняв древ паденье, грохот, стук<...> Так в тяжки оны дни Россия / Войной была окружена* (Г.Р. Державин). Образ ягнёнка может быть связан с домашним уютом, теплом, в литературе он также использовался в качестве метафоры для изображения облаков и туч в результате переноса по сходству: *В небе тучка, как ягнёнок, / В завитушках, в завитках* (Саша Чёрный). Отношения противопоставления выявляют антонимические признаки в метафорах *львица* – *ягнёнок*, благодаря чему формируются образы-антиподы. Сами лексемы в настоящем контексте следует трактовать как контекстуальные антонимы. Факт противопоставленности выполняет функцию декодера метафор.

Итак, мы приходим к выводу, что в синкризисе линейное взаимодействие метафор производит двойной риторический эффект: при осмыслении непосредственно метафор и при соотнесении этих метафор друг с другом в противопоставлении.

Апофонема

Данный риторический приём определяется как «скрытое, явно не выраженное поучение, выраженное антитезой»: *Легки взятки – тяжелы отдатки* (поговорка) [ВС]. Таким образом, антитезу, используемую в качестве назидания, можно считать апофонемой.

Ряд исследователей, в частности Г.Г. Хазагеров и И.В. Труфанова, подчёркивая особую функцию апофонемы, считают её речевым жанром, а не риторическим приёмом [РС]. При этом под речевым жанром понимается «относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказываний (текстов)» [там же]. На наш взгляд, апофонема лишь средство создания определённого речевого жанра, но не сам жанр. Мы будем рассматривать апофонему как риторический приём.

Ярко выраженный назидательный характер имеют, как известно, пословицы, поговорки. Например: *Горько не вечно, а сладко не бесконечно* (пословица). Апофонема и пословица/поговорка близки в функциональном

отношении, только апофонема образуется с помощью определённых языковых единиц – антонимов, которые вступают отношения противопоставления. Пословицы/поговорки не определяются строго заданным набором языковых единиц.

Отметим, что, по мнению В.А. Салимовского, «в случае специально спланированного, сознательного построения речи и употребления в ней определённых языковых средств речевые жанры становятся риторическими» [СЭС]. Противопоставленные антонимы осмысленно использованы для организации апофонемы как риторического приёма: *К **празднику** готовься, а **буден** не срами* (пословица).

Итак, для апофонемы существенным признаком является отношения противопоставления антонимов, ибо основная задача состоит в том, чтобы максимально усилить разницу между противоположностями, что в конечном итоге становится основой для морализаторского высказывания. Например: ***Добро помни, а зло забывай*** (пословица). Противопоставление антонимов *добро – зло, помнить – забывать* отражает явные различительные признаки обозначенных понятий, подчёркивает, насколько различны нравственные составляющие добра и зла. В данном высказывании представление о противоположности добра и зла является смысловой основой для того, чтобы сделать акцент на противопоставленности действий – помнить и забывать. Кроме того, с помощью глаголов *помнить – забывать* выражается отношение говорящего к добру и злу как категориям бытия.

Отметим также, что антонимы *помнить – забывать*, выраженные глаголами в форме повелительного наклонения, усиливают эффект наставления. Реализуется поучительный характер используемого риторического приёма. И это основная функция апофонемы.

Апофонема особо обозначает назидательность, которую выражает антитеза. Например, прямое выражение поучения: ***Ложью** как хочешь верти, а **правде** путь один* (пословица). Обратим внимание, что в данном выражении в противопоставлении участвуют отвлечённые существительные. Линейные

семантические отношения между противоположностями *ложь* - *правда* образуют антитезу. Стоит отметить, что отвлечённые существительные не называют какой-то конкретный объект речи, что придаёт обобщённый характер высказыванию. Такие высказывания могут быть спроецированы на разные ситуации, поэтому используются в качестве логических переходов при рассуждении. В этом случае апофонема эмоционально усиливает аргументацию, фокусирует внимание на приводимых доводах. Используемая в какой-либо сентенции апофонема становится основой для отражения конкретной ситуации, в результате «связь общих мест с конкретным материалом повышает содержательную направленность речи» [Граудина 1999: 140]. Это особый риторический приём, который реализует такую риторическую функцию, как выражение назидательности.

Слова *правда* и *ложь* называют отвлечённые понятия, имеющие отношения к философским категориям истинности, в силу чего улавливается назидательный смысл высказывания, в котором используется апофонема. Можно предположить, что дальнейшее рассуждение о правде и лжи будет конкретизироваться фактами с использованием конкретной лексики.

Итак, абстрактный характер семантики антонимов в апофонеме определяет их морфологическую выраженность. Антонимы в апофонеме являются отвлечёнными существительными (*правда* – *ложь*) или субстантивированными прилагательными, например *умный* – *безумный* в выражении ***Умного*** *посла ожидай, а за **безумным** сам ступай* (пословица).

Кроме того, особенностью апофонемы является свойственный дидактике оттенок категоричности. Например, противопоставленность слов *правда* – *ложь*, семантика которых предполагает абсолютное взаимоисключение, основана на комплементарной противоположности. Таким образом, взаимоультимативный характер значений антонимов формирует назидательный характер высказывания.

Подводя итог, определим, что, апофонема – это разновидность антитезы, определяющей назидательный характер высказывания.

3.4. Антонимы в других семантических функциях

3.4.1. Акротеза

Термин «акротеза» был предложен Л.А. Введенской, которая трактует акротезу как подчёркнутое утверждение одного из признаков или явлений реальной действительности за счёт отрицания противоположного [Введенская 2005: 19]. Акротеза выражает линейные отношения **усиления одного признака за счёт отрицания противоположного**. Например, *Я понял, что всё виденное мною происходило не наяву, а во сне*. (Н.С. Лесков «Неразменный рубль»). Отрицание того, что пугающие героя (речь идёт о маленьком мальчике – Е.К.) события происходили в реальности, звучит успокаивающе; именно поэтому выражение *не наяву* находится в препозиции по отношению к утверждению *во сне*. По сюжету герою первоначально казалось, что пережитое является неоспоримой явью, но потом он понимает, что это был лишь сон. Семантика слов *во сне – наяву* выражает взаимную противоположность, между ними устанавливается линейная связь в пределах контекста. В контексте реализуются семантические отношения между противоположными по значению словами. Отрицание того, что есть наяву, используется для усиления утверждения: *увиденное происходило лишь во сне*.

Акротеза имеет свои структурные особенности. Так, в рассмотренном выше примере первое слово антонимичной пары даётся с отрицанием (с частицей *не*), а второе слово присоединяется к первому с помощью противительного союза *а*. Подчеркнём, что акротеза всегда оформляется конструкцией однородных членов предложения и отрицание является обязательным условием акротезы.

Отрицательно-утвердительная схема **не А, а Б** не является единственной для акротезы. Возможна также утвердительно-отрицательная схема **Б, а не А**: *Сразу видно – свободный ум – стало быть, вы живая, а не мёртвая* (И.А. Гончаров «Обрыв»). Выбор той или иной модели конструкции зависит от того, что актуальнее в момент речи – утверждаемое или отрицаемое. Если на первом месте стоит утверждение, то утверждаемое несёт бóльшую смысловую нагрузку по сравнению с отрицаемым – *вы живая*. Важен именно сам факт того,

что есть, а отрицание выполняет второстепенную, усилительную функцию – *а не мёртвая*. Т.Г. Бочина, изучая реализацию акротезы в русских поговорках, приходит к выводу, что в пословицах и поговорках отрицательно-утвердительный вариант явно предпочтителен утвердительно-отрицательному: по данным исследователя, примерно двадцать к одному. Например, *Не краса красит человека, а ум* [Бочина 2012: 3]. Если нивелировать значимость визуально воспринимаемого первичного впечатления о красе, то истинная ценность – это ум как признак истинной красоты. При этом ум не исключает внешнюю красоту, а значит, слова *ум* и *красота* не являются антонимами. Такая модель «используется в пословице для раскрытия первопричин явлений, переключения внимания с тривиальных общеизвестных фактов на их скрытую подоплёку, с внешних проявлений предметов, процессов на их глубинную суть» [Бочина 2010: 3].

Таким образом, с помощью акротезы, основанной на антонимии, устанавливается смысловая связь между противоположными явлениями (объектами, признаками). Придерживаясь мнения Л.А. Введенской относительно акротезы, мы подчеркнём, что важен факт отрицания для усиления противоположности. Антонимы демонстрируют усиление утверждаемого за счёт отрицаемого: *Он [Александр] ревновал не к красавцам, не к достоинству ума или таланта, а даже к уродам...* (И.А. Гончаров «Обыкновенная история»). Семантически противоположные слова *урод* – *красавец* показывают, что возможны две модели поведения персонажа: ревность к красавцам и ревность к уродам. Если отрицается одна из этих моделей, значит, другая модель актуализируется. *Ревность* в значении ‘мучительное сомнение в чьей-либо верности, любви’ определяет, что для человека ревность к красавцам воспринимается читателем как объяснимое чувство, а ревность к ярко выраженным некрасивым людям (автор использует экспрессивно окрашенное слово *урод*) осознаётся читателем уже как болезненное чувство [БТС]. Абсурдность поведения героя – ревность к некрасивым – подчёркивается отрицанием ревности к красавцам.

Отрицание одного ради утверждения противоположного предполагает детализацию: "материал" преподносится под разными углами зрения. Как отмечает Е.В. Клюев, использование приёма «предлагает не столько лепку целого из частей, сколько многократное предъявление одного и того же целого со всех возможных сторон» [Клюев 199: 309]. С этой точки зрения можно говорить о таком явлении, как избыточность речи. По этой причине акротезу относят к явлениям амплификации [Штафун 2008]. Однако высказывание, содержащее акротезу, воспринимается как ответная реплика, в которой отрицается точка зрения собеседника и утверждается собственная, противоположная. Таким образом, избыточность речи, возникающая с помощью акротезы, создаёт впечатление диалогичности высказывания (о производимом эффекте диалогичности акротезы см. также [Бочина 2002]). Акротеза предполагает воображаемых оппонентов в момент речи: что-то отрицается, но в качестве альтернативы предлагается противоположное. Представляется столкновение мнений, взглядов, того, что есть, и того, что будет, ожидаемого и реального, выраженное с помощью акротезы: *Когда прошло месяца три-четыре, а он [Александр Адуев] от писания не только не **похудел**, а **растолстел** больше, Анна Павловна успокоилась...* (И.А. Гончаров «Обыкновенная история»). В данном случае мы видим столкновение ожидаемого (*похудеть*), которого, вероятнее всего предполагали, но не желали (худоба рассматривалась Анной Павловной как симптом нездоровья), и реального как благополучного исхода переживаний. Отрицается ожидаемое, благодаря чему акцентируется внимание на реальном. Так, с помощью акротезы воссоздаётся своеобразный фрагмент рассуждения героини.

Иногда с помощью акротезы можно выразить обманутые ожидания: *Потом вдруг точно проснулся; не **радостное**, а **печальное** изумление медленно разлилось по лицу, лоб наморщился* (И.А. Гончаров «Обрыв»). Различие эмоций, выраженных с помощью антонимов *радостный – печальный*, создаёт впечатление резкого пробуждения, точнее понимания увиденного. Предвкушаемая радость обернулась печальной реальностью. В сознании героя (художник Кириллов)

рождается конфликт ожидаемого и действительного, в результате происходит разочарование в мастерстве своего подопечного.

Акротеза используется в ситуации уговаривания, убеждения: ... *Вы бы поняли моё положение, взглянули бы в моё сердце и поступили бы **не сурово**, а с **пощадой***, даже если б я был вам совсем чужой (И.А. Гончаров «Обрыв»). Такая форма высказывания оказывается менее категоричной в демонстрации желания. Контекстуальные антонимы *сурово – с пощадой* отражают мыслительный процесс Райского, его воображаемый, предвосхищающий диалог с Кузиной, несогласие героя с тем, как она строго и холодно относится к нему. Если бы в тексте не было акротезы, то возникла бы интонация прошения: *Вы бы поняли моё положение, взглянули бы в моё сердце и поступили **с пощадой***, даже если б я был вам совсем чужой. Присутствие акротезы добавляет убеждающий оттенок, поскольку герой указывает, что ему не нравится (поступать строго) и предлагает иную модель поведения (поступить с пощадой).

При инвертировании образующих элементов в акротезе, когда на первое место выходит утверждение, высказывание, напротив, обретает оттенок категоричности, резкости:

– *Кто вы такой? – сказала она строго, – и зачем лазите по чужим заборам?*

– *Кто я такой – до того вам нужды нет. А зачем лазаю по заборам – я уж вам сказал: за яблоками.*

– *И вам не совестно? Вы, кажется, не мальчик.*

– *Чего совеститься? Он усмехнулся.*

– *Брать тихонько чужие яблоки! – упрекнула она. – Они **мои**, а не **чужие**: вы воруете их у меня!*

И.А. Гончаров «Обрыв»

Безапелляционный характер самого утверждения (*мои*) усиливается отрицанием противоположного – *чужие*, в отрицании, по существу, нет необходимости. В тексте показывается выражение конфликтности ситуации, что подчёркивается повтором слова *чужие*, которое воспроизводится из

предыдущего, имплицитно присутствующего в тексте предложения. В предложении данная лексема используется в отрицательной конструкции – с частицей *не*.

Итак, основополагающим признаком акротезы как риторического приёма следует считать линейные отношения между антонимами, выражающие утверждение одного смысла за счёт отрицания противоположного. Подчеркнём, что семантика утверждения одного смысла за счёт отрицания противоположного помогает сделать акцент на утверждаемом, в отличие от семантики противопоставления между противоположностями. Противопоставленные противоположности в смысловом отношении равноправны.

3.4.2. Аллойозис

Аллойозис в научной литературе определяется как разновидность антитезы [ВР; КР; РС]. При этом подчёркивается, что принцип аллойозиса заключается в развернутом сопоставлении двух характеристик предмета или двух признаков и подчеркивании несходного в том, что представляется как сходное. Например: *Нет ничего более гнусного и вредного, чем распространившаяся в последнее время среди нашей интеллигенции мода на самоплевание. Насколько важна и нужна самокритика, настолько вредно и тлетворно самоплевание. Здоровая самокритика есть прежде всего мужественная **борьба** за будущее; самоплевание – трусливое **отречение** от прошлого. Критика – **наступление**, самоплевание – **бегство**. Но между самокритикой и самоплеванием есть ещё и другая, и быть может более важная, разница. Здоровая положительная критика возможна всегда только на почве твёрдой **веры** в идеалы, путь и долг, самоплевание же есть всегда **утрата всякой** веры в объективный идеал, в обязательный путь и ответственный долг (Ф. Степун) [КР].* Антонимичные пары *борьба – отречение*, *наступление – бегство*, *вера – утрата веры* используются для описания понятий «самокритика» и «самоплевание». Называющие эти понятия слова *самокритика* в значении ‘отрицательное суждение о самом себе’ и *самоплевание* в значении ‘презрительное суждение о самом себе’ выражают сходную семантику. Таким образом, понятия «самокритика» и «самоплевание» близки по содержанию. С

помощью лексических противоположностей указывается, чем различаются эти понятия. Так происходит сопоставление понятий. Семантика сопоставления обнаруживается также между антонимами, определяющими черты самокритики и самоплева.

Указанную семантику сопоставления, которая возникает при взаимодействии противоположностей, следует обозначить как ключевой признак настоящего риторического приёма. В таком случае аллоюзис не может быть разновидностью антитезы, поскольку антитеза, как мы писали, строится на противопоставлении антонимов [Корюкина 2012: 2003]. Подробнее об антитезе см. раздел 3.3.1.

Разграничение противопоставления и сопоставления является принципиальным вопросом в изучении семантических отношений между антонимами. При этом следует учитывать, что, по свидетельству толковых словарей и словарей синонимов русского языка, слова *сопоставить*, *противопоставить* являются синонимами [МАС; БТС; ТСУ; ССА]. Данные лексемы обозначают процесс мышления, позволяющий сделать акцент на сходстве или различиях.

На наш взгляд, знания об этих процессах формируют в языке два отдельных лексических значения. Согласно толковым словарям, *противопоставить* значит «сравнить, сопоставить с кем-, чем-л., указав на различие, противоположность признаков одного и другого» [БТС]. Таким образом, при противопоставлении актуализируются только противоположные признаки. Чтобы **сопоставить** понятия, их «рассматривают, соотнося друг с другом, выявляя сходство и различие» [МАС], то есть при установлении взаимного отношения, взаимной связи, зависимости указываются общие и отличительные черты. Обратим внимание также, что, с позиции Грамматики-80, «основное значение, лежащее в основе сопоставления, - несоответствие (несходство, различие) или сходство (подобие)» [Грамматика-80: 610]. Таким образом, мы при сопоставлении определяем в несходном сходное, а в подобном различное.

В таком случае при сопоставлении слова с противоположными значениями имеют семантическое единство, но при этом обнаруживается различие в значениях, которое не формирует резкую оппозицию, как при противопоставлении. Например: *Вы **столичный** житель, там живёте у источника, так сказать... не то, что мы, **деревенские**...* (И.А. Гончаров «Обрыв»). Между антонимами *деревенский* – *столичный* реализуются отношения сопоставления. Обозначенные ими понятия помогают осознать, что у деревенских и столичных жителей различные внешние условия бытия. Аллойозис в этом предложении используется для выражения обиды, где при явном несхождении человека из провинции и столичного обывателя, сохраняется идея единой сущности всех людей.

Отметим также, что сопоставление как процесс, с логической точки зрения, предполагает наличие того, что сопоставляется, и того, с помощью чего осуществляется сопоставление. Например: *Деньги всегда, во всякий возраст нам пригодны; / Но **юноша** в них ищет слуг проворных / И не жалея шлёт туда, сюда. **Старик** же видит в них друзей надёжных / И бережёт их как зеницу ока* (А.С. Пушкин «Скупой рыцарь»). Антонимы *старик* – *юноша* обозначают сопоставляемые объекты; суть же сопоставления, создаваемого с помощью аллойозиса, состоит в том, что деньги нужны в любом возрасте, только старики и юноши по-разному оценивают значимость денег.

Обратим внимание, что исследователи обращают внимание на развёрнутое контекстуальное обрамление аллойозиса [BP; KP]. Широкое описание помогает в большей степени раскрыть все составляющие сопоставления, показать больше аргументов: *Она [Марфенька] **часто** капризничает и плачет, но **не долго**: сейчас же, с невысохшими глазами, уже визжит и смеется. Верочка плачет **редко** и потихоньку, и если огорчат её чем-нибудь, она делается молчалива и **не скоро** приходит в себя, не любит, чтоб её заставляли просить прощенья* (И.А. Гончаров «Обрыв»). Две антонимичные пары *часто* – *редко*, *долго* – *скоро*, использованные в качестве средств сопоставления, позволяют дважды

подчеркнуть, насколько несходны как внешне, так и по характеру родные сёстры. В таком случае аллойозис выполняет описательную функцию.

Итак, аллойозис может быть основан на отношениях антонимов, называющих как объекты сопоставления, так и аргументы сопоставления, причём перечисление ряда аргументов при одной паре объектов сопоставления в большей мере конкретизирует авторское мнение.

Анализируя особенности сопоставления между антонимами в аллойозисе, отметим не только план содержания, но и план выражения данного риторического приёма. Как правило, аллойозис, основанный на сопоставлении противоположностей, реализуется в сложном предложении (*Сквозь царские двери виднелся покров алтаря, вышитый мамашей, над иконостасом стояли два деревянных ангела с звёздами, казавшимися мне такими **большими**, когда я была **маленькая**...* - Л.Н. Толстой «Семейное счастье») или в сложном синтаксическом целом (*Герой мой был **тонкий**, сухощавый, бледный и **печальный**. Сергей же Михайлыч был человек уже немолодой, высокий, **плотный** и, как мне казалось, всегда **весёлый**...* - Л.Н. Толстой «Семейное счастье»). Подобные структуры оказываются наиболее подходящими для выражения сопоставления. Выполняя функцию особых скреп, антонимы усиливают смысловую связь предложений в сложном синтаксическом целом.

Как отмечает М.В. Волощенко, сопоставительные отношения, характеризуясь соответствующими синтаксическими особенностями, маркируются союзами *а, же, если ... то, в то время как, между тем как, тогда как, в то время как, тогда как* [Волощенко 2010: 20]: ***Тоненькие** служат больше по особенным поручениям или только числятся и виляют туда и сюда; их существование как-то слишком **легко**, воздушно и совсем **ненадёжно**. **Толстые** же никогда не занимают косвенных мест, а все прямые, и уж если сядут где, то сядут **надёжно** и **крепко**, так что скорей место затрещит и угнётся под ними, а уж они не слетят* (Н.В. Гоголь «Мёртвые души»). Союз *же* выступает маркером сопоставительных отношений, реализующихся между антонимами *тоненький – толстый, легко – крепко, ненадёжно – надёжно*. Сопоставление «тоненьких» и

«толстых» по тому, какую должность они занимают и насколько надёжно их положение, показывает следующую закономерность: люди разной комплекции по-разному реализуют себя в обществе. Эта закономерность не имеет объективного обоснования в рамках контекста и преподносится автором как результат наблюдений.

Указанные союзы вносят дополнительные смысловые оттенки сопоставительным отношениям. В Грамматике-80 подчёркивается, что «сопоставительные отношения являются наиболее отвлечёнными и диффузными. Поэтому они, как правило, открыты для разного рода смысловых осложнений и контаминаций» [Грамматика-80: 610].

Так, в следующем примере аллойозис выражает сопоставление в сочетании со значением одновременности: *Он беспрестанно **двигался**, поводил плечами..., моргал, покашливал и шевелил пальцами, между тем как сын его отличался какою-то небрежною **неподвижностью*** (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

В контексте *Как **тихо** и **молчаливо** было **наверху**, так **внизу** слышались часто звонкие **голоса**, смех, всегда было там **живо**, беспорядочно* (И.А. Гончаров «Обрыв») сопоставляемые противоположности *наверху – внизу, тихо – живо, молчаливо – голоса* имеют дополнительную семантику параллельного, вневременного существования, показывают статичность признаков в описываемых объектах. «Наверху» и «внизу» – разные полюса единого пространства, которые организуют соответствующее им течение жизни: тихое и молчаливое существование или шумное, живое веселье.

Рассмотрим ещё один пример: *Если он ещё был **груб, неотёсан, бездушен, тяжелоумен**, один из тех мужей, которым имя легион... Но Пётр Иванович был человек с **умом** и **тактом**, не часто встречающимся. Он был **тонок, проницателен, ловок*** (И.А. Гончаров «Обыкновенная история»). Семантика несоответствия, возникающая на фоне сопоставления, представляет воображаемую, возможную реальность и актуальную во времени реальность.

Маркером отношений сопоставления, которые реализуются между антонимами, может выступать перечислительная интонация. Соответствующее

значение создаётся и на основе контекстуальной информации, «за счет определённого порядка слов и наличия взаимных связей между компонентами предикативных единиц» [Волощенко 2010: 5]. См.: *Были люди, помнившие, как он вошёл в острог первый раз, молодой беззаботный, не думавший ни о своём преступлении, ни о своём наказании. Он выходил седым стариком, с лицом угрюмым и грустным* (Ф.М. Достоевский «Записки из мёртвого дома»). Изменения во внешнем облике, настроении, мировоззрении героя дают возможность сопоставить то, каким был герой и каким стал после тюрьмы. Осознание этих различий подчёркивает трагичность судьбы человека. Параллельное расположение семантически противоположных слов последовательно усиливает производимый риторический эффект аллойозиса.

Подводя итог, определим, что аллойозис – это риторический приём, образованный с помощью антонимов, которые реализуют отношения сопоставления. Проанализировав механизм сопоставления как мыслительного процесса, выявив «участников» сопоставления, мы постарались установить границы между соотносительным процессом – противопоставлением. Понимание отличительных особенностей сопоставления позволяет выделить аллойозис среди прочих риторических приёмов, основанных на явлении антонимии.

3.4.3 Альтернатеза

Альтернатеза – это приём, с помощью которого говорящий передаёт чередование, смену событий, действий и т.п. Alternate в переводе с латинского ‘чередование’ [Елизарова 1994; Сазонова 2011]: *Изменялись краски этого волшебного узора, который он подбирал как художник и как нежный влюблённый, изменялся беспрестанно он сам, то падая в прах к ногам идола, то вставая и гремя хохотом свои муки и счастье* (И.А. Гончаров «Обрыв»). Обстоятельственные характеристики, обозначенные антонимами *вставая – падая*, указывают на непрерывное скачкообразное течение жизни. С помощью альтернатезы в этом предложении передаётся непостоянство бытия и текучесть времени.

В этом случае антонимы употребляются для изображения чередования действий (*падать – вставать, вспыхивать – гаснуть*), в речи формируется семантика резкой, быстрой, даже мгновенной смены описываемых событий, благодаря чему в сознании адресата возникает зрительный образ происходящего: *Когда широкая ладонь, / Как раковина, пламеня, / То **гаснет**, к теням тяготея, / То в розовый **уйдёт огонь!*** (О.Э. Мандельштам «На перламутровый челнок...»). Альтернатезу в этом контексте образуют речевые антонимы *гаснуть – уходить в огонь* (в значении ‘гореть’).

Следует обратить внимание на то, что альтернатеза, как правило, строится как ряд однородных членов предложения, соединённых разделительным союзом *то..., то:* *то А, то Б*, где *А* и *Б* – антонимы. Например: *Ты перенёс свой жребий дивный, / То **негодую**, то **шутя!*** (О.Э. Мандельштам «Ода Бетховену») [Сазонова 2011]. Устанавливающиеся между противоположностями отношения вытекают из значения союза *то..., то*, инвариантным компонентом значения которого является сема “чередование” [Завьялов 2000: 9]. Таким образом, союз выступает не только как организатор синтаксической конструкции, но и маркирует семантические отношения между антонимами.

Укажем, что если в альтернатезе используются контрарные противоположности, то создаётся впечатление резко меняющейся картины (*...бледные или багровые или чёрные от угольной пыли лица, мокрые от пота рубахи, блеск стали, меди и огня, запах масла и угля, и ветер то очень **горячий**, то **холодный**, произвели на неё впечатление ада* – А.П. Чехов «Бабье царство»), Выражающие контрадикторную противоположность слова, использованные в альтернатезе, производят эффект плавной, неспешной смены событий: *холодная вода постепенно нагревалась, казалась уже **нехолодной**, становилась **тёплой**, потом **горячей**, наконец превратилась в **кипяток**.*

На формирование смысла текста влияет морфологическая выраженность антонимов, образующих альтернатезу. Семантика чередования, образуемая антонимами-прилагательными, показывает попеременное изменение признака описываемого объекта. В составе альтернатезы антонимы-глаголы, выражающие

векторную противоположность, обозначают разнонаправленные действия, постоянную смену позиций: *Любовь стенает под листьями, / Она меняется местами, / То **подойдёт**, то **отойдёт**...* (Н.А. Заболоцкий «Белая ночь»); *И рассуждая так, они дошли чуть не до третьего ребёнка, когда вдруг Марья Егоровна увидела, что из-за куста то **высунется**, то **спрячется** чья-то голова* (И.А. Гончаров «Обрыв»). Семантика чередования и отношения постоянной смены событий, действий создают динамичные образы, производя кинематографический эффект.

Реализация значений чередующихся противоположностей не ограничивается только тем, что в актуальном времени передаётся движение объектов, чувств и эмоций, звуков, ощущений. При использовании альтернатезы в описании можно подчеркнуть также определённые константные свойства, признаки, особенности объектов, явлений. Причём обнаруживаемые черты отражают переменчивую суть объекта или явления: *Тропинка от монастыря до скита, куда я отправился, змейёй вилась по высокому крутому берегу то **вверх**, то **вниз**, огибая дубы и сосны* (А.П. Чехов «Перекати-поле»). Обстоятельственные характеристики указывают на извилистость тропинки, частую перемену направления. Отметим, что тропинка ведёт то вверх, то вниз не только на момент речи, это постоянный признак объекта, а не временный, циклически организованный.

Вместе с тем альтернатеза позволяет сделать акцент на признаке непостоянства как свойстве: *То вся она – **печаль**, то вся она – **приманка**, / То всё в ней – **блеск** и **свет**, то всё – **позор** и **тьма*** (С.Я. Надсон «Жизнь»). Понимание бытия (она – жизнь), рассматриваемое сквозь призму бесконечности, не связано с актуальным настоящим, поэтому семантика чередования, возникающая в этом контексте, отражает лишь течение жизни.

С помощью альтернатезы можно показать свойственную в силу особенностей человеческого характера естественную смену настроений, не резких, не мгновенных, а таких, которые объясняются сложностью психической природы человека: *То **серьёзный**, то **потешный**, / Нипочём, что дождь, что*

снег, - / *Он идёт святой и грешный*, / *Русский чудо-человек* (А.Т. Твардовский «Василий Тёркин»). Смена настроения, обозначенная антонимами *серьёзный* – *потешный*, происходит не в настоящий, актуальный момент речи – автор представляет обобщённый, вневременной образ русского человека. Интенсивность чередования не имеет значения, кроме того, эти изменения нельзя наблюдать (видеть, слышать).

Логический аспект взаимодействия семантики антонимов в альтернатезе, отметим, что каждая из названных противоположностей не может наличествовать одновременно с другой, то есть исключает одна другую, однако возможна после другой [Сазонова 2011: 11]. Причём последовательная замена представляет собой, как правило, циклический процесс, то есть возвращение на исходные позиции и дальнейшее движение: *Он подбирался к нему медленно, с оглядкой, осторожно, шёл то ошупью, то смело и думал – вот-вот он близко у цели...* (И.А. Гончаров «Обломов»). С помощью контекстуальных антонимов *ошупью* – *смело*, реализующих семантику чередования, описывается непрерывно повторяющийся процесс, завершающийся только после того, как достигнут указанный контекстом предел.

Изменения могут быть ограничены во времени, например: *Семь дней звучал то медный смех, / то плач струился серебристый* (А.А. Ахматова «Ответ»). Антонимы *смех* – *плач* отражают атмосферу нестабильности, всплеска чувств, остроты переживаний. Контекстуальные распространители подчёркивают резкость в смене эмоций. Эпитеты *медный* и *серебристый* помогают создать такие звуковые образы, которые изначально воспринимаются как максимально различимые: *медный* ассоциируется с густой, низкой тональностью, *серебристый* – тонкий звук, высокий тон.

Непрерывная смена противоположных эмоций, переживаемых лирическими героями, обостряет восприятие и понимание их чувств, таким образом, альтернатеза часто используется при описании нравственно-психологических состояний персонажей.

3.4.4. Амфитеза

Суть риторического приёма амфитезы, по мнению Л.А. Введенской, заключается в том, что утверждаются противоположные признаки или явления, и «тем самым явление или признак охватывается полностью, включается и среднее, промежуточное звено, если оно имеется» [Введенская 2005: 20]: *Зимой и летом одним цветом* (загадка) – т.е. круглый год. Амфитеза строится как пара однородных членов предложения, соединённых либо одиночным, либо повторяющимся союзом *и*: *Так точно дьяк, в приказах поседель, / Спокойно зрит на правых и виновных, / Добру и злу внимая равнодушно, / Не ведая ни жалости, ни гнева* (А.С. Пушкин «Борис Годунов»). *И день и ночь по снеговой пустыне спешу к вам голову сломя* (А.С. Грибоедов «Горе от ума»). Антонимы *добро* и *зло*, *день* и *ночь* в данных контекстах подразумевают некоторую целостность. Значение слова *добро* ‘всё хорошее, положительное, направленное на благо’ и значение слова *зло* ‘всё дурное, плохое, вредное’, выражая максимальное различие, взаимодействуют в качестве равноправных. Одновременная актуальность каждой из противоположностей объединяет их и показывает целостность явления, признака, предмета.

Так, амфитеза *и день и ночь* является обобщённым обозначением течения суточного времени (герой ехал без остановок несколько суток). Повтор соединительного союза *и* усиливает идею неоднократной смены дня и ночи.

Амфитеза нередко представляет собой устойчивое сочетание: *и те и другие*, *вдоль и поперек*, *и стар и млад* и др.

Как видим, амфитеза строится на линейных отношениях антонимов, которые в результате взаимодействия в тексте реализуют семантику **соединения**: *Люблю! люблю! – твердил его взгляд, его рука; и свет, и тень, и воздух, и всё твердило то же самое* (Л.Н. Толстой «Семейное счастье»). Языковые антонимы *свет* и *тьнь*, включённые в ряд однородных членов предложения повторяющимся союзом *и*, подчёркивают, как всеохватно звучит слово «люблю», как окружающее пространство словно подхватывает его. Противоположности наделены особой смысловой нагрузкой. Слова *свет – тень* выражают комплементарность, то есть

они исключают вероятность градации: внутри контекста актуально либо *свет*, либо *тьнь*, несмотря на то что теоретически возможно ступенчатое обозначение присутствующего света: *полусвет, полутень*. Так, **свет** есть ‘освещённое место, пространство’, а **тьнь** – пространство вне света [БТС]. Таким образом, актуальным является либо свет, либо тень, полутона не имеют в этом случае значения. Свет и тень – это авторское изображение всего окружающего пространства.

В амфитезе часто используется определительное местоимение *всё*, имеющее обобщающее значение. Например: *Мы будем читать всё, старое и новое, своё и чужое, - передавать друг другу впечатления, спорить...* (И.А. Гончаров «Обрыв»). Местоимение, стоящее в препозиции по отношению к антонимам *старое – новое, своё – чужое*, подчёркивает семантику соединения, которая возникает между семантическими противоположностями. Амфитезы выступают в двойной роли: конкретизаторов, уточняя, что именно может подразумеваться под словом *всё*, и в то же время обобщающих элементов, поскольку указываются две крайние точки во временных характеристиках (*старое – новое*) и в происхождении источника чтения (*свое – чужое*). В данном случае двойная амфитеза усиливает впечатление о том, что важен сам процесс чтения и дальнейшее осмысление прочитанного. Всё остальное для героев не имеет значения.

В амфитезе, как мы видели, не предполагается существование промежуточного элемента между двумя крайностями, если антонимы комплементарны. Если антонимы выражают контрарную противоположность, то есть называют понятия, между которыми допустим средний член, например такие, как *жара – стужа*, то благодаря амфитезе может подразумеваться, что существуют возможные звенья между максимально различающимися состояниями: *А дом всё тот же. И в жару, и в стужу - / Не то что нам – ему износу нет, / Сквозь перекрёстки пятнами наружу / Опять пробился прежний, детский цвет* (К.М. Симонов «Первая любовь»). Предположительно, средним членом в проявлении температурного признака от жары до стужи будет тепло. В

данном высказывании подразумевается, что погодные явления, о которых идёт речь, не ограничивается только жарой и стужей. Амфитеза выражает идею о длительности существования дома, его устойчивости и незыблемости. Дом, простоявший так долго, является символом прошлых беззаботных, детских лет. Таким образом, амфитеза используется для того, чтобы показать, как жизнь человека и дома вписана в диалектику бытия, нескончаемое течение времени.

Г.А. Салех, в диссертации, посвящённой теме стилистических функций антонимов в русской и арабской публицистике, приходит к выводу, что «появление в тексте двух антонимов, номинирующих противоположные точки на оси противоположности, эксплицируют все промежуточные ступени проявления качества, лежащие между ними» [Салех 2000: 178]. Автор считает, что промежуточный член включается автоматически. Однако стоит обратить внимание на тот факт, что иногда объединённые соединительным союзом *и* антонимы, обозначающие контрарную противоположность, утверждая оба крайних члена, не охватывают признак полностью с включением среднего члена. Например: *Я чувствую, что не только при взгляде твоём, но лишь – кто-нибудь случайно назовёт тебя – меня бросает в жар и холод...* (И.А. Гончаров «Обрыв»). Выражение *бросать в жар и холод* является фразеологическим сочетанием, поэтому при анализе следует учитывать и общее значение словосочетания, и синтагматическое взаимодействие образующих компонентов. В данном случае антонимы *жар – холод* показывают смену противоположных состояний человека. Эти состояния герой испытывает не в одно время сразу: ощущение жара и холода меняются. Они мгновенны каждый в отдельности, но неодновременны. В изображении состояния героя значение имеют непосредственно противоположные ощущения *жар* и *холод*, акцент сделан именно на крайностях, переходные между жаром и холодом состояния неактуальны, они исключены. Значение глагола *бросать* как ‘внезапно вызвать какое-либо состояние’ указывает на резкость выражаемого признака [БТС]. Именно эффект внезапности перемены состояния подчеркивают антонимы и

глагол *бросать*. В составе устойчивого оборота антонимы, вступая в отношения соединения, помогают выразить сильное волнение героя.

Бинарная природа явления, демонстрирующая с помощью риторического приёма амфитезы, наиболее показательна в следующем примере: *Открытие в Вере смелости ума, свободы духа, жажды чего-то нового – сначала изумило, потом ослепило двойной силой красоты – **внешней** и **внутренней**...* (И.А. Гончаров «Обрыв»). Учитывая противоположное значение прилагательных *внутренний* и *внешний*, являющихся характеристиками красоты, мы воспринимаем её как сложное, многоплановое явление. Красота представляется в двух разновидностях – внешняя красота и внутренняя красота. Единство внешней и внутренней красоты формирует цельный образ. Противоположности, сочетаясь в одном объекте, дополняют друг друга. При этом Т.Г. Хазагеров считает, что амфитеза «призвана создать противоречивый образ» [РС]. Однако линейные отношения противоречия положены в основу такого приёма, как синециозис. (Подробнее о синециозисе см. раздел 3.4.7). Отношения соединения между антонимами дают представление о целостности объекта. Антонимы *внутренний* – *внешний* являют собой разные стороны, виды объекта (красота). Максимально различающиеся по семантике слова обозначают комплементарные, а не взаимоисключающие признаки. Отношения противоречия между антонимами предполагают их взаимное исключение. Как, например, в следующей строке: *Ты и убогая, Ты и обильная, Ты и могучая, Ты и бессильная, Матушка-Русь!* (Н.А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо»). Семантически противоположные слова *убогая* – *обильная*, *могучая* – *бессильная* выражают противоречие, поскольку называются признаки, которые претендуют стать абсолютной характеристикой объекта (Матушка-Русь). Значит, пример из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» может служить иллюстрацией синециозиса.

Подводя итог, отметим, что при определении амфитезы следует обратить внимание на факт линейности отношений антонимов и на семантику соединения, которую они выражают. Функциональный потенциал амфитезы, как мы показали, разнообразен, но, как правило, данный риторический приём служит для описания

целого путём указания на крайности, что создаёт впечатление масштабности изображаемого.

3.4.5. Диатеза

Диатеза как риторический приём используется для «утверждения среднего признака путём отрицания противоположных признаков» [Введенская 2005]: *Не весёлая, не печальная, Словно с тёмного неба сошедшая, Ты и песнь моя обручальная, и звезда ты моя сумасшедшая* (Н. Заболоцкий). Антонимы *весёлый* – *печальный* формируют **линейные отношения взаимного отрицания** и таким образом указывают на наличие промежуточного звена, который актуален для настоящего контекста. Пребывание в нейтральном эмоциональном состоянии, спокойствии, занимает промежуточную ступень между веселостью и печалью. Таким образом, сочетание *не весёлая, не печальная* равнозначно словам *спокойная, уравновешенная*. Противоположности нейтрализуют друг друга, как положительный заряд в соединении с отрицательным в скалярном эквиваленте дают «ноль», нейтральное состояние. В данном случае это промежуточное звено подразумевается, но не называется. Читатель самостоятельно приходит к пониманию состояния лирической героини.

Диатеза имеет определённые структурные особенности: во-первых, противоположные по значению слова употребляются с отрицанием (с частицей *не* – *не весёлая, не печальная* или *ни* – *ни горячая, ни холодная*); во-вторых, синтаксические конструкции, в которых используются антонимы (обычно это однородные члены предложения), соединяются без союзов или с помощью определённых союзов: *и, но и, однако, ни..., ни...* Например, *не совсем жарко, но и далеко не холодно*. В-третьих, диатеза используется для характеристики качеств: *Марианна села за фортепьяно и сыграла, ни хорошо, ни худо, несколько «песен без слов» Мендельсона* (И.С. Тургенев «Новь»). Стоит также отметить примеры, когда антонимы, образуя диатезу, формируют устойчивые сочетания: *Его объял ужас, и он ни жив ни мёртв, мчится назад и, дрожа от страха, бросился к няньке и разбудил старуху* (И.А. Гончаров «Обломов»); *Заслуга человека тут – почувствовать и удержать в себе эту красоту природной простоты...*

понимать прелесть правды и жить ею – следовательно, **ни больше, ни меньше**, как иметь сердце и дорожить этой силой... (И.А. Гончаров «Обрыв»).

Следует обратить внимание на то, что отрицаются только крайние точки в проявлении качества (например, температуры) – *жарко, холодно*, при этом само качество (признак) не отрицается, а утверждается, но в своём нейтральном проявлении (*тепло*). Данный факт позволяет разграничить диатезу и амфитезу. Эти два риторических приёма могут формально совпадать, когда при антонимах находятся отрицательные слова. Однако в смысловом отношении обнаруживаются очевидные различия. Сравним два примера. *Если друг оказался вдруг и не друг и не враг, а так...* (В.С. Высоцкий). *Симпатии его так часто менялись, что у него не было ни постоянных друзей, ни врагов* (И.А. Гончаров «Обрыв»). В первом случае антонимы *друг – враг*, вступая в отношения взаимоотрицания, позволяют исключить крайние проявления человеческой привязанности, но при этом позволяют представить такие отношения между людьми, которые сложно назвать, что и подчёркивает слово со стёртой семантикой *так*. В данном контексте эта лексема может быть определена как ‘не проявляющий какого-либо участия по отношению к другому, безразличный’. Слово *так* выступает в качестве наименования среднего звена между тем, что означает слово *друг* и слово *враг*. Становится понятно, что это безразличие, с точки зрения лирического героя, даже хуже, чем вражда, поскольку поведение врага в большей степени предсказуемо, в отличие от человека безучастного, а значит, ненадёжного. Расплывчатость семантики *так* усиливает этот эффект неприятия неопределённости.

Если в этом примере взаимное отрицание антонимов не предполагает абсолютного исключения признака, а утверждается средняя степень его проявления (*так*), то в другом примере антонимы *друзья – враги* вступают в отношения соединения, ибо отрицается в целом наличие межличностных контактов. Чтобы доказать данную мысль, мы перефразируем авторский вариант, заменив *ни – ни* на *и – и*: **Симпатии его так часто менялись, что у него отсутствовали и постоянные друзья, и враги*. Общий смысл высказывания не

изменился. Следовательно, перед нами амфитеза. См. также амфитезу: *Спокойно зрит на правых и виновных, / Добру и злу внимая равнодушно, / Не ведая ни жалости, ни гнева* (А.С. Пушкин «Борис Годунов»); *Я не разделяю людей ни на новых, ни на старых, - сказал Райский, принимаясь за пирог* (И.А. Гончаров «Обрыв»). Подробнее об амфитезе см. в разделе 3.4.4.

Основная задача диатезы, как отмечают исследователи, состоит в том, чтобы в результате взаимоотрицания противоположностей можно было «чётче изобразить промежуточные, средние звенья множества», акцентировать внимание на отсутствии ярко выраженных черт, неопределённости, неясности обозначаемого [Хазагеров 1999: 206; также Зябирова 2011; Кожевникова 2006; Ильясова 2013].

Рассмотрим функции диатезы на примерах. Так, диатеза используется для того, чтобы показать отсутствие каких-либо выраженных качеств, обуславливающих уникальность личности. Например: *Он (Аянов) – так себе: ни характер, ни бесхарактерность, ни знание, ни невежество, ни убеждение, ни скептицизм* (И.А. Гончаров «Обрыв»); *Вошёл человек неопределённых лет, с неопределённой физиономией, в такой поре, когда трудно бывает угадать лета; не красив и не дурён, не высок и не низок ростом, не блондин и не брюнет* (И.А. Гончаров «Обломов»); *В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, не слишком толст, не слишком тонок, нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод* (Н.В. Гоголь «Мёртвые души»). Использование диатезы помогает автору показать персонажей неопределённой внешности, либо героев, которые не проявляют себя значительно, либо героев с неясной биографией.

Мы должны обратить внимание на тот факт, что ступенчатое проявление признака возможно между явлениями, которые обозначены антонимами, выражающими контрарную противоположность (*горячий – холодный*), следовательно, теоретически диатеза должна строиться на контрарных антонимах. Промежуточная ступень между проявлением горячего и холодного будет тепло. Прилагательное *тёплый* называет это промежуточное состояние. Однако следует

отметить, что не всегда промежуточную ступень между противоположностями можно вербализовать: *Это ни честно, ни нечестно, а полезно для меня* (И.А. Гончаров «Обрыв»). Антонимы *честно* – *нечестно* являются комплементарными, а следовательно, не способны к градации в проявлении степени обозначаемого признака. Действительно, понятия о «получестности», которое можно было бы обозначить соответствующим словом, не существует: либо правда, либо ложь, полуправды или полулжи не бывает. Может быть, для героя в целом неактуален параметр истинности, потому что он не может определить, что является честным, а что нечестным.

Имплицитная природа средней ступени признака помогает читателю понять психическое состояние персонажей. Например: *Ни весело, ни скучно, ни тепло, ни холодно* ему было от всех этих лиц и явлений (И.А. Гончаров «Обрыв»). Мы видим две диатезы, построенные на антонимах *весело* – *скучно*, *тепло* – *холодно*. Отметим, что каждая из диатез уточняет общий смысл обозначаемого, а именно равнодушного отношения к окружающим. Если бы в тексте присутствовала только конструкция *ни весело, ни скучно*, создавалось бы впечатление временной апатии героя. Вторая диатеза подчёркивает безразличие в душе «к этим лицам и явлениям» как постоянное состояние героя.

Стоит отметить, что в речи можно наблюдать также эксплицитный характер промежуточной ступени между противоположностями, когда указывается слово, которое называет промежуточное звено между двумя крайностями: *Эта задумчивость была не сон и не бдение: он беспечно пустил мысли бродить по воле, не сосредотачивая их ни на чём* (И.А. Гончаров «Обыкновенная история»). Автор указывает, что выступает в качестве промежуточного элемента. Взаимоотрицание антонимов *сон* – *бдение* позволяет определить, что подразумевается под словом *задумчивость*. Возможна также диатеза, в которой писатель намеренно уточняет, что утверждается: *Росту он был не маленького и не громадного, а просто высокого* (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»). В данном случае *высокий* является одним элементом из множества: *маленький* – *невысокий* – *среднего роста* – *высокий* – *очень высокий* – *громадный*.

Контекстуальные антонимы, вступающие в линейные отношения взаимного отрицания, позволяют подчеркнуть частные особенности описываемого явления, выявить метафоризированные значения слов, образующих диатезу. *В любви равно участвуют и душа и тело, в противном случае любовь неполна: мы не **духи** и не **звери*** (И.А. Гончаров «Обрыв»). Героиня романа, пытаясь осмыслить сущностную сторону человека, понять законы человеческой любви, рассуждает о том, что человек не является воплощением таких, с её точки зрения, крайностей, как духи и звери. Пара *духи – звери* является контекстуальными антонимами. Вероятно, максимальное различие значений слов *духи* и *звери* можно обнаружить, опираясь на мистико-религиозные представления бытия. Обратимся к значениям, которые предоставляет толковый словарь. Так, наиболее релевантное данному контексту значение слова **дух** будет следующее: ‘бесплотное, сверхъестественное существо (доброе или злое), принимающее участие в жизни природы и человека’ [БТС]. То есть предполагается, что духи, лишённые физической оболочки, лишены и физических потребностей. Героиня, отрицая, («мы не духи»), подчёркивает важность телесной стороны человека. Слово **зверь** определяется как ‘дикое, обычно хищное животное’, а значит, зверь – существо, действующее исключительно по воле собственных низменных инстинктов [БТС]. Для человека, по мнению Веры, важно гармонично сочетать одухотворённость и звериный инстинкт, иначе любовь человека не полна.

Рассмотрев приведённые выше примеры, мы можем увидеть, что диатеза позволяет представить срединную ступень между двумя крайностями в проявлении признака (*друг – враг, толст – тонок, стар – молод, честно – нечестно, весёлый – печальный*). По этой причине антонимы, выраженные прилагательными, наречиями образа действия, причастиями, чаще всего используются для данного риторического приёма.

Итак, диатеза – это риторический приём, основанный на линейных отношениях взаимоотрицания, реализующихся между антонимами, используемый для «утверждения среднего признака через отрицание противоположных» [Введенская 2005: 22].

3.4.6. Дизъюнктеза (аллиозис)

Дизъюнктеза формируется на основе семантики **разделения**, возникающей между антонимами. Например: *И всё трепетало и пело вокруг, / И я не узнала – ты **враг** или **друг**, / **Зима** это или **лето*** (А.А. Ахматова «Три стихотворения»). Дизъюнктеза используется для того, чтобы указать на предельное разграничение противоположностей. Антонимичные пары *враг – друг*, *зима – лето*, соединённые разделительным союзом *или*, в данном контексте используются для того, чтобы выразить непонимание лирической героиней своих чувств по отношению к другому. Выбор, перед которым она стоит, воспринимается и как результат её собственного нервного возбуждения, и как отражение амбивалентной природы объекта речи (*ты*). Рождённая в сознании дилемма, обозначенная сочетанием слов *враг или друг*, становится причиной общего ощущения неопределённости, неясности, что происходит в окружающем мире: *зима или лето*. Ответ на решение элементарного, казалось бы, вопроса создаёт ощущение абсолютной безысходности. Семантическая противоположность слов *зима – лето* подчёркивают несложность выбора, но в то же время позволяет увидеть, насколько сложен выбор между крайностями *враг – друг*. Неожиданный переход от внутренней, частной проблемы к восприятию внешней среды повышает эмоциональность фразы.

Анализ структуры дизъюнктезы показывает, что антонимы, образующие риторический приём, в паре однородных членов предложения соединяются разделительными союзами, что позволяет достигнуть предельной семантической поляризации смысловой структуры высказывания: *или; или..., или; либо; либо..., либо; то ли..., то ли; не то..., не то*. Например: *Ах Илья, Илья! Не то смеяться, не то плакать* (И.А. Гончаров «Обломов»); *Во сне это или наяву!* – шептал он, *точно потерянный* (И.А. Гончаров «Обрыв»). Семантика разделения, возникающая между антонимами *смеяться – плакать*, *во сне – наяву*, подчёркнутая разделительными союзами, позволяет отразить неясное осознание окружающей действительности, непонимание происходящего, растерянность героя.

При этом стоит отметить, что риторический приём, в основе которого лежит семантика разделения, в справочной и специальной литературе называют не только дизъюнктезой [Елизарова 1994; Сазонова 2011], но и аллиозисом [ВР; Бобровская 2011], альтернезой [ВР]. Принимая во внимание, что для термина существенным является совпадение структурной и семантической мотиваций, установим взаимосвязь содержания рассматриваемых терминов и их смыслоопределяющих терминологических элементов [Канделаки 1977: 15].

С нашей точки зрения, значимым для рассматриваемого риторического приёма является семантика отношений, которые реализуют антонимы в тексте. Если антонимы формируют отношения разделения, то есть противоположности оказываются ультимативно разграниченными, тогда термин «дизъюнктеза» *disjunction* (в переводе с латинского – ‘разделение, разобщение’) в большей степени отражает указанное значение.

Термин «аллиозис» восходит к слову *allos*, которое в переводе с греческого означает ‘иной’. Сходное значение у производящей основы термина «альтернеза»: в переводе с латинского *alter* – ‘один из двух’. Таким образом, оба терминологических элемента указывают на количественный состав риторического приёма, а не отражают его семантической основы – значения разделения и взаимоисключения. Поэтому целесообразным, на наш взгляд, является использование термина «дизъюнктеза».

По мнению исследователей, дизъюнктеза может иметь значение как сильной, так и слабой альтернативы [Сазонова 2011: 10-11]. Значение слабой альтернативы в дизъюнктезе можно наблюдать в следующем примере: *Она, несомненно, была не из этих, и, чтобы её переуверить в том, во что она уверовала, недостаточно было слова обыкновенного человека, а это могло быть по силам разве духу, который счёл бы нужным прийти с этой целью из ада или из рая* (Н.С. Лесков «Дух госпожи Жанлис»). Союз *или* здесь имеет соединительно-разделительное значение. Антонимы *ад* – *рай* разграничиваются, поскольку дух не может быть существом, явившимся одновременно из преисподней и из рая, но то, откуда он, не является принципиально важным в рамках данного контекста.

Оба варианта (**Она, несомненно, была не из этих, и, чтобы её переуверить в том, во что она уверовала, недостаточно было слова обыкновенного человека, а это могло быть по силам разве духу, который счёл бы нужным прийти с этой целью из ада* и **Она, несомненно, была не из этих, и, чтобы её переуверить в том, во что она уверовала, недостаточно было слова обыкновенного человека, а это могло быть по силам разве духу, который счёл бы нужным прийти с этой целью из рая*) не исключают каждую из противоположностей, поскольку изменить свою точку зрения героиня могла как под влиянием адского посланника, так и духа из рая. В данном случае при отсутствии ярко выраженной альтернативы нет необходимости выбирать что-то одно и отвергать другое. В то же время в этом контексте нет семантики соединения. Так, если мы заменим разделительный союз *или* на соединительный *и*, общий смысл текста изменится: **Она, несомненно, была не из этих, и, чтобы её переуверить в том, во что она уверовала, недостаточно было слова обыкновенного человека, а это могло быть по силам разве духу, который счёл бы нужным прийти с этой целью из ада и из рая*. Как видим, исходный смысл (безразличие к тому, что может переуверить героиню) утрачен. Таким образом, дизъюнктеза со значением слабой альтернативы допускает, что антонимы могут быть заменены словосочетаниями *все равно*, в любом случае, а также словом *безразлично* [там же: 10-11].

Отметим, что некоторые устойчивые сочетания строятся по принципу дизъюнктезы со значением слабой альтернативы. Например: *В полиции сделано было распоряжение поймать мертвеца во что бы то ни стало, **живого или мертвого**, и наказать его, в пример другим, и в том едва было даже не успели* («Шинель»); *Помогающий чертям должен сам за ними последовать в ад, - **рано или поздно**, но непременно* (Н.С. Лесков «Пугало»). Синонимичной заменой *живого или мертвого* может быть слово *любой*, а *рано или поздно* – словосочетание *в любое время*. Значимость семантических отношений между антонимами в тексте практически нивелируется.

Смысл текста, выражаемый с помощью дизъюнктезы со значением сильной альтернативы, более сложный. В этом случае дизъюнктеза максимально разделяет

смысловую структуру высказывания: подчёркивается взаимоисключение противоположностей, обозначенных антонимами. В результате формируется проблема выбора между двумя противоположными объектами, состояниями, признаками, действиями.

Рассмотрим несколько примеров. *И положен сюда зачем? / На память нежного ль свиданья? / Или разлуки роковой?* (А.С. Пушкин «Цветок»). Лирический герой задаётся вопросом о том, что символизирует цветок – встречу или расставание. В данном случае цветок как символ имеет двойственную природу. В вопросе формулируется альтернатива с помощью антонимов *встреча – разлука*.

По мнению Г.В. Бобровской, эксплицированные логические отношения, образующие дизъюнктезу, способствуют продвижению тактики аргументации [Бобровская 2011: 36]. Как наиболее эффективный способ представления проблемы, приём обеспечивает структурированное приведение доводов для каждой из сторон, что в итоге позволяет адресанту или адресату речи осуществить выбор. Например: *Я не то спрашиваю, - возразил литератор, - я хотел бы знать: как можно сделаться нищим, стать в это положение? Делается ли это внезапно или постепенно, искренне или фальшиво?* (И.А. Гончаров «Обломов»). Антонимы *внезапно – постепенно, искренне – фальшиво*, вступая в отношения взаимоисключения, указывают возможность альтернативы: каким образом человек становится нищим: нищенство как результат непредсказуемого стечения обстоятельств и нищенство как осознанный, продуманный стратегический ход. Монолог персонажа представляется результатом его долгих размышлений о нищенстве. Выдвигая противоположные варианты, он словно полемизирует сам с собой. Таким образом, создаётся эффект диалогизации речи.

Дизъюнктеза используется также для того, чтобы показать душевные колебания: *Ее сомнения смущают: / «Пойду ль вперед, пойду ль назад?.. / Его здесь нет. Меня не знают...»* (А.С. Пушкин «Евгений Онегин»); *Где цвёл? когда? какой весной? / И долго ль цвёл? / И сорван кем, чужой, знакомой ли рукою?*

(А.С. Пушкин «Цветок»). В текстах семантические противоположности помогают представить две крайне различные идеи как альтернативные: идти вперёд – вернуться назад, сорван чужой рукой – сорван знакомой рукой. См. также: *Когда любим, то не перестаём задавать себе вопросы: **честно** это или **нечестно**, **умно** или **глупо**, к чему приведёт эта любовь и так далее* (А.П. Чехов «О любви»). А.П. Чехов, нанизывая пары антонимов (*честно или нечестно, умно или глупо*), передаёт психологическое состояние постоянных сомнений и переживаний, которое присуще каждому любящему человеку. Автор тонко подмечает, что испытывает личность в этот период постоянной рефлексии. Дизъюнктеза отражает тот простой перечень вопросов, задаваемых человеком самому себе, благодаря чему усиливается обобщённо-личный характер высказывания.

Итак, рассмотренные особенности взаимодействия противоположностей, реализующие семантику разделения, позволяют оценить функциональный потенциал дизъюнктезы. Основная дискурсивная роль дизъюнктезы – обозначить альтернативу. Кроме того, дизъюнктеза используется для того, чтобы описать психологическое состояние персонажа, понять ход мысли героя, выразить безразличие к тому, о чём говорит герой, а также показать двойственность объекта.

3.4.7. Синециозис

В основе синециозиса как риторического приёма лежит семантика противоречия, формирующаяся между антонимами: *Он идёт, **святой** и **грешный**, Русский чудо-человек* (А.Т. Твардовский «Василий Тёркин»). Синециозис использован в этом тексте для описания героя, испытавшего многое за время войны, совершивший поступки, достойные святого, и поступки, делающие человека грешником. Учитывая, что Василий Тёркин – собирательный образ, то мы понимаем роль народа в этой войне, можем представить значение психологической и физической силы русского «чудо-человека». «Чудесное» соединение противоположных качеств в одном человеке есть отражение внутреннего конфликта. Кроме того, такая противоречивая сущность персонажа

подчёркивает, что война оценивается неоднозначно: защита родины – благородная цель, но гибель людей на войне не может быть оправдана.

В синециозисе семантика противоречия, возникающая между противоположностями, имеет определённое логико-смысловое основание. Согласно «Логическому словарю» противоречие – «это взаимодействие между взаимоисключающими, но при этом взаимообуславливающими и взаимопроникающими друг друга противоположностями внутри единого объекта и его состояний, или же понятий, высказываний, теорий» [ЛС]. Соединение противоположностей представляется алогичным (**Он был добр и зол одновременно*), семантика противоречия предполагает несовместимость значений антонимов, но в то же время противоречие позволяет обнаружить двойственную природу объекта, состояния, понятия, идеи. В языковом плане возникающая семантика противоречия также воспринимается как отражение аномалии, например: **сейчас за окном день и ночь*.

Отметим, что синециозис относится к малоизученным риторическим приёмам. Термин *синециозис* является мотивированным (от греческого *synoikiosis* 'слияние' [ВР]). Следовательно, в синециозисе антонимы, выражая противоположность, соединяются, образуя представление о едином противоречивом по природе объекте.

Предположение, что синециозис основывается на семантике противоречия, указывает на связь данного риторического приёма с оксюмороном. Стоит отметить, что в справочной литературе иногда синециозис рассматривается как вид оксюморона. В терминологическом словаре «Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации» В.П. Москвина синециозис определяется как «вид оксюморона, основанный на сочинительных связях»: *Ты и убогая, Ты и обильная, Ты и могучая, Ты и бессильная, Матушка-Русь!* (Н.А. Некрасов) [ВР].

Существуют исследования, согласно которым форма реализации оксюморона не имеет значения: главным является семантика противоречия, поэтому оксюмороном называют конструкции, в которых сочетания компонентов

основаны как на подчинительной (*Будь счастлива несчастьем моим.* – М.Ю. Лермонтов), так и на сочинительной связи: *Огромная осень, стара и юна, в неистово-синем сиянии окна* (А.А. Вознесенский) [ВР; КР; Борковская 2006].

На наш взгляд, семантика противоречия между антонимами *старый* – *юный* в сочинительной конструкции отражает двойственность предмета, показывает его неоднозначность, сложность. При этом лексемы *старый* и *юный* взаимодействуют как равные, однородные в данном контексте. Антонимы *старый* – *юный* реализуют линейные отношения, то есть объединение слов в данном тексте представляет простую комбинацию значений. В оксюморе отношения антонимов нелинейные: происходит «наложение» значений. (См. подробнее раздел 4.2)

В рассматриваемом примере осень кажется старой, потому что в этот период наблюдается общее увядание природы, что ассоциируется с соответствующим возрастом человека. И в то же время осень юна, ибо она только вступила в свои права и набирает силу. В данном случае возникает иное восприятие противоречия, отсутствует впечатление новообразования смысла, как в оксюморе.

В исследованиях, в которых упоминается синециозис, предлагают и другие трактовки этого риторического приёма. Так, синециозисом называют употребление слова в значении, противоположном обычному [Смолина 2012: 96]; определяют его как один из подвидов антитезы, который «позволяет объединять два противоположных явления» [Бурканова 2010: 21]; как «вид оксюморона, основанный на сочинительных связях» [ВР]. Подробнее о разграничении синециозиса и других риторических приёмов мы пишем в [Корюкина 2013].

Итак, мы считаем, что синециозис основывается на семантике противоречия, возникающей между антонимами, соединёнными сочинительной связью. Рассмотрим следующий пример: *Мир многогранен, многоцветен, / Порою добр, жесток подчас, / Он щедр и скуп, богат и беден: / Вглядись в него – он весь для нас!* (В.А. Алатырцев) Нанизывание антонимов *добрый* – *жестокий*, *щедрый* – *скупой*, *богатый* – *бедный* в данном тексте отражает идею неисчерпаемости

познания мира. Реализованный тройной синециозис приоткрывает лишь небольшую часть той видимой и осознаваемой действительности, которая очевидна для человека. Антонимы *добрый – жестокий* используются для того, чтобы передать разнообразие морально-нравственной стороны мироздания. Добро и жестокость (как составляющая зла) – основные философско-эстетические категории. Они являются универсальными показателями, то есть представление о добре включает в себя такие понятия, как альтруизм, бескорыстие, нравственность, справедливость, честность и др., а представление о зле – это, соответственно, знание об эгоизме, корысти, безнравственности, бесчестности и др. Следовательно, *добрый – жестокий* подчёркивает, насколько в эмоционально-психологическом плане мир разнообразен.

Антонимы *богатый – бедный* описывают материальную сторону жизни человечества, представляют, как могут различаться уровни жизни людей. Слова *щедрый – скупой* показывают, что человек, в зависимости от своих морально-нравственных идеалов, может поддерживать другого человека материально.

Таким образом, антонимы *добрый – жестокий, щедрый – скупой, богатый – бедный* используются для того, чтобы представить многообразие мира во всей совокупности проявления материальных и духовных ценностей.

Синециозис может также реализовываться для изображения эмоционального состояния человека. Например: *Как белый камень в глубине колодца, / Лежит во мне одно воспоминанье. / Я не могу и не хочу бороться: / Оно – **веселье** и оно – **страданье*** (А.А. Ахматова). Антонимы *веселье – страданье* подчёркивают, насколько неоднозначно лирическая героиня воспринимает отношения с бывшим возлюбленным. Воспоминание вызывает противоположные эмоции, то есть оно оценивается противоречиво, ибо любовь дарила как веселье, так и страданье. Вероятно, героиня не может и не хочет бороться с этим воспоминанием, поскольку оно есть свидетельство этой любви.

Вместе с тем, стоит отметить, что семантически противоположные слова *веселье – страданье* умножают эффект сравнительного оборота *как белый камень*

в глубине колодца, который используется для того, чтобы показать глубину и силу чувств, испытываемых вновь и вновь.

В примере *Публика всегда и везде одинакова: умна и глупа, сердечна и безжалостна* – смотря по настроению (А.П. Чехов) антонимы *умный – глупый, сердечный – безжалостный*, образуя синециозис, акцентируют внимание на том, что публика в целом не меняется, несмотря на противоречивую неоднородность состава. Слова *всегда и везде* подчёркивают угнетающую статичность окружения.

Итак, рассмотрев примеры использования синециозиса, мы пришли к выводу, что это риторический приём, основанный на линейных отношениях антонимов, которые в сочинительной конструкции реализуют семантику противоречия. Употребление синециозиса помогает автору показать противоречивость чувств, разнообразие проявлений мира, а также помогает выразить оценку событий.

3.2.8. Синойкейозис

Сравнительная семантика, реализующаяся между антонимами, является основой такого риторического приёма, как синойкейозис: *Увы! толстые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие* (Н.В. Гоголь *Мёртвые души*)).

Покажем, каковы механизмы взаимодействия сравниваемых признаков, выраженных антонимами в синойкейозисе.

Как замечает Л.М. Малых, в основе сравнительной семантики, лежит логическое сравнение, которое образует «логический каркас» отношений между словами [Малых 2011: 107]. Понимание механизма сравнения как мыслительной операции, позволяет осознать особенности семантических процессов, возникающих при реализации соответствующих отношений между лексемами. Согласно «Логическому словарю» сравнение – «это один из логических приёмов познания внешнего мира и духовных ценностей» [ЛСК]. В основе сравнения как логической категории лежит понятие о сходствах и различиях сравниваемых предметов. Толковый словарь значение слова **сравнить**, отражающего сущность мыслительного акта, определяет так: «рассмотреть одно в связи с другим для

установления сходства или различия или для установления преимуществ одного перед другим; сопоставить» [МАС]. Процесс сравнения, основанный на выявлении определённых сходств и различий в объектах, аналогичен пониманием сопоставлению: при сравнении мы можем установить превосходство одного над другим, то есть представить градацию в выражении какого-либо признака у сравниваемых объектов, а при сопоставлении указание на общие и отличительные черты объектов устанавливается взаимная связь между ними. Если процесс сравнения предполагает установление преимущества одного перед другим, то должна быть асимметрия в отношениях между компонентами, чего не происходит при сопоставлении, поскольку сопоставляемые объекты находятся в равных относительно друг друга положениях.

Рассмотрим пример, где реализуется семантика сравнения между антонимами: *Законность и порядок приятнее произвола и беспорядка* (Н.С. Лесков «Дама и фефела»). Антонимы *законность* – *произвол*, *порядок* – *беспорядок*, реализуя отношения сравнения, используются для того, чтобы показать, что законность и порядок обладают привлекательностью в большей степени по сравнению с произволом и беспорядком. Основания для данного вывода, с точки зрения говорящего, очевидны, поэтому не указываются. Однако выявление всех положительных и отрицательных характеристик законности и порядка, произвола и беспорядка, на базе которых был сформулирован вывод, представляет процесс сопоставления.

Если представить процесс сравнения как последовательность микропроцессов, реализующихся при этой операции в человеческом сознании, то появляется возможность детально представить и разграничить сравнение и сопоставление. Обнаружение подобного и несходного в объектах, подтверждающие их внутреннюю связь, является начальным этапом мыслительного процессов сравнения и сопоставления. Как свидетельствует толковый словарь, при **сопоставлении** объекты «рассматривают, соотносят друг с другом, выявляя сходство и различие» [МАС]. Так процесс сопоставления выступает основой для сравнения. Дальнейший анализ всех сходств и различий,

положительных и отрицательных сторон парных объектов становится основой для сравнительных отношений. В процессе рассуждения формируется заключение, позволяющее установить, какой из объектов превосходит в чём-либо другой. То есть для сравнения важен сам результат, ибо сравнение является итогом сопоставления.

Изучение языковых единиц, выражающих сравнение, осуществляется как с формальной, эксплицитно выраженной стороны, так и с содержательной стороны данных языковых единиц. В речи семантика сравнения между словами, в частности антонимами, выражается с помощью сравнительных союзов и компаративов. Например: - *Ведь ты жив!* – *К сожалению – да! Но эта **жизнь** хуже **ста смертей*** (И.А. Гончаров «Обыкновенная история»). Грамматическим показателем наличия отношений сравнения является компаратив *хуже*, который указывает на семантически сравниваемые слова (*жизнь – сто смертей*). Одна из лексем (*жизнь*) находится в доминирующей препозиции, то есть в смысловом отношении превосходит другую (*сто смертей*), находящуюся в зависимой постпозиции.

Итак, в синонхическом отношении сравнения реализуются по схеме *А + компаратив, сравнительный союз В*, то есть необходимы объекты сравнения (А и В), а также формальные показатели, такие, как компаративы, например, *Иная похвала хуже брани* (пословица) и сравнительные союзы (*чем, нежели*): *Я не прочёл большой решимости в этом беспокойном взгляде и сказал майору, что напрасно он не велит выломать дверь и броситься туда казакам, потому что лучше это сделать **теперь**, нежели **после**, когда он совсем опомнится* (М.Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»).

Сравнение противоположностей позволяет показать большее число различий, нежели сходств, поскольку различия очевидны, что дополнительно усиливает акцент максимальной несхожести семантики. Так, в примере *Лучше быть слугою **мудреца**, чем господином **глупца*** (пословица) сходства обнаруживаются при анализе общеродового значения. В паре *мудрец – глупец* таким значением будет 'уровень развития мышления'. Сравнение семантики слов

мудрец – глупец позволяет сделать вывод, что быть в подчинении у одарённого большим умом и опытом мудреца лучше, чем руководить умственно ограниченным глупцом. Сравнение близких по значению слов, наоборот, требует усилий для поиска различий.

Рассуждение о сходствах и различиях сравниваемых противоположностей остаётся за рамками контекста, для нас важны антонимы в сравнительной конструкции, поскольку схема *A + компаратив, сравнительный союз B* является моделью синойкейозиса. Например: *Охлаждение овладевало им ещё быстрее, нежели увлечение: он уже никогда не возвращался к покинутой книге* (И.А. Гончаров «Обломов»). Линейные отношения слов *охлаждение – увлечение* позволяют продемонстрировать стремление героя к душевному покою, безмятежности, отчуждению. Потеря интереса к делу проходит быстрее по сравнению с возникновением этого интереса. Основанием сравнения выступает скорость, с которой реализуются охлаждение и увлечение. С помощью синойкейозиса в фокус внимания попадает именно различие противоположностей, факт их сравнения подчёркивает контраст значений и указывает, какая из противоположностей является доминантой. В данном случае акцент сделан на слове *охлаждение*, то есть состояние равнодушия, спокойствия является более привычным эмоциональным состоянием персонажа, поэтому охлаждение наступает быстрее.

Стоит отметить, что синойкейозис относится к малоизученным риторическим приёмам, это «нечастотная и “уникальная” фигура», как пишет О.Н. Егорченко [Егорченко 2006: 11]. Может быть, по причине «уникальности» синойкейозиса в трактовках обнаруживаются разночтения: «особая разновидность сравнения и с предшествующей ему антитезой» [там же], «неожиданное сравнение, реализуемое в сочинительной конструкции» [ВР], «разновидность антитезы, когда обозначения антонимичных понятий помещаются в близкий контекст, но цель их противопоставления не преследуется» [Агамурдова 2009: 9].

Понимание синойкейозиса как разновидности антитезы, на наш взгляд, является неточным. (См. подробнее об антитезе раздел 3.1.1). Напомним, что суть антитезы заключается в «резком противопоставлении понятий, мыслей образов»:

Ты богат, я очень беден;

Ты прозаик, я поэт;

Ты румян, как маков цвет;

Я, как смерть, и тощ и бледен.

А.С. Пушкин «Ты и я» [СЛ]

Определение синойкейозиса, рассматриваемого как «неожиданное сравнение, реализуемое в сочинительной конструкции» [ВР], требует уточнения: в чём сущность неожиданного в сравнении, какие элементы выступают в качестве основообразующих. В качестве иллюстрации приводится следующее выражение: *Мот и скупец – друг другу сродни: что имеют, того не ценят* [ВР]. Предлагаемый пример, с точки зрения исследователей, демонстрирует семантику сравнения, реализующуюся между антонимами *мот – скупец*. На наш взгляд, цель высказывания иная – сопоставить эти противоположности, обнаружить в несходном сходные черты.

Трактовка синойкейозиса как сочетание антитезы и сравнения ставит вопрос об установлении контаминационного характера синойкейозиса и уточнении признаков сравнения и антитезы в нём. Вероятно, синойкейозис базируется на отношениях сравнения, поскольку, как мы уже отмечали, антитеза основана на отношениях противопоставления антонимов. Признак, «заимствованный» синойкейозисом у антитезы, – это базовые элементы, то есть антонимы.

Подводя итог, отметим, что существенными признаками синойкейозиса как приёма являются отношения сравнения, возникающие между антонимами. Основной задачей этого приёма становится акцент на различии значений сравниваемых лексем, а также на указании преимущественного положения одной противоположности перед другой по приведённому основанию сравнения.

Выводы

В основе систематизации риторических приёмов, строящихся на антонимии, лежит тип отношений между антонимами.

Всё многообразие отношений, которые могут реализовать антонимы, следует разграничить на два типа: линейные отношения и нелинейные отношения.

В основе деления отношений, возникающих между антонимами, лежит признак наличия/отсутствия семантических сдвигов, приращений, наложения смыслов.

При нелинейных отношениях, которые можно наблюдать между антонимами, возникают семантические сдвиги, приращения, наложения смыслов.

При линейных отношениях каждый компонент антонимической пары используется только в одном значении. Линейные отношения не влияют на языковые свойства слов, составляющих антонимическую пару (лексическое значение, грамматические параметры), они остаются константными.

Самыми распространёнными линейными отношениями, пожалуй, являются отношения противопоставления. Этот тип отношений лежит в основе таких риторических приёмов, как антитеза, антиметабола, мукабала, синкризис, апофонема.

Антонимы могут вступать в линейные отношения других типов, не имеющих семантики противопоставления: отношения объединения, отношения сопоставления, отношения диалектической взаимозависимости, отношения сравнения, отношения взаимодополнения и другие. Не выражающие семантики противопоставления антонимические отношения формируют акротеузу, аллоизис, альтернатезу, амфитезу, диатезу, дизъюнктезу, синойкейзис, синециозис.

ГЛАВА IV ФОРМИРОВАНИЕ РИТОРИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ НА ОСНОВЕ НЕЛИНЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ АНТОНИМОВ В РЕЧИ

Вводные замечания

Нелинейные семантические отношения между антонимами формируются при семантических сдвигах и приращениях, трансформации значений слова и/или наложении значений. То есть взаимодействие антонимов основывается на внутренних ресурсах языка и инициирует «процессы синтеза и самоорганизации новых, глубинных смыслов» [Муратова 2009: 54]. Рассмотрим в качестве примера следующий текст: *Там, на родине, Райский, с помощью бабушки и нескольких знакомых, устроили его на квартире, и только уладились все эти внешние обстоятельства, Леонтий принялся за своё дело, с усердием и терпением вола и осла вместе, и ушёл опять в **свою**, или лучше сказать **чужую**, минувшую жизнь...* (И.А. Гончаров «Обрыв»). В данном примере антонимы *свой – чужой* находятся в нелинейных отношениях, формирующихся в результате семантического сдвига и трансформации фразеологизма *уйти в себя*. Так, на первый взгляд представляется, что слова вступают в отношения уточнения одного посредством другого. Однако подобная семантика отношений характерна для синонимов, а также гиперонима и гипонима, именующих родовой и видовой признак. В рассматриваемом случае смысл высказывания сначала кажется непонятным, поскольку, с точки зрения логики, наблюдается противоречивость: ушёл в свою или ушёл в чужую жизнь. Противоположность значений слов *свой – чужой* не допускает синхронного присутствия в одном объекте называемых признаков. Противоречивый смысл высказывания разрешается, если обратить внимание на тот факт, что автор с помощью уточнения изменяет структуру лексически несвободного словосочетания *уйти в свою жизнь*, эквивалентного фразеологизму *уйти в себя*, то есть ‘стать необщительным, замкнутым, сосредоточится на своих мыслях, переживаниях’ [ФС]. Семантическая целостность словосочетания *уйти в свою жизнь* не предполагает мотивированность его значения совокупной семантикой составляющих компонентов, то есть самостоятельное значение слов ослаблено, а значит, фразеологические единицы следует воспроизводить в

неизменном виде. Обусловленная авторским замыслом замена слова *свой* словом *чужой* представляет собой вариант языковой игры. Семантически несвободное слово *свой* не обладает самостоятельным значением в рассматриваемом примере, следовательно, не может иметь антонима. Однако в узусе *свой – чужой* выражают взаимную противоположность, и иллюзия антонимичности названных лексем сохраняется, благодаря чему создаётся двупланность высказывания, иронический подтекст: герой уходит в свою жизнь – герой уходит в чужую жизнь. Слово *чужой* вступает во взаимодействие как со «свободным» словом *свой*, так и с семантически несвободным словосочетанием *уйти в свою жизнь*. При этом стоит учитывать, что, приняв авторскую замену, мы получим словосочетание *ушёл в чужую жизнь*, которое может иметь значение ‘пристально изучать деятельность общества или человека в различных областях и сферах её проявления’. Следуя авторскому замыслу, мы можем сказать, что погружение персонажа в свои мысли и чувства возможно только в процессе научной деятельности. То есть фактически для героя *свой*, внутренний мир – это исследование жизни других людей; личное, эмоциональное оказалось вытесненным наукой. Таким образом, алогичность уточнения *или лучше сказать чужую* «снимается», поскольку значение выражения *уйти в свою жизнь* в рамках данного контекста эквивалентно значению *уйти в чужую жизнь*.

Обратим внимание, что одним из основополагающих факторов формирования нелинейных отношений антонимов выступает многозначность компонентов. Антонимическая пара слов, которые только в одном из значений выражают противоположность, «благодаря особому контексту может выступать как средство реализации их экспрессивно-переносного значения: Тот самый человек *пустой*, кто весь *наполнен сам собой* (М.Ю. Лермонтов)» [Новиков 1973: 251-252]. Слова *пустой – наполненный* выражают семантическую противоположность, если значение первого слова определяется как ‘не заполненный, не занятый кем-, чем-либо’, а значение второго, трактуемое через производящее слово *наполнить*, ‘занять полностью, целиком’ [БТС]. Таким образом, если давать объекту характеристику «пустой», то не следует определять

этот же объект как «наполненный», поскольку возникает противоречие, и высказывание становится алогичным. Разрешение противоречия происходит, если обратиться к иному значению слова *пустой*, а именно: ‘несерьёзный, легкомысленный, духовно ограниченный’ [БТС]. Слово *наполненный* в рамках данного контекста следует рассматривать только в составе лексически несвободного словосочетания *наполнен сам собой*. Использование данного словосочетания позволяет описать эгоистичного, человека, кругозор которого узок, ограничен. То есть фактически *пустой – наполнен сам собой* синонимичны. Однако в контексте функционируют взаимопротивоположные значения слов *пустой – наполненный*, а также значение лексемы *пустой* и словосочетания *наполнен сам собой*, которые исключают противоречие в содержании высказывания. Происходит соединение известного, что *пустой – наполненный* антонимы, и нового – той семантики, которая обусловлена контекстом, а именно, что сочетание *наполнен сам собой* используется в значении ‘эгоистичный, себялюбивый’, слово *пустой* – ‘несерьёзный, легкомысленный, духовно ограниченный’ [БТС]. Таким образом, лексико-семантические варианты полисемантов актуализируются в одном контексте для придания особой экспрессии, дополнительных смысловых оттенков, например иронии. (См. также *Что это такое? Начало конца или просто конец?* – И.С. Тургенев «Месяц в деревне»).

Проанализируем также особенности нелинейного взаимодействия антонимов в следующем примере: *Защитник вольности и **прав** / В сем случае совсем **не прав*** (А.С. Пушкин «Евгений Онегин»). Кажется, что представлены лексемы, значения которых содержат признаки, соотносящиеся как *A – не-A*, следовательно, изначально *прав – не прав* определяются антонимами. Однако контекст говорит об ином: *прав – не прав* являются омоформами: *не прав* – это прилагательное, а *прав* – это форма родительного падежа существительного *право* во множественном числе. Отрицательная частица оказывается сигнальным элементом антонимичности семантики слов *прав – неправ*. *Не прав* воспринимается как противоположность по отношению к слову *прав*. Произошло

наложение значений в слове *прав* как краткой формы прилагательного *правый*, то есть ‘правильно говорящий, думающий, поступающий’, и как формы существительного *право* ‘предоставляемая законами государства свобода, возможность действовать, осуществлять что-либо или пользоваться чем-либо’ [БТС].

Подобное сознательное использование слов, которые в одном из своих значений выступают как антонимы, но в рассматриваемом контексте не выражают противоположности, либо употребление омонимов с отрицательной частицей *не* по модели *A – не-A*, «создает стилистический эффект за счет эмоционально-экспрессивной выразительности создаваемой при этом языковой игры и является разновидностью намеренных авторских аномалий и интенций» [Габидуллина 2013: 17]. То есть нелинейные отношения, возникающие между антонимами в речи, лежат в основе языковой игры. Как замечает И.В. Цикушева, способность к языковой игре «вторична по отношению к знанию языковой системы и владению её нормативными связями», и в основе стратегии языковой игры лежит «осознанное нарушение функционально-семантических закономерностей использования языковых форм» [Цикушева 2009: 170–171]. В анализируемом примере мы видим нарушение однозначности высказывания, что и слова *пустой – наполненный* являются псевдоантонимичными.

В текстах можно также обнаружить случаи, когда логическое противоречие не разрешается, то есть противоположности намеренно применяются автором для изображения какого-либо абсурдного пространства, например, в небылицах или в сказочных формах: *Это было прошлым летом, в середине января* (Н.М. Олев «Лев и брадобрей»). В рамках данного отрывка описывается единый определённый период времени противоположностями – *летом* и *в середине января*. Словосочетание *в середине января* эвфемистически заменяет слово *зимой*, что представляет противоречие незаметным на первый взгляд. В дальнейшем мы понимаем, что *зимой – летом* являются антонимами, *летом – в середине января* также выражают взаимную противоположность значений. Однако не прямое использование узуального антонима *зимой*, а эквивалентного словосочетания *в*

середине января даёт ложную установку на реальность того, что, с логической точки зрения, невозможно. И семантические противоположности изначально не воспринимаются как антонимичные, то есть утрачивают признак противоположности выражаемых значений. Кроме того, структура предложения подсказывает воспроизведение не антонимичных отношений между *летом* – *в середине января*. Если учитывать, что *в середине января* играет роль уточняющей конструкции, то можно предположить, что *летом* номинирует общий родовой параметр, а *в середине января* – более частный, видовой (указание на один из летних месяцев). Осмысление значения компонентов помогает «восстановить» антонимическую связь между словами *летом* – *в середине января (зимой)*. Таким образом, нелинейность отношений антонимов в данном случае проявляется в процессе утраты/восстановления семантики взаимной противоположности в ситуации, когда форме не соответствует содержание.

Реализация нелинейных антонимических отношений наблюдается при разрушении устойчивых синтагматических связей. Например: *Грандиозный провал бессмертной саги* (заголовок). Значение слова *грандиозный* как ‘огромный, величественный, необычный по своему масштабу’ предполагает соединение со словом *успех* как ‘общественное признание, одобрение чего-либо, чьих-либо достижений’ [БТС]. Лексема *провал* (от глагола **провалить** ‘привести к полной неудаче, завалить’), использованная в данном контексте, выражает семантическую противоположность по отношению к слову *успех*. Подсознание сохраняет знание о том, что логичнее сочетать слова *грандиозный* и *успех*, однако в заголовке используется антоним слова *успех* – *провал*. Таким образом, актуализируются значения обоих слов. В результате трансформации прототекста в представленном контексте происходит «наложение» противоположных значений, что порождает двусмысленность: фильм был провальным или успешным. Вероятно, автор хотел подчеркнуть, что ожидаемый успех обернулся провалом. (См. также *Воспоминания о будущем*.)

Результатом нелинейных отношений антонимов является эффект обманутых ожиданий. В качестве наиболее показательного примера данного

эффекта, возникающего в результате неконтактного взаимодействия антонимов (когда один компонент подразумевается, но не находит реализации), рассмотрим следующий контекст: *Бросай это **грязное** дело, пойдём трубы чистить* (поговорка). Данная поговорка может использоваться как призыв прекратить выполнять одно непростое дело и заняться новой работой, не менее сложной и трудоёмкой. При этом мыслится, что призывающий бросить *грязное дело* предложит противоположное по характеру занятие, а именно *чистое дело*. Словосочетание *грязное дело* определим как ‘работа, связанная с чем-либо запачканным или нечистым’, а *чистое дело* – ‘не пыльная, не грязная работа’. Предполагается, что вторая часть высказывания содержит антоним к слову *грязный*, то есть *чистый* или связанный по смыслу со словом *чистый*. И вместо слова *чистый* употребляется близкое по звучанию однокоренное слово *чистить* в словосочетании *чистить трубы*. Лексема *чистить* выступает в качестве ассоциативного сигнала слова *чистый*. Но процесс чистки труб является *грязной* работой. То есть смысл выражения *чистить трубы* следует определять как ‘работа, связанная с удалением копоти и сажи’, то есть *чистить трубы* синонимично сочетанию *грязное дело*. Исходя из содержания анализируемого контекста, отметим, что вывод кажется нелогичным, поскольку предлагается неожиданная альтернатива. Заметим, что семантика прилагательного *грязный* имеет оценочный, отвлечённый характер, в то время как значение словосочетания *чистить трубы* отличается конкретностью. В результате значение словосочетания наделяется оттенком оценочности, поскольку *чистить трубы* и *грязное дело* воспринимаются как синонимичные. Кроме того, выражение *чистить трубы* объединяет противоположные смыслы – ожидаемый (предстоит чистое дело) и актуальный контекстный (предлагается работа, связанная с удалением копоти и сажи). При дальнейшем осмыслении содержания текста паремии формируется представление о том, что цель высказывания – призыв сменить деятельность.

Основой для реализации нелинейных антонимических отношений может стать также орфографическая неправильность как вариант трансформации слова:

Если есть гриб *груздь*, то должен быть и гриб *радозть* («Земля Нижегородская» № 31). Шутливый смысл этой фразы формируется на основе ассоциативно-смысловой связи между словами, которые не соотносятся друг с другом по значению. В данном случае происходит окказиональное обновление написания *радость* как *радозть* и установление парадигматических антонимических отношений слов *радозть* и *груздь* по модели пары языковых антонимов *радость* – *грусть*. Слово *груздь* как конкретное существительное не имеет антонимов. Автор текста, образуя окказионализм *радозть*, не указывает, что пара *радозть* – *груздь* обозначают противоположности. Обнаруживаемая фонетическая близость слов *грусть* – *груздь* соотносится со сходно звучащими *радость* – *радозть*. Таким образом, фонетические омонимы *грусть* – *груздь* генерируют возникновение параллельной пары *радость* – *радозть*. Проекция отношений является результатом авторского лингвистического эксперимента, основанного на трансформации слова *радость* и искажении значения слова *груздь*. При этом подобная языковая игра адресатом речи воспринимается как «спонтанное рождение новых значений, словоупотреблений, смыслов» [Гураль: 9]. Процесс разгадывания этой загадки формирует комический эффект.

Нелинейные отношения слов, выражающих семантическую противоположность, видим и в случае, когда один из компонентов в контексте утрачивает словарное значение и обретает новое в результате смещения значения: *И не хочу менять этого **неведения** на ваше опасное **вѣдение*** (И.А. Гончаров «Обрыв»). Слова *ведение* – *неведение* в этом контексте являются антонимами. Для лексемы *неведение*, определяемой как ‘незнание, неосведомлённость’, по распространённой модели образования однокорневых антонимов А – не-А, контекст предлагает антоним *ведение*. Однако слово *вѣдение*, как свидетельствуют толковые словари, трактуется как ‘сфера деятельности, управление’ [БТС], ‘заведование, управление, распоряжение чем-либо’ [МАС]. В узусе слово *вѣдение* не имеет антонимов. Окказиональное значение слова *вѣдение* ‘знание, осведомлённость’ является результатом актуализированной парадигматической связи со словом *неведение*. Кроме того, новое значение объясняется также

деривационной связью *ведать* – *неведение* – *ведение*. Производящее слово *ведать* ‘знать, иметь сведения’ «предаёт» опосредованно, через корень, слову *ведение* значение ‘знание, сведения’.

Итак, нелинейные отношения антонимов, как мы показали, формируются по различным моделям и основаниям, таким, как смещение значений, трансформация слова или семантически устойчивого словосочетания, разрушение парадигматической или синтагматической связи, пересечение лексико-семантических вариантов слова. Следует также отметить, что нелинейные отношения антонимов имеют индивидуальный авторский, уникальный характер: «каждое такое сочетание не только рождает новый художественный смысл, но и вбирает в себя, одновременно и органично, все логические противопоставления» [Муратова 2013: 394]. По этой причине каждый случай реализации нелинейных отношений антонимов требует особого анализа.

Нелинейные отношения находят отражение в приёмах антифразиса, реконсилии, оксюморона. Особенности взаимодействия антонимов в названных приёмах будут рассмотрены нами подробнее.

4.1. Антифразис

Традиционно антифразис определяют как «употребление слова, а также словосочетания и предложения в значении, противоположном обычному» [КР]. Например: *Какая прелесть! Обмануть человека, а потом притворяться ангелом* (О.С. Ахманова) [прим. КР].

Рассмотрим на конкретном примере механизмы и принципы образования антифразиса. *Врешь! Не дам я тебе помереть. Ишь какой богатый сукин сын нашёлся – помирать решил!* (М.М. Зощенко «Матрёнища»). Слово **богатый** в рамках контекста используется в противоположном традиционному значении. Чтобы понять, действительно ли в данном случае имеет место быть антифразис, мы должны обратиться к сюжету рассказа. Герой произведения Иван Саввич, будучи в крайне стесненных в финансовом плане обстоятельствах, серьёзно заболевает. Матрёна Васильевна, жена его, осознавая, что на похороны денег нет, отчитывает мужа, с долей злой иронии называя богатым. При этом читатель

понимает, что реальное бедственное положение семьи противоречит словам женщины. То есть нарушается логическая связь между тем, что произносит Матрёна Васильевна, и тем, о чём она думает: подразумевая *бедный*, она говорит *богатый*. В результате иронического переосмысления слово **богатый** обретает противоположное словарному значение – «не имеющий достаточных или необходимых средств к существованию» [БТС].

Одно значение вытесняется противоположным. Однако потенциально исходное значение продолжает «фигурировать» в слове, и на подсознательном уровне читатель сочетает в одной лексеме эти два противоположных значения. При этом отметим, что эти значения имеют не равный «вес» в семантической структуре слова: контекстуально приобретённое значение превалирует над исходным, узуальным. Принцип такого перехода сходен с метафорическим процессом «перенесения свойств одного предмета на другой» [ПР], по этой причине ряд терминологических словарей [СЛТ; КР; РС] относят антифразис к риторическим приёмам, основанным на «смысловой двуплановости» и «”игре” переносного и буквального значений в слове» [ВР]. Подобное понимание антифразиса отражает суть нелинейного взаимодействия антонимов, участвующих в его образовании. Так эксплицитно не выраженная связь в паре *бедный – богатый* представляет процесс замещения и частичного наложения значения. В результате мы наблюдаем семантическое преобразование в слове, и, как следствие, текст, получая дополнительные смысловые оттенки, насыщается экспрессивным, выразительным содержанием.

В данном случае мы видим, что антифразис используется как способ выражения говорящего к тому, о ком (о чём) он говорит. Как правило, антифразис используется при пейоративной оценке того субъекта (объекта, явления), о котором идёт речь. Например, о неопрятном человеке можно услышать: «*Вот так чистюля!*» Но антифразис может выражать и «положительную оценку под видом отрицательной» [ВР]. В этом случае речь идёт об астеизме как виде антифразиса: *И хотя я никогда не был командиром, даже в ефрейторы не вышел, жеребец мой в званиях не сек, он чувствовал человека спиной и всячески*

старался, **подлец**, выявить не только своё величие, но умел подчеркнуть значимость и красоту наездника (В.П. Астафьев «Обертон»).

В любом случае рассматриваемый нами приём используется в качестве способа оценивания. Как справедливо замечает В.Е. Ершова, оценка, являясь категорией прагматической, помогает человеку анализировать события и явления [Ершова 2012: 12]. Приём таким образом позволяет раскрыть не только творческую индивидуальность автора, но и удовлетворить эстетическое и интеллектуальное чувство читателя. При этом несоответствие между существующим и сказанным очевидно. В этом, по мнению Е.В. Ключева, заключается риторический механизм антифразиса, который «включается лишь тогда, когда говорящего трудно заподозрить в неопределённости точки зрения по поводу того, что он характеризует» [Ключев 1999: 220]. В примере из рассказа М.М. Зощенко мы можем видеть, что сложившаяся речевая ситуация весьма прозрачна, поэтому читатель точно сориентирован на корректное восприятие данного приёма структурой высказывания и наполняющими её компонентами, поскольку, как известно, «то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления» [Виноградов 1972: 17]. Используется придающая тексту оттенок укоризны и возмущения конструкция, которая состоит из разговорной частицы *ишь* и местоимения *какой*. Кроме того, слово **богатый** находится в пресуппозиции, что позволяет говорить об особом акцентировании внимания на нём. В качестве опоры антифразиса в данном случае выступает также бранное выражение *сукин сын*, подтверждающее интонацию, характерную для ругающегося человека, оно подсказывает, что фразу следует толковать исходя из «обретённого» в контексте значения слова **богатый**.

Обратим также внимание, что антифразис является способом выражения авторской иронии [РС; Ляпун 2009]. Например, чтобы вернуть потерянную вещь, герою рассказа «Галоша» М.М. Зощенко предстоит пройти несколько инстанций, собрать множество нелепых справок, заявлений и в итоге доказать, что вещь действительно принадлежит ему. Получив желаемое после недельного мытарства, герой замечает: *Вот, думаю, **славно** канцелярия работает!* При этом в данной

фразе мы чувствуем лишь авторскую иронию, ибо персонаж остался доволен своей находкой, хотя носить её не придётся, поскольку другую галошу он тоже потерял. С точки зрения С.В. Ляпуна, «насмешка проявляется в результате контраста между контекстуальным значением и предметно-логическим» [Ляпун 2009: 3]. В данном случае мы отмечаем, что описываемый процесс чиновничьей волокиты, очевидно, отражает работу всех подобных учреждений отнюдь не славной, а, наоборот, отвратительной. Таким образом, осознаваемый скрытый смысл всего выражения оказывается противоположным сказанному. Фактически вместо слова *славно*, предположительно, может быть употреблено слово *плохо*. Так, положительно оцениваемое слово *славно* в результате контекстуального переосмысления меняет свою семантику на противоположную.

Рассмотрим следующий пример: «**Честный** гражданин (Письмо в милицию)» (М.М. Зощенко). Прилагательное *честный* использовано в значении, противоположном узуальному. Рассказ представляет собой письмо-донос, в котором главный герой клеветает на окружающих, и правда преподносится им в искажённом виде, то есть фактически герой незаслуженно обвиняет своих знакомых, ведёт себя бесчестно. Слово *честный* справедливо было бы заменить на его антоним – *бесчестный* в значении ‘нарушающий правила чести’, ибо всё содержание рассказа свидетельствует о том, что заглавие содержит антифразис, таким образом, проявляется авторская ирония. В данном случае приём выполняет текстоорганизующую функцию.

Обратим внимание, что, как правило, для понимания антифразисного смещения большое значение имеет контекст. Но, кроме определяющего контекста, в устной форме значительную роль играет соответствующая интонация (в письменной речи интонацию графически могут заменить кавычки – **Спасибо тебе, «добрый» человек, за оказанную медвежью услугу*).

Итак, анализ примеров показал, что в антифразисе одно слово может сочетать два противоположных значения – узуальное и актуализированное «заимствованное». Вероятно, основываясь на данном понимании антифразиса, такие учёные, как О.С. Ахманова, Л.А. Новиков, отождествляют данный

риторический приём с энантиосемией [СЛТ; Новиков 1984: 14]. (Подробнее об энантиосемии см. раздел 1.1.2).

Подводя итог, отметим, что антифразис – это изменение словарного значения слова на противоположное в силу контекстуальных условий. Следует понимать, что реально (контекстуальное) значение «накладывается» на потенциальное (языковое) значение. Так и проявляется глубинный характер нелинейных отношений антонимов.

На примерах мы показали, что антифразис, используемый в тексте, реализуется как сатирический приём изображения действительности. Антифразис служит средством выражения оценки, а также является способом интеллектуального воздействия. Данный приём, выступая вербализованной формой иронии, может выполнять текстообразующую и жанрообразующую (сатира) функцию.

4.2. Оксюморон

Традиционно считается, что оксюморон – это «стилистическая фигура, состоящая в соединении двух не просто контрастных, но противоречащих друг другу по смыслу слов, связанных определительными (в широком смысле) отношениями» [КР]. Заметим, что в формальном отношении оксюмороном, как правило, считают словосочетание на базе подчинительной связи: *молодая старость, бедный богач* [Матвиевская 1979: 66; Павлович 1979: 239; СЛТ; Голуб 1986]. Причём «чем лаконичнее словосочетание, тем оно оксюмороннее» [Павлович 1979: 239]. Кроме того, как полагают исследователи, оксюморон, организованный как взаимодействие главного и зависимого, представляет целостный метафорический образ [Павлович 1979: 240; РС]: *Замолкли ангельские трубы, / Немотствует **дневная ночь*** (А.А. Блок «Когда я прозревал впервые...»). Словосочетание *дневная ночь* не столько называет естественное, природное явление, наблюдаемое в северных регионах России в период летнего солнцестояния (в данном случае петербургские белые ночи), сколько позволяет понять душевное состояние лирического героя, а именно его осознание «первого прозрения». Ощущение противоречия в дальнейшем нейтрализуется в результате

синтеза значений лексем [Павлович 1979: 239]. Семантика слова *день* ‘часть суток от восхода до захода солнца, от утра до вечера’ (семантический компонент этого слова, связанный с семой света) «накладывается» на семантику слова *ночь* ‘часть суток от захода до восхода солнца’ [БТС]. И получается, что ночи приписывается признак, который не характерен для неё изначально, то есть ночь становится подобна дню.

Существуют исследования, согласно которым форма реализации оксюморона не имеет значения: главным является семантика противоречия [ВР; Борковская 2006]. Отметим, что для оксюморона, по мнению Т.О. Борковской, характерно несколько структурно-синтаксических типов, то есть сочетания антонимов могут базироваться на разных синтаксических связях: сочинительной (*Мы вольные души! Мы злые рабы! / Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!* – А.А. Блок) и подчинительной (*О, добрый взгляд! О, лисья шубка! / О некрасивых красота!* – И. Северянин), предикативной (*Кругом рыдала и звенела, как в вешней роще, тишина* – А.А. Блок) и соподчинительной (*Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет / В тяжелых, нежных наших лапах?* – А.А. Блок) [Борковская 2006: 193-194]. Столь широкое понимание оксюморона размывает границы приёма, лишает его индивидуальных черт, выделяющих среди других. Соединение противоположностей в сочинительной конструкции отражает лишь двойственность предмета, показывает его неоднозначность, сложность. Кроме того, подобная широкая трактовка оксюморона приводит к тому, что объединяются несхожие по особенностям взаимодействия антонимические пары. В частности, например, на наш взгляд, антонимы, которые в сочинительной конструкции реализуют линейные отношения противоречия, представляют «простую комбинацию лексических значений» [Муратова 2013: 394]. Например, в контексте *Мы вольные души! Мы злые рабы! / Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!* (А.А. Блок) имеется в виду двойственное положение человека: его душа свободна, но физически человек является рабом обстоятельств. Такое взаимодействие антонимов лежит в основе синециозиса (см. раздел 3.4.7, а также

[Корюкина 2013]). Таким образом, сочинительная связь между антонимами, реализующими семантику противоречия, формирует линейные отношения.

Другие типы (предикативная, подчинительная) связи между антонимами задают нелинейные отношения, которые «возникают при нестандартной, не принятой в узусе сочетаемости лексем», в результате чего значения «накладываются друг на друга» [Муратова 2013: 391]. Так, в контексте *О, добрый взгляд! О, лисья шубка! / О некрасивых красота!* (И. Северянин) словосочетание *некрасивых красота* образует особое, сложное смысловое пространство. Здесь отмечается духовная прелесть тех, которые, может быть, физически не отвечают стандартному пониманию красоты.

Отметим, что изучать оксюморон следует не как изолированное сочетание слов, а в контексте, то есть в непосредственной связи с общим контекстуальным смыслом, который определяется совокупностью значений окружающих единиц, структурными особенностями соединения этих единиц в анализируемом тексте, ибо текст «конкретизирует то общее значение оксюморона, которое получается из значений его членов» [Павлович 1979: 247].

Например, оксюморон позволяет представить эмоциональное, психическое состояние лирического героя. Например: *Жить, храня **веселье горя**, / Помня радость прошлых вёсен...* (В.Я. Брюсов). Специфическое воспоминание о горе сквозь призму веселья является отражением избирательной особенности человеческой памяти (сохранить сведения о событиях эмоционально насыщенных), в силу чего восприятие горя и веселья оцениваются сознанием с точки зрения интенсивности. С этой точки зрения *веселье горя* следует трактовать как выражение сильного чувства. Оценивая течение времени, человек видит прошлое – чередование негативных и позитивных событий. В настоящем пережитые веселье и горе слились в единое целое. Используемая в данном случае глагольная форма инфинитива *жить* позволяет представить процесс развития бытия, охватывающем как актуальное настоящее, так и давно минувшее. Морфологическая выраженность окружающих единиц и синтаксическая структура контекста подчёркивают, что действие по глаголу *жить* сопряжено с

дополнительными процессами *хранить* и *помнить*. Эти «сопутствующие» действия выражены деепричастиями *храня* и *помня*, которые подчёркивают, что жизненный цикл сопровождается воспоминаниями в целом, как с положительными эмоциями, так и с отрицательными. При этом обратим внимание, что в оксюморе *веселье горя* главным является именно слово *веселье* ‘беззаботно-радостное настроение, радостное оживление’. Такая структура словосочетания показывает, что для памяти положительная эмоция доминирует над отрицательной.

Понимание принципов сочетания противоположностей в один общий образ предоставляет возможность обнаружить, что пересечение смыслов актуализирует определённые стороны предмета речи, «отображая принципиально новое явление или его новое состояние» [Шестакова 2009: 62]. Поиск и осмысление разных составляющих прекрасного как эстетической и философской категории позволяет читателю перейти на новый уровень восприятия текста в целом. При предикативной связи (*Не соловей — то скрипка пела, / Когда ж оборвалась струна, / Кругом **рыдала** и **звенела**, как в вешней роще, **тишина*** – А. Блок) также возникает пересечение противоположных по значению слов. Описание звенящей и рыдающей тишины помогает показать пугающую тяжесть внезапного безмолвия, возникшего в тот момент, когда «оборвалась струна», и осознать психоэмоциональное состояние лирического героя.

Рассмотрим другой пример: *Смотри, ей **весело грустить** такой **нарядно-обнажённой*** (А.А. Ахматова). Оксюморон в форме словосочетания, где доминантой выступает слово *грустить*, а зависимым *весело*, позволяет не просто увидеть одновременное переживание полярных чувств, а даёт представление о новом, непонятном героине ощущении. Грусть смешивается с весельем, но основным остаётся именно грусть, она оттеняется противоположным чувством, раскрываясь в новом свете, отчего становится ещё более горькой и трагичной. Первичные прямые, противоположные значения слов «наслаиваются» друг на друга, в результате формируется новое значение целостной единицы –

словосочетания, и возникает художественный образ. Обратим внимание, что в сочетании *нарядно-обнажѣнный* также является оксюмороном.

Потенциал образности, заложенный в оксюморонном словосочетании, позволяет предположить, что интересующий нас риторический приём близок метафоре. Т.Г. Хазагеров замечает, что за внешней противоречивостью оксюморона обычно стоит метафора [РС]. В.М. Жирмунский в работе «Введение в литературоведение» фактически отождествляет метафору и оксюмрон [Жирмунский 2004]. Ощущение целостности создаваемого при помощи оксюморона образа является, вероятно, следствием тесной грамматической связи образующих приём компонентов. Несовместимость противоположных значений этих компонентов максимально воспринимается именно в словосочетании. Как пишет Л.А. Новиков, благодаря оксюмрону «предмет, явление, качество, свойство и т.п., обозначаемые одним из слов, получают дополнительную характеристику со стороны второго, противоположного ему, что позволяет “схватить” противоречивую суть обозначаемого как фокус, как пересечение и взаимопроникновение противоположностей»: *И день настал. Встаёт с одра / Мазепа, сей страдалец хилый, / Сей **труп** живой, ещё вчера / Стонавший слабо над могилой* (А.С. Пушкин «Полтава») [Новиков 1973: 253]. Существительное *труп* (‘мёртвое тело человека или животного’) и прилагательное *живой* (‘такой, который живёт, обладает жизнью’) образуют ясно осознаваемое, противоречивое с точки зрения логики словосочетание, в котором главным выступает слово *труп*, а зависимым – *живой* [БТС]. Эти слова являются межчастеречными антонимами. Их сочетание преобразует значение лексемы *труп* благодаря подчинительной связи её с лексемой *живой*. Преображение семантики происходит нелинейно: между компонентами, являющимися неравноправными, происходит уподобление значения зависимого слова значению главного; формируется семантика словосочетания как самостоятельной единицы. Учитывая, что семантика рассматриваемых слов противоположна, мы понимаем, что обыкновенное последовательное суммирование значений в словосочетании невозможно. С логической точки зрения, нельзя определить смысл выражения *живой труп*.

Значения, «приспосабливаясь», качественно изменяются. Слово *труп* и слово *живой* получают метафорическое переосмысление, значение сочетания *живой труп* оказывается фразеологичным. Данное выражение используется, когда речь идёт о человеке опустившемся, потерявшем всякий интерес к жизни [ФС]. Таким образом, описывается пограничное состояние человека, находящегося между жизнью и смертью, но не столько в плане физического недомогания, сколько по психоэмоциональным причинам, которые раскрывают двуличность Мазепы. А.С. Пушкин подчёркивает лживость, хитрость и неестественности данного персонажа с помощью оксюморона.

Анализ примеров показывает, что оксюморон широко используется в характерологической функции [Арнольд 2002: 72].

Э.Г. Шестакова в своей монографии «Оксюморон как категория поэтики (на материале русской поэзии XIX – первой трети XX веков)» устанавливает метаязыковой статус данного приёма [Шестакова 2009]. Учёная считает, что анализ оксюморона «предполагает более тесную взаимосвязь оксюморонной образности и закономерности развития поэтического текста вообще» [там же: 51]. Кроме того, «исследование оксюморона базируется на взаимосвязи философско-эстетического, культурологического и теоретико-литературного подходов с преимущественным акцентом на последнем и с учетом лингвостилистических определений» [там же: 9]. С нашей точки зрения, понимание организации оксюморона является первичным и основным. Объяснив все особенности формирования риторического приёма, можно оценить его функцию с точки зрения поэтики, показать его значимость в произведении. Например: *Ей наяву снилось, как царство её рушилось и как на месте его легла мерзость запустения в близком будущем* (И.А. Гончаров «Обрыв»). Противоположные значения слов в словосочетании *наяву сниться* отражают общее эмоционально-психическое состояние героини романа «Обрыв» Татьяны Марковны Бережковой, которая понимает, что устанавливаемые ею правила и порядки, пестуемые ею многовековые традиции и моральные принципы, разрушаются под действием внешней, чужеродной силы. Вероятно, желание Татьяны Марковны, чтобы

трагические события лишь снились, соединяется с реальным осознанием яви. Оксюморон позволяет понять не только настоящее ощущение рушащейся основы жизни, но и то, что героиня понимает: до сей поры, поры неведения, она спала, а в сейчас сон столкнулся с реальностью.

Анализируя особенности сочетания лексем в оксюморе, мы должны обратить также внимание на тот факт, что значения слов, образующих оксюморонную конструкцию, могут рассматриваться как противоположности в рамках «существующей метакультурной поэтической традиции осмысления слов и понятий» [Шестакова 2009: 63]. Это означает, что оксюморон может быть создан соединением окказиональных антонимов. Например: *Я счастлив жестокой обидою...* (О.Э. Мандельштам «Из омуты злого и вязкого...»). В данном высказывании для осознания противоположности слов *счастье* – *обида*, составляющих словосочетание *счастлив обидою*, большую роль играет негативное представление об обиде, указывающее на грусть, душевную горечь, страдание, оскорбление, неприятности, и позитивное, определяющее радость, успех. В результате семантический компонент слова *обида*, связанный с семантикой грусти, страдания, реализует смысловую связь с противоположным семантическим компонентом радости и наслаждения в слове *счастье*. Узуальные значения слов **счастье** (‘состояние высшей удовлетворённости жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-либо; внешнее проявление этого чувства’) и **обида** (‘оскорбление, огорчение, причинённое кому-либо несправедливо, незаслуженно; чувство, вызванное этим оскорблением, огорчением’) не отражают глубину противоречия в душе лирического героя [БТС].

Таким образом, общий смысл, возникающий в результате взаимодействия названных смысловых компонентов, позволяет оценить остроту и многогранность переживаний лирического героя. См. также следующие контексты: *Чую, с гибельным восторгом – пропадаю, пропадаю!* (В.С. Высоцкий «Кони привередливые»); *Любовью чёрною я солнце запятнала* (О.Э. Мандельштам «Как этих покрывал и этого убора...»); *О, кто-нибудь, приди, нарушь чужих людей*

соединённость и разобщённость близких душ! (Е.А. Евтушенко «Со мною вот что происходит...»).

Итак, анализируя различные аспекты нелинейного соединения антонимов, мы показали не только основообразующие принципы оксюморона как риторического приёма, но и продемонстрировали, как он реализуется в речи.

4.3. Реконсилия

Реконсилия является одним из видов каламбура. Например: *Было так поздно, что уже становилось рано* (А.И. Солженицын «В круге первом»). Слова *поздно* – *рано* выражают противоположность в том случае, если они определяют период времени (утро или вечер) в рамках одного дня. Но в данном случае «один объект или ситуация высказывания соотносится адресатом с двумя объектами (ситуациями) действительности» [Габидуллина 2013]. То есть, говоря о том, что было поздно, автор имеет в виду конечный период одного дня, а указание на тот факт, что становилось рано, выступает свидетельством начала уже следующего дня. На ассоциативном уровне *рано* – *поздно* воспринимаются как закреплённые в узусе антонимы. Возникает противоречие смысла высказывания, поскольку одновременность существования противоположностей является нелогичным: не может, как следует по контексту, позднее время определяться как наступление раннего, если не учитывать факт бесконечной смены дня и ночи. Актуальный смысл высказывания можно определить так: произошла смена одного дня другим. Известно, что инженер-полковник Яконов задержался на работе настолько, что прошёл весь вечер и вся ночь, а затем наступило утро следующего дня, и когда Яконов вышел на улицу, было слишком рано для начала нового рабочего дня. Конец одних суток стал продолжением начала нового дня.

Фактически в данном контексте *рано* – *поздно* антонимами не являются, поскольку эти слова не могут выражать максимального различия. *Рано* – *поздно* называют периоды разных дней: *поздно* обозначает конец одного дня, а *рано* – начало другого дня. Если бы *рано* – *поздно* номинировали периоды одного дня, тогда между этими словами существовала семантическая противоположность.

Таким образом, происходит невольное наложение значений в словах *рано* – *поздно*: с одной стороны, *рано* – *поздно* выражают противоположность, с другой стороны, *рано* – *поздно* не выражают противоположность. В первом случае парадигматика языка определяет *их* как антонимы, во втором случае осмысление контекста говорит, что *рано* – *поздно* не антонимичны.

Итак, рассмотренный пример показывает особенности процессов, реализующихся при образовании такого вида каламбура, как реконсилия.

Каламбур в обывательском понимании связывается с чем-то смешным, основанном на необычном сочетании слов. В научной среде изучению каламбура посвящено множество работ таких учёных, как Э.М. Береговская, В.З. Санников, Е.П. Ходакова, А.П. Сковородников. На наш взгляд, наиболее полное определение предлагает А.П. Сковородников: каламбур – это «разновидность языковой игры с установкой на комический эффект, конструктивную основу которой составляют стилистические фигуры, опирающиеся на такие парадигматические отношения в лексике, как полисемия, омонимия, паронимия (в широком смысле, включая параномазия) и антонимия: *Правый руль на «левой» машине* (КП, 29 дек. 1992); *Если история повторяется, значит, у неё склероз* (АиФ, №45 2000)» [КР].

В настоящей работе нас будет интересовать «механизм» создания реконсилии как вида каламбура, что позволит осмыслить особенности нелинейных отношений антонимов. Например, *Заманить светлым будущим можно только самых тёмных* (пример из [Береговская 2009: 67]). Термин «реконсилия» (от фр. *reconcilie* ‘примиряет’), предложенный Э.М. Береговской, номинируя этот вид каламбура, позволяет исследователям не только выделять реализуемые антонимами связи в ряде соположенных парадигматических отношений, но и анализировать конкретные примеры данного риторического приёма с учётом общих родовых признаков каламбура и специфических видовых черт [Береговская 2009: 63].

Отметим, что Э.М. Береговская считает, что суть реконсилии заключается в том, что «в отношения семантического контраста вовлекаются слова, которые не

имеют никаких оппозитивных сем» [Береговская 2009: 68]. Определим, как происходит в рассматриваемом контексте наложение и пересечение антонимичных и псевдоантонимичных значений: *светлый* (радостный, ничем не омрачённый) – *тёмный* (невежественный, отсталый, некультурный). В данном выражении эти слова не являются антонимами, но в нашем сознании *светлый* – *тёмный* представляются как противоположности, обозначающие степень освещённости, то есть *светлый* воспринимается как ‘хорошо освещённый, наполненный светом’, а *тёмный* – ‘лишённый света, освещения, плохо освещённый’ [БТС]. В результате в данном контексте в словах *тёмный* и *светлый* реализуются сразу два значения.

Таким образом, примеры показывают, что реконсилия представляет собой игру слов, возникающую в результате восприятия многозначных слов сразу в нескольких значениях, а также в результате смещения семантики с одного слова на другое и возникающего наложения актуального значения и предполагаемого. В риторически нейтральной речи у полисемантов в антонимические отношения вступают отдельные их значения, слово соотносится адресатом с одним объектом действительности. Благодаря языковой игре, которая составляет суть реконсилии, формируется выразительность и экспрессивность речи.

В отечественном языкознании, как замечает Э.М. Береговская, реконсилию «не вычлениют среди других родственных явлений» [Береговская 2009: 63]. Анализ конкретных иллюстраций и определение тех признаков, которые свойственны только данному приёму, позволяют оценить риторический потенциал антонимов в создании каламбура.

На следующем примере подробнее рассмотрим структуру реконсилии. и процесс семантических «переплетений».

Вы раздеваете людей, когда их одеваете (С.Я. Маршак «”Дорогому” портному»).

Реконсилия двухчастна, что обуславливается природой её образования – пара противоположных по значению слов *одеваете* – *раздеваете*. Как замечает Э.М. Береговская, один из компонентов помещается в теме, а другой в реме

[Береговская 2009: 68]. Порядок слов определяет коммуникативный состав предложения. Такой точки зрения придерживается О.Б. Сиротинина в своей работе, посвященной порядку слов в русском языке [Сиротинина 2003]. Первая часть высказывания включает в себя информацию, которая «известна из конситуации» и предопределена предшествующим контекстом [Ковтунова 2002: 42]. Вторая часть «заключает в себе основное содержание сообщения и является коммуникативным центром высказывания» [Ковтунова 2002: 7]. Это значит, что именно вторая часть является тем элементом в структуре реконсилии, который стимулирует «переплетение» смыслов.

Актуальное членение предложения указывает на расставленные структурно-смысловые акценты. В рассматриваемом примере ремой будет *Вы раздеваете людей*, а темой, соответственно, *когда их одеваете*.

Тема-рематическое распределение следует из содержания сатирического стихотворения, в котором идёт речь о жадном портном, пытающемся любыми способами нажиться на своих заказчиках. Герой произведения, будучи мастером по пошиву, *одевает* людей – это данное. Автор указывает на нечестность портного, который *раздевает* людей. Данное (тема) является лексическим основанием реконсилии, стимулирующим процесс семантической игры слов. Ядром темы выступает многозначный глагол **одевает**, который по контексту реализует значение «снабдить, обеспечить одеждой». Но в игру вступает второй компонент каламбура – *раздевает*. Поскольку в стихотворении говорится о нечестном дельце, разоряющем своих клиентов, мы можем отметить, что слово **раздевает** используется в значении «разорить, лишить богатства». Благодаря этому члену общей конструкции, который оказывается вершиной реконсилии, возникает комический эффект.

В первом значении слова *одевает* – *раздевает* семантически противоположны: облечь в одежду – снять одежду.

Таким образом, те значения слов *одевает* – *раздевает*, согласно которым они выражают семантическую противоположность, накладываются на значения, которые обуславливаются контекстом. Следовательно, формально должны

актуализироваться оба смысла, которые в процессе содержательного взаимодействия создают комический эффект, усиливающийся ещё и по той причине, что компоненты *одевает – раздевает* оказываются внешне сходными.

Именно такое окказиональное наложение значений в словах в одном высказывании обусловлено коммуникативной задачей – высмеять нерадивого портного-предпринимателя.

Но являются ли *одевать – раздевать* антонимами в этом высказывании? Следует отметить, что действия, которые выражают антонимы, на первый взгляд противоречат друг другу: одно исключает другое, поскольку нельзя одновременно одевать и раздевать. В данном случае семантика противоречия, возникающая между антонимами, не имеет какой-либо эстетической или выразительной функции, поэтому не может быть уместна. Это значит, что обозначаемые как противоположные действия друг другу не противоречат. Такое положение наводит на мысль, что слова *одевает – раздевает* вовсе не являются антонимами. Общий смысл высказывания подтверждает, что глаголы можно считать псевдоантонимами. При этом следует отметить, что если сразу два значения полисемантического слова актуализируются в контексте, то высказывание обретает двойной смысл. В данном случае нарочитая двусмысленность речи, средством воплощения которой является реконсилия, используется автором для сатирического изображения действительности.

Итак, в основе такого вида каламбура, как реконсилия, лежат языковые антонимы, которые, утрачивая в тексте смысловую противоположность, перестают быть таковыми. Стоит отметить, что семантический отголосок мнимых антонимических отношений сталкивается с контекстно обусловленным значением.

Обратим также внимание на тот факт, что реконсилия, как пишет Э.М. Береговская, способна «выполнять архитектурную функцию, т.е. быть структурной основой целого текста» [Береговская 2002: 50]. Рассматривая пример, мы увидели, что автор с помощью реконсилии намекает на нерадивость

портного. Фраза, содержащая реконсилию, подводит итог произведения, оказываясь в центре читательского внимания.

В результате такие сложные ассоциативно-смысловые переплетения позволяют акцентировать внимание на простой незамысловатой идее, которая может быть скучна для читателя, если будет сформулирована с помощью нейтральной конструкции. Укажем, что для любого каламбура, в том числе и реконсилии, важен сам процесс декодирования, поиска скрытого смысла, поскольку читатель, вникая в суть семантических переплетений между словами, получает эстетическое и интеллектуальное удовольствие. Рассматриваемый нами пример позволяет максимально аккумулировать читательский интерес именно на данном предложении и соотнести всё содержание данного произведения с этим выражением.

Как правило, приём реконсилии используется авторами для изображения комического, для представления неоднозначной оценки образа, для того, чтобы читатель обратил внимание на многомерность художественного пространства. См., например: *...на голову рухнули тетки, дядьки и жена – светлая шатенка с темным прошлым* (В.В. Шкваркин. «Страшный суд»); *Трепещет юной девы сердце / над платьев красочными кучами: / во что одеться, чтоб раздеться / как можно счастливей при случае?* (И.М. Губерман «Вот женщина: она грустит, что зеркало её толстит...»); *Болезнь принимает здоровые формы* (М.М. Жванецкий).

Итак, можно сделать вывод, что реконсилия основана на нелинейных отношениях антонимов, которые, в языке выражая взаимную противоположность, в контекстном употреблении утрачивают антонимическую связь.

Выводы

Нелинейные отношения, возникающие между антонимами в речи, лежат в основе языковой игры. Одним из существенных факторов, способствующих формированию данных отношений, является многозначность слов, выражающих семантическую противоположность. Благодаря сознательному использованию слов, которые в одном из своих значений выступают как антонимы, но в рассматриваемом контексте не выражают противоположности, создаётся двупланность высказывания, иронический подтекст. Пересечение смыслов актуализирует значимые в момент речи стороны описываемого предмета. Таким образом, лексико-семантические варианты полисемантов актуализируются в одном контексте для придания особой экспрессии, дополнительных смысловых оттенков. Для понимания задачи риторического приёма, основанного на нелинейных отношениях антонимов, большое значение имеет контекст произведения в целом.

Нелинейные отношения антонимов формируются разными способами, такими, как смещение значений, трансформация слова или семантически устойчивого словосочетания, разрушение парадигматической связи между антонимами, синтагматической связи в словосочетании, пересечение лексико-семантических вариантов слова.

Результатом нелинейных отношений антонимов является эффект обманутых ожиданий.

Нелинейные отношения находят отражение в приёмах оксюморона, антифразиса, реконсилии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные в ходе исследования выводы показывают, что в арсенале современных риторических средств особое место занимают риторические приёмы, строящиеся на антонимии. Многообразие этих средств объясняется отчасти тем, что в конкретном речевом высказывании в антонимические отношения, т.е. отношения противоположности, могут вступать не только слова одной части речи, но и слова с разной морфологической принадлежностью (явление межчастеречной антонимии), а также единицы, относящиеся к разным языковым уровням (антонимия слова и словосочетания). Привлекая к анализу собранного материала не только факты языковой лексической антонимии, но и антонимии речевой, мы определили состав риторических приёмов, строящихся на отношениях антонимии.

Сами эти приёмы разнообразны по структуре, функциям, семантическому эффекту, частоте употребления (ср., наиболее частотный приём антитезы и редкий – антиметабола). Однако общей чертой этих риторических приёмов является двухкомпонентная структура, которую задаёт антонимическая пара (или антонимические пары). Причём если даже в составе приёма использован один член антонимической пары (как в антифразисе или реконсилии), гипотетическая связь с его коррелятом становится основой риторического эффекта.

Для систематизации риторических приёмов, строящихся на антонимии, важным является тип развёртывания семантических отношений между антонимами в речевой цепи. Мы определили эти отношения как линейные и нелинейные.

Линейные отношения между антонимами реализуются при взаимодействии значения слова с противоположным значением его антонима. При этом каждый член антонимической пары используется только в одном значении. Смысл высказывания, в котором реализованы линейные отношения антонимов, формируется при последовательном осмыслении противоположных значений соотносительных слов.

На основе этого типа отношений создаются антитеза и её разновидности (антиметабола, мукабала, синкрисис и апофонема), которые различаются между собой либо частными функциями, либо особенностями расположения антонимов относительно друг друга. Так, например, для антиметаболы существенно перекрёстное, как в хиазме, расположение противопоставленных антонимов. Именно такая структура фразы (как правило, компактной, афористично звучащей) усиливает риторический эффект: *Воскресни дух, а **плоть** усни!* (А.А. Ахматова).

Свои структурные особенности есть и у мукабалы. Этот приём создаётся параллельным расположением нескольких антонимичных пар: *Вы свет, а я похож на **тьму**; / Вы веселы, а я печален; / Вы параллельны ко всему, / А я, напротив, **вертикален!*** (А.Ф. Вельтман). Синтаксическая развёрнутость мукабалы часто оказывается уместной в описаниях.

Анализ риторических приёмов, строящихся на линейной связи антонимов в речи, показывает, что смысловые отношения антонимов не ограничиваются отношениями противопоставления. Исследуя малоизученные риторические приёмы, такие, как аллойозис, альтернатеза, синециозис, дизъюнктеза и др., мы установили семантику других отношений между антонимами, а именно: сопоставление, сравнение, соединение, разделение, чередование. Тем самым мы подтвердили мнение Л.А. Новикова о разнообразии отношений, которые реализуют антонимы в речи. Однако, подчеркнём, формируются эти отношения в конкретной речевой цепи линейно, что позволяет объединить эти приёмы в одну группу.

При нелинейной связи антонимов в речи наблюдается их семантическое преобразование (сдвиг значения, приращение смысла или наложение значений). Такой эффект становится возможным, например, в случае полисемии слова, вступающего в антонимические отношения с другим словом текста. Если в одном и том же употреблении многозначного слова актуализируются сразу два его значения, каждое из них по-разному взаимодействует с антонимичным словом. Намеренность подобного использования многозначного слова (или слов) может

стать основой для алогизма, языковой игры, выразительности (*Болезнь принимает здоровые формы*).

В оксюморе нелинейный характер отношений компонентов проявляется, на наш взгляд, в том, что происходит синтез значений лексем. Первичные прямые, противоположные значения слов «наслаиваются» друг на друга, в результате формируется новое значение целостной единицы – словосочетания (*Жить, храня **веселье горя**, / Помня радость прошлых вёсен...* – В.Я. Брюсов).

В нашем исследовании мы обращали внимание и на те контексты, в которых в качестве «приёмообразующего» средства выступал лишь один член антонимической пары. Как было сказано выше, в таких случаях реализуется гипотетическая связь слова с его антонимом, т.е. антонимия задана имплицитно. В подобных употреблениях (это приёмы антифразиса и реконсилии) также происходит семантическое преобразование слов, что и позволило нам рассматривать их как разновидность нелинейной связи антонимов в речи.

Таковы основные различия приёмов, строящихся на линейных и нелинейных отношениях антонимичных единиц.

Существенным в описании каждого отдельного приёма является и его функциональная нагрузка, функциональный потенциал. Осмыслить мотивы действий героев, их рассуждения, внутренние искания помогают такие риторические приёмы, как акроте́за и дизъюнкте́за. Акроте́за, выражающая утверждение одного признака за счёт отрицания противоположного, и дизъюнкте́за, в основе которой семантика разделения, создают эффект диалогичности, представляют ход мысли действующих лиц. В то же время дизъюнкте́за показывает двойственность объекта: *И я не узнала – ты **враг** или **друг**, **Зима** это или **лето*** (А.А. Ахматова). Противопоставление антонимов в антите́зе подчёркивает и усиливает оппозицию изображаемых явлений, событий, персонажей и т.д. Сопоставление антонимов в аллои́озисе в равной мере показывает в несходном сходное, а в подобном различное, при этом не формируется резкой оппозиции, которая характерна для антите́зы (Ср.: антите́за *Райский одет был в **домашнее серенькое пальто**, сидел с ногами на диване. Иван*

Иванович был, напротив, в чёрном фраке – И.А. Гончаров «Обрыв» и аллойозис *Вы столичный житель, там живёте у источника, так сказать... не то, что мы, деревенские...* – там же). Основной целью синойкейозиса, основанного на отношениях сравнения между антонимами, является указание на преимущество одной противоположности перед другой. С помощью оксюморона описывается нередко эмоциональное, психическое состояние лирического героя. Приёмы антифразиса и реконсилии часто используются авторами для изображения комического, для представления неоднозначной оценки того, о чём говорится в тексте.

В описании особенностей риторических приёмов важным является и анализ их структуры. Некоторые риторические приёмы в формальном отношении сходны – они создадутся по модели однородных членов предложения, образуя пару. Но союзы используются разные: при антитезе противительные союзы *но, а* (*Слава греет, а позор жжёт*); при альтернатезе – разделительный союз *то..., то...* (*то негодую, то шутя*), при акротезе – противительный союз *а* (*не наяву, а во сне*); при дизъюнктезе – разделительный союз *или* (*честно это или нечестно, умно или глупо*). Более разнообразные средства связи могут быть в диатезе: *ни..., ни...; и, но и и др.*, которая строится обязательно на отрицании (*не старый, но и не молодой*); в аллойозисе (*а, же, в то время как, между тем как, тогда как и др.*). Названные структурные различия и определяют неодинаковый семантический потенциал исследованных риторических приёмов.

Итак, для определения сущностных, специфических характеристики каждого из приёмов важно учитывать семантику отношений антонимов, особенности взаимодействия антонимов, их месторасположение относительно друг друга в контексте.

Предложенная система риторических приёмов структурирует сведения о функциональных возможностях антонимов. Система имеет открытый характер: возможно, в речи сформируются и другие приёмы, основанные на антонимии. Способы представления мысли в речевом высказывании обновляются, поэтому существует потенциальная вероятность возникновения таких приёмов.

Перспектива дальнейшего исследования вопроса, по нашему мнению, может быть также связана с изучением особенностей риторических приёмов, базирующихся на омонимии, синонимии, паронимии, а также установлением общих принципов, по которым образуются данные риторические приёмы. Освоение этого направления позволит представить систему риторических приёмов, опирающихся на парадигматические отношения в лексике.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абрамов Н.М. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М.: Русские словари, 1999. – 431 с.
2. Агамурдова Р.Ш. Функционирование принципа противопоставления в элокутивно-орнаментальных лингвистических единицах русского языка: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Махачкала, 2009. – 22 с.
3. Аль-Хорезми. Математические трактаты. – Ташкент: Фан, 1983. – 306 с.
4. Античные теории языка и стиля. Под общей ред. О.М. Фрейденберг. – Ленинград: ОГИЗ-СОЦЭГИЗ, 1936. – 342 с.
5. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (Синонимические средства языка). – М.: «Наука», 1974. – 368 с.
6. Аристотель Аналитики первая и вторая. Перевод с греческого. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – 488 с.
7. Аристотель Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования/Сост. и подготовка текста С. И. Еремеев. — СПб.: Алетейя, 2002 г.; Киев: Эльга, 2002. – 832 с.
8. Аристотель Риторика (Перевод с древнегреческого и примечания О.П. Цыбенко под ред. О. А. Сычева и И.В. Пешкова.) Поэтика (Перевод В.Г. Аппельрота под ред. Ф.А. Петровского.) Сопровождающая статья В.Н. Марова. – М.: Лабиринт, 2000. – 224 с.
9. Арнольд И.А. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов.- 5-е изд., испр. И доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
10. Баско Н.В. Словообразовательная антонимия в русском языке (лингвистический и методический аспекты) Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти Галины Ивановны Рожковой / Ред. Л.П. Клобукова, В.В. Красных, А.И. Изотов. –□ М.: Диалог-МГУ, 1998. □ Вып. 6. – С. 51-59.
11. Береговская Э.М. Парные риторические фигуры // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и

- исторической поэтики: Материалы междунар. науч. конф., 1–3 окт. 2002, г. Гродно. – С. 42-50.
12. Береговская Э.М. Стилистика в подробностях. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009 – 232 с.
 13. Бобровская Г.А. Элокутивные средства газетного дискурса в коммуникативно-прагматическом аспекте (на материале русского языка): Автореф. дис. д-ра. филол. наук. – Волгоград, 2011. – 48 с.
 14. Боева Н.Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке: дис. д-ра. филол. наук. – М., 2001. – 367 с.
 15. Боева-Омелечко Н.Б. О понятии грамматической антонимии // Язык.Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК, Вып. 11, 2013. – С. 325-331.
 16. Борковская Т.О. Контраст как принцип продуцирования риторических приёмов (на материале текстов современной газетной публицистики и русской художественной литературы). «Речевое общение». // КрасГУ, Вып. 8-9 (16-17). 2006. – С. 187-196.
 17. Бочина Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: Автореф. дис. д-ра филол. наук. – Казань: 2003. – 50 с.
 18. Бочина Т.Г. О диалогичности русской пословицы: сб. науч. тр. [Электронный ресурс]. Т.Г. Бочина. - Казань, Унипресс, 2002. – С. 17. – URL: <http://www.ksu.ru/f10/publications/knigi/kn3/index.php?sod=11> (дата обращения: 17.04.2013).
 19. Бочина Т.Г. Приемы контраста в русской паремике. II международная конференция /Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы: Гранада, 8-10 сентября 2010 г. Гранада, 2010.-Т.1. С. 69-73. URL: http://kpfu.ru/publication?p_id=36945 (дата обращения: 22.01.2013).
 20. Бочина Т.Г. Сильное и слабое отрицание в русской паремике // *Słowo, Tekst, Czas*. XI. *Frazeologia słowiańska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym* / pod redakcją Mirosławy Hordy,

- Walerego Mokijenki, Tomasza Szutkowskiego I Harrego Waltera.- Szczecin, Greifswald, 2012.- 465-471. URL: shelly.kpfu.ru>e-ksu/docs/F2013973235/Bochina. (дата обращения: 28.11.2013).
- 21.БСЭ: Большая советская энциклопедия, Т. 11 /гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е издание. М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1973.
- 22.БСЭ: Большая советская энциклопедия, Т. 12 /гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е издание. – М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1973.
- 23.БСЭ: Большая советская энциклопедия, Т. 14 /гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е издание. – М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1973.
- 24.БСЭ: Большая советская энциклопедия, Т. 17 /гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е издание. – М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1974.
- 25.БСЭ: Большая советская энциклопедия, Т. 21 /гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е издание. – М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1975.
- 26.БТС: Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «НОРИНТ», 2000. – 1536 с.
- 27.Будагов Р.А. Введение в науку о языке: Учебное пособие. — М.: Добросвет-2000, 2003. – 544 с.
- 28.Булаховский, Л. А. Введение в языкознание, М.: Учпедгиз, 1953. – Ч. 2. – 174 с.
- 29.Бурканова О.П. Роль фигур противоположности в структурно-смысловой организации немецкого гимна // Вестник НЛГУ Выпуск 11. Язык и культура, 2010. – № 18. – С. 18-26.
- 30.Бутов В.Н. Синергетика и эволюционные процессы в языке [Электронный ресурс]. URL: ..._3-4/files/GN309_08.pdf (дата обращения: 17.04.2014).
- 31.Бычков В.В. Эстетика: Учебник. — М.: Гардарики, 2004. – 556 с.
- 32.БЭСЯ: Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
- 33.Введенская Л.А. Учебный словарь антонимов русского языка. М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005. – 320 с.

- 34.Вежбиньски Я. Семантика и стилистика произведений А. П. Чехова с антонимией в заглавиях // Язык как система и деятельность – 4, Ростов-на-Дону, 2013. – С. 160 – 164.
- 35.Виноградов В.В. Избранные Поэтика русской литературы. М.: Изд-во «Наука», 1976. – 511 с.
- 36.Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
- 37.Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове)/ Под ред. Г.А. Золотовой. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.
- 38.ВКП: Сидоров П.И., Парняков А.В. Введение в клиническую психологию: Т. I.: Учебник для студентов медицинских вузов. — М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2000. — 416 с.
- 39.Волков А.А. Курс русской риторики М.: 2001. [Электронный ресурс]. – URL: http://krotov.info/library/03_v/ol/kov_01.html (дата обращения: 28.11.2013).
- 40.Волощенко М.В. Реализация семантики сопоставления в сложном предложении: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2010. – 25 с.
- 41.ВР: Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. Изд. 2-е, существ. перераб. и доп. – М.: ЛЕНАНД. – 2006. – 376 с.
- 42.Выготский Л. С. Психология искусства /Предисл. А. Н. Леонтьева; Коммент. Л. С. Выготского, В. В. Иванова; Общ. ред. В. В. Иванова. – 3-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 573 с.
- 43.Габидуллина А.Р. Парадокс в афоризмах современных писателей // Научные записки Луганского национального университета. Серия «Филологические науки». Сборник научных трудов № 2 (38), 2013, С. 16-28. URL: [http://da21.luguniv.edu.ua/2_\(38\)_2013.docx](http://da21.luguniv.edu.ua/2_(38)_2013.docx) (дата обращения: 10.10.2013).
- 44.Габидуллина А.Р. Каламбурный парадокс в произведениях М.М. Жванецкого URL:

http://library.wksu.kz/index.php?option=com_docman&task=doc_download&gid=3217&Itemid=2&lang=kz. (дата обращения: 17.10.2013).

45. Гартман Н. Этика. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2002. – 708 с.
46. Гегель Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: «Мысль», 1974. – 452 с.
47. Головин Б. Н. Введение в языкознание. Изд. 3-е, испр. Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М.: «Высшая школа», 1977. – 303 с.
48. Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка / И.Б. Голуб. – М.: Высшая школа, 1986. – 265 с.
49. Грузберг Л.А. Антиномия – антонимия: взаимодействие или исключение? // Интернет-журнал «Филолог», № 9, 2009. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_9_160 (дата обращения: 04.12.11).
50. Гудкова, Я.А. Антонимия в первичном и вторичном поэтическом тексте (на материале произведений Дж.Г.Байрона «Дон Жуан» и А.С.Пушкина «Евгений Онегин» и их поэтических переводов): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2010. – 25 с.
51. Гураль С.К. Синергетика и лингвосинергетика // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». 2007. – № 302. – С. 7 – 9.
52. Егорченко О.Н. Стилистические фигуры контраста в современном русском литературном языке: семантико-структурно-функциональная характеристика: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Барнаул, 2006. – 18 с.
53. Елизарова Г.С. Функционально-стилистический аспект антонимических парадигм в художественных произведениях Л.Н. Толстого: дис. канд. филол. наук. – Sterlitaмак, 1994. – 168 с.
54. Ершова В. Е. Отрицание и отрицательная оценка как составляющие речевого конфликта: их функции и роль в конфликтном взаимодействии // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. – №354. – С.12 – 15.

- 55.Жирмунский В.М. Введения в литературоведение: курс лекций / под ред. З.И. Плавскина, В.В. Жирмунской. – Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 464 с.
- 56.Завьялов, В.Н. Союз «ТО...ТО» (Разноаспектная характеристика): дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2000. – 219 с.
- 57.Зееманн К.Д. Приемы аллегорической экзегезы в литературе Киевской Руси//ТОДРЛ. СПб.: 1993. Т. 48. – С. 105-120.
- 58.Зеленский В.В. Словарь аналитической психологии. М.: Высш. шк., 2000. – 120 с.
- 59.Зябирова О.Ю. Лингвистические особенности языка телевизионных и радиоанонсов // Университетские чтения – 2011. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Часть V. – Пятигорск: ПГЛУ, 2011. – С. 163 – 168.
- 60.ИАД: История античной диалектики / Под ред. М.А. Дынника. – М.: «Мысль», 1972. – 335 с.
- 61.Иванова В.А. О термине «антоним» // Русский язык в школе. 1980. – № 6. – С. 100 – 101.
- 62.Ивин А.А. Логика. Учебник для гуманитарных факультетов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. URL: <http://psylib.org.ua/books/ivina01/> (дата обращения: 11.08.2012).
- 63.Ильясова Р.С. Антонимия в современном чеченском языке в сопоставлении с русским языком: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Махачкала, 2013. – 20 с.
- 64.Инькова-Манзотти О.Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование). Монография. МГУ, М.: 2001. – 434 с.
- 65.Исаев А.В. К вопросу о соотношении лингвистического и логического в учении об антонимах // Научн. докл. высш. школы. Филологические науки. 1972. – №1. – С.49-56.

- 66.Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. - М.: «Наука», 1977. – 167 с.
- 67.Кант И. Сочинения в шести томах. Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Т. 5. – М.: «Мысль», 1966.– 564 с.
- 68.Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография – М.: Наука, 1976. – 355 с.
- 69.Киреев А.А. Об антонимах // Русский язык в школе. 1954. – № 3. – С.10 – 13.
- 70.Клюев Е.Р. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М.: «Издательство ПРИОР», 1999. – 272 с.
- 71.Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: Учебное пособие. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
- 72.Кожевникова О.С. О соотношении понятий «контраст» и «противоречие» в исследованиях по стилистике (статья) // Журнал «Вестник КрасГУ». Серия «Гуманитарные науки». – 2006. – № 3/2. – С. 204–206.
- 73.Колесников Н. П. Словарь антонимов русского языка. Под ред. чл.-корр. АПН СССР проф. Н.М. Шанского, Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1972. – 314 с.
- 74.Комиссаров В.Н. Словарь антонимов современного английского языка. М.: Изд-во “Международные отношения”, 1964. – 288 с.
- 75.Комиссаров В.Н. Аффиксальные слова-антонимы в современном английском языке // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – 1962. – № 2. – С.168 – 174.
- 76.Копнина Г.А. Конвергенция стилистических фигур в современном русском литературном языке (на материале художественных и газетно-публицистических текстов): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Красноярск, 2001. – 27 с.
- 77.Копнина Г.А. О системе риторических приёмов современного русского литературного языка // Системное и асистемное в языке и речи: материалы Международной научной конференции (Иркутск, 10-13 сентября 2007 г.) /

- под ред. М.Б. Ташлыковой. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2007. – С. 551 – 557.
- 78.Копнина Г.А. Риторические приёмы современного русского языка: опыт системного описания: Автореф. дис. д-ра. филол. наук. – Красноярск, 2010. – 38 с.
- 79.Кормилицына М.А., Ерастова И.А. Коммуникативно-прагматические функции средств речевой рефлексии в общении // Предложение и слово. – Саратов, 2000. – С. 252 –257.
- 80.Корнилова Л.А. Лексико-семантический анализ антитезы в сонетах В. Шекспира. URL: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/35.html (дата обращения: 15.02.2011).
- 81.Корюкина Е.С. Об одной разновидности каламбура // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности: сборник научных статей. – 2012. – Вып. 7. – С. 129 – 133.
- 82.Корюкина Е.С. Проблема определения антитезы в терминологических словарях и справочниках // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 5. Часть 1. – С. 300 – 303.
- 83.Корюкина Е.С. Риторические возможности лексических антонимов. // Вестник ННГУ. Серия «Филология». – 2011. – №6. Часть 2. – С. 309 – 313.
- 84.Корюкина Е.С. Синецииозис: основные принципы и образующие единицы //Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2013. – № 24. Вып.5. – С. 83 – 88.
- 85.Корюкина Е.С. Антитеза как способ систематизации образов в романе И.А. Гончарова «Обрыв» // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов, 2013. – С.27 – 32.
- 86.Корюкина Е.С. Парадиастола как риторический приём // Вестник ННГУ. Серия «Филология». – 2013. – №6 – С. 426 – 428.
- 87.Корюкина Е.С. Понятие противоположности в философской и лингвистической науках // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сборник научных статей по материалам

международной научной конференции молодых учёных. Вып. 11. 11-15 марта 2012. – С. 154 – 160.

88. Корюкина Е.С. Теоретическое обоснование для классификации риторических приёмов, основанных на антонимии // Вестник ННГУ. Серия «Филология» 2013. – № 6 (2). – С 111 – 113.
89. Корюкина Е.С. Является ли антифразис речевой разновидностью энантиосемии? // Материалы Межрегиональной конференции по вопросам функционирования русского языка как государственного языка РФ. Москва, 31 октября – 2 ноября 2012. – С. 88 – 92.
90. КР: Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – 2-е изд., испр. М.: Флинта : Наука, 2007. – 840 с.
91. Крушельницкая К.Г. Проблема взаимосвязи языка и мышления. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. - М., 1970. - С. 371 – 416.
92. Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учеб. Пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Л.П. Крысин. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 240 с.
93. Лайонз Джон Введение в теоретическую лингвистику. Пер. с англ. под ред. и с предисловием В.А. Звегинцева. М.: «Прогресс», 1978. – 543 с.
94. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика / Вступ. ст. А.А. Тахо-Годи; Худож.-оформитель Б.Ф. Бублик. — М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2000. – 624 с.
95. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб: «Искусство – СПб», 1996. – 848 с.
96. ЛС-С: Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., исправл. и доп. – М.: Наука, 1975. – 721 с.
97. Львов М.Р. К вопросу о типах лексических антонимов // Русский язык в школе. – 1970. – №3. – С. 71 – 76.

98. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2 000 антоним. пар / Под ред. Л.А. Новикова. – 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1988. – 384с.
99. ЛЭС: Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов в двух томах / Под ред. Н.Л. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В.Л. Львова-Рогачевского, М.Н. Розанова и В.Е. Чешихина-Ветринского, М. – Л.: Изд-во Л.Д. Френкель. – 1925 с.
100. ЛЭТ: Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н.Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
101. Ляпун С. В. Ирония в газетной публицистике конца XX – начала XXI веков: стилистический приём и стилевая тенденция // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2009. – №1. – С.115 – 120.
102. Малый академический словарь. М.: Институт русского языка Академии наук СССР. Евгеньева А. П.. 1957—1988. Т 4.
103. Малый академический словарь. М.: Институт русского языка Академии наук СССР. Евгеньева А. П.. 1957—1988. Т 3.
104. Малых Л.М. Статус категории сравнения в современных лингвистических исследованиях // Вестник Удмуртского университета, Вып 2, – 2011. – С. 105 – 110.
105. Ман П. де. Аллегории чтения: Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста: Пер. с англ./ Пер., примеч., послесл. С.А. Никитина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 368 с.
106. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М.: Политиздат, 1983-85.
107. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т 1. К критике Гегелевской философии права. Издание второе, М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
108. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов, Издательство иностранной литературы, М.: 1960. – 235 с.

109. Матвеев Б.И. Антонимы и их стилистические функции // «Русский язык». – 2001. – № 38. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200103805> (дата обращения: 15.02.11).
110. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский словарь, культура речи, стилистика, риторика. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 432 с.
111. Матвиевская Л. А. Контраст и антитеза (на материале произведений М.Ю. Лермонтова) // Русский язык в школе, 1978. – №5. – С. 62 – 73.
112. Матвиевская Л. А. О стилистическом использовании антонимов в лирике и поэмах М. Лермонтова // Русский язык в школе, 1977. – №2. – С. 66 – 73.
113. Матвиевская Л. А. Оксюморон в творчестве М.Ю. Лермонтова // Русский язык в школе, 1978. – №4. – С. 64 – 68.
114. Миллер Е.Н. Антонимы разных частей речи // Русский язык в школе. 1987. – № 5 – С. 87 – 91.
115. Миллер Е.Н. Межчастеречная антонимия // Филологические науки. 1981. – №1 – С. 79 – 82.
116. Миллер Е.Н. Характер и форма функционирования лексической и фразеологической антонимии в речи // Русский язык в школе. 1980. – № 3 – С. 76 – 79.
117. Милованова М.С. Противительность как структурно-семантическая категория // Филологические науки. 2010. – № 3 – С. 40 – 50.
118. Миргородская В.В. Семантическое употребление союзов *а* и *но* // Филологические науки. 2005. – №5 – С. 95 – 102.
119. Морковкин В.В. Идеографические словари. – М.: Издательство Московского университета, 1970. – 72 с.
120. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2006. – 184 с.
121. Муратова Е.Ю. С.В. Николаенко Нестандартные синтагматические связи прилагательного с существительным как источник образности

- поэтического текста // Материалы десятой международной конференции, посвящённой 60-летию кафедры русского языка. – 2013. – С. 391 – 395.
122. Муратова Е.Ю. Синергетический подход к проблеме смыслопорождения в системе поэтического языка // Веснік БДУ. Сер. 4. 2009. – № 3. – С. 54 – 57.
123. Новиков Л. А. Контраст // Энциклопедия. Русский язык. / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 198 – 211.
124. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). – М.: Изд-ва Моск. ун-та, 1973. – 290 с.
125. Новиков Л.А. Логическая противоположность и лексическая антонимия.//Русский язык в школе – 1966. – № 4. – С. 79 – 87.
126. Новиков Л.А. Русская антонимия и её лексикографическое описание, 1984 // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2 000 антоним. пар / Под ред. Л.А. Новикова. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1988. – 384 с.
127. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учеб пособие. – М.: Высш. школа, 1982. – 272с.
128. Новиков Л.А. Типы антонимов в русском языке (структурная классификация) // Русский язык в школе. – 1973. – № 4. – С. 69 – 76.
129. Новикова Ю.О. Речевая антонимия как отражение обыденной картины мира (на материале американского варианта английского языка): Автореф. дис. канд. филол. наук. – СПб.: 2010. – 25 с.
130. Общая риторика. Пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др.; Общ. ред. и вступ. ст. А.К. Авеличева. – М.: Прогресс, 1986. – 392 с.
131. Огольцева Е.В. Антонимия в системе образных значений Слово в языке и речи. Междунар. сб. науч. тр. в честь 70-летия проф. О.И. Литвинниковой. – Елец: изд-во Елецкого гос. ун-та им. И.А. Бунина, 2009. – С. 254 – 259.
132. Павлович Н.В. Семантика оксюморона // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. – С. 238 – 247.

133. Пекарская И.В. Силлепсис, снятие, солецизм, зевгма, анаколуф (к проблеме терминологической точности в системе стилистических фигур) // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации / КрасГУ; Под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 1 (9). Красноярск: 2000. – С.67 – 77.
134. Пешковский А.М. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. – 252 с.
135. Платон Собрание сочинений в четырёх томах. Т. 1. / Общ. ред. А.Ф. Лосева и др. М.: «Мысль», 1990. –860 с.
136. Плотникова М.В. Стилистические фигуры противопоставления в балладах Франсуа Вийона // В мире научных открытий Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. – №4.4(28) (Гуманитарные и общественные науки). – С. 24 – 35.
137. Полухина В. Опыт словаря тропов Бродского // Митин журнал. – 1995. – № 52. – С. 106-126. URL: <http://www.vavilon.ru/metatext/mj52/poluhina.html> (дата обращения: 22.12.2012).
138. Приходько В.К. Выразительные средства языка: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.К. Приходько. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 256 с.
139. ПРС: Иванюк Б.П. Поэтическая речь: словарь терминов / Б.П. Иванюк. М.: Флинта: Наука, 2007. – 312 с.
140. ПС: Психологический словарь / Под общей науч. ред. П.С. Гуревича – М.: ОЛМА Медиа Групп, ОЛМА ПРЕСС Образование, 2007. – 800 с.
141. ПСК: Квятковский А. П. Поэтический словарь / Науч. ред. И. Роднянская. М.: Сов. Энцикл., 1966. 376 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/kps/kps-abc/>.
142. ПЭК: Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха / Перев. с англ. А. Алексеев, Ю. Ахмедова и др. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 1096 с.
143. Радлов Э.Л. Философский словарь СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1911. – 284 с.

144. Рождественский Ю.В. Теория риторики: учеб.пособие / Ю.В. Рождественский; Под ред. В.И. Аннушкина. – 4-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 512с.
145. РС: Хазагеров Г.Г. Риторический словарь / Г.Г. Хазагеров. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 432 с.
146. Русская грамматика. Том II. Синтаксис. / Гл. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, Институт русского языка Академии наук СССР. 1980. – 709 с.
147. Русский язык: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, Л.П. Крысин и др.; Под ред. Л.Л. Касаткина. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 768 с.
148. Савова М.Р. Выразительность // Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. -2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской; сост. А.А. Князьков. М.: Флинта: Наука, 1998. – С. 29 – 30.
149. Сазонова В.А. Антонимы как средство выражения контраста в языке и художественной речи (на материале прозы А.П. Чехова): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Красноярск, 2011. – 22 с.
150. Салех Г.А. Стилистические функции антонимов в русской и арабской публицистике (1995-1999 гг): дис. канд. филол. наук. – М., 2000. – 202 с.
151. Санников В.З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания. 1995. – №3 – С.56 – 69.
152. Сиротинина О.Б. Порядок слов в русском языке / О.Б.Сиротинина. 2-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 172 с.
153. Скибина В.И. К проблеме классификации антонимов // Интернет-журнал СахГУ «Наука, образование, общество», 2006. URL: <http://journal.sakhgu.ru/work.php?id=34> (дата обращения: 09.12.2012).
154. СЛ: Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике - М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с.
155. СЛТ: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное, М.: «Советская энциклопедия», 1969. – 608 с.

156. Смолина А.Н. Паралогические приёмы в творчестве Эрнста Теодора Амадея Гофмана // Мир науки, культуры, образования. 2012. – № 4 (35) – С. 95 – 97.
157. Соколов О.М. Энантиосемия в кругу смежных явлений // Филологические науки. 1980. – №6 – С. 36 – 42.
158. Соколова Н.Л. К проблеме определения и классификации антонимов и их стилистического использования // Филологические науки. 1977. – №6 – С. 60 – 69.
159. Соловьёва В.С. Антитеза в хиазмах Блока // Русский язык в школе, 1980. – №5. – С. 46 – 50.
160. ССЛТ: Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Просвещение. – 1976. – 543 с.
161. СТЛБ: Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. – СПб.: Паритет, 2007. – 320 с.
162. СТМ: Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева, Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
163. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: 1998. – С. 14–288.
164. Сухомлинова, Ю.А. Бинарные оппозиции в творчестве Андрея Платонова: дис. канд. филол. наук. – Самара: 2005. – 161 с.
165. СЭС: Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожин; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковордников. – 2-е изд., испр. и доп. –М.: Флинта: Наука, 2006. – 696 с.
166. Тихомирова А.В., Махницкая Е.Ю. Антитеза как фигура контраста в заголовках английских и русских газет / VI Международная научно-практическая Интернет-конференция «АЛЬЯНС НАУК: УЧЕНЫЙ – УЧЕНОМУ» 25-26.02.2011: URL:

http://www.confcontact.com/20110225/fl2_tihom.php (дата обращения: 17.02.2013).

167. Толстая А.Л. Антонимия как механизм создания контраста в современной публицистической речи (на материале русского и немецкого языков: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2010. – 21 с.
168. Торосян М.С. Феномен контраста в аспекте концептуальной организации художественного текста (на материале языка послевоенной прозы): дис. канд. филол. наук. – Ставрополь, 2005. – 184 с.
169. ТСУ: Толковый словарь русского языка. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ООО Издательство «Астрель», ООО Издательство АСТ, 2000. Т 3, 4.
170. Тютюнник В.Ю. Некоторые особенности лингвистических проблем терминологии в свете мировых интеграционных процессов // Вестник Днепропетровского ун-та. Серия «Языкознание». – 2011. – № 17 (2). URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/natural/vdpu/Movozn/2011_17_2/article/26.pdf (дата обращения: 11.08.2012).
171. Уськин А.С. Квазиантонимичность неоднородных определений. Науч. докл. высш. шк. // Филологические науки. – 1989. – № 5. – С. 82-85.
172. ФР: Горте М.А. Фигуры речи: терминологический словарь / М.А. Горте. – М.: ЭНАС, 2007. – 208 с.
173. Фразеологический словарь русского языка / Авторский коллектив: проф. Федосов И.В., канд.ф.н. Лапицкий А.Н. - М.: - «ЮНВЕС». – 2003. – 603 с.
174. ФС: Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
175. Хазагеров Г.Г. Риторика vs. стилистика: семиотический и институциональный аспект // Социологический журнал. – 2008. – № 2. URL: <http://hazager.ru/pragmatica/69-vs-.html> (дата обращения: 11.08.2012).
176. Хазагеров Т.Г. Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов / Отв. ред. Е.Н. Ширяев. -2-е изд., перераб. и доп. / Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 320 с.

177. Ходакова Е. П. Каламбур в русской литературе XVIII века // Русская литературная речь в XVIII веке: Фразеологизмы. Неологизмы. Каламбуры. М.: 1968. – 201 с.
178. Цикушева И. В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – №90. – С.169-171. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-yazykovoy-igry-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 10.10.2013).
179. Цоллер В.Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия в русском языке // Филологические науки. 1998. – №4 – С. 76 – 83.
180. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. 2 изд., М.: Просвещение, 1972. – 327 с.
181. Шестакова Э.Г. Оксюморон как категория поэтики (на материале русской поэзии XIX – первой трети XX века). – Донецк : НОРД-ПРЕСС, 2009. – 209 с.
182. Шмелёв Д. Н. Современный русский язык. Лексика: учеб. пособие для студентов пед. инс-тов специальности «Русский язык и литература», М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
183. Штафун Н.В. Амплификация в произведениях В.С. Высоцкого «Гамлетовского периода». URL: <http://vv.mediaplanet.ru/static/upload/Stafun%202008.doc> (дата обращения: 17.04.2013).
184. Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. – 353 с.
185. ЭРЯ: Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. — 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1997. – 703 с.
186. ЭС: Горнфельд А. Троп // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь (Т-Ф). Электронная библиотека «Библиотека.сс». – URL: <http://biblioteka.cc> (дата обращения: 20.11.2012).

187. ЭС-С: Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. / под ред. А.П. Сковородникова. – 3-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 480 с.
188. ЭСТ: Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные статьи. М.: 1996. – 172 с.
189. ЭФиС: Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 1093 с.
190. Юнг К. Психологические типы / Пер. с нем. - М.: «Университетская книга», ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – 720 с.
191. Billinger E.W. Figures of Speech Used in the Bible. URL: http://www.yahsword.com/filebrowser_download/20?path=/Figures_of_Speech_Used_in_the_Bible-E._W._Bullinger.pdf (дата обращения: 18.02.12).

Источники

Художественная литература

- Астафьев В.П. Повести, рассказы / Подгот. текста Л. Полосиной. М.: Худ. литература.
1985. Ахмадулина Б.А. Избранное: Стихи. М.: Сов. писатель, 1988.
- Ахматова А.А. Собрание сочинений в 2-х томах. - М.: «Правда», 1989.
- Блок А.А. Стихотворения. Поэмы. М.: Художественная литература, 1978.
- Брюсов В.Я. Избранное. М.: Издательство «Московский рабочий», 1979.
- Вознесенский А.А. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: Изд-во АСТ, 2000.
- Высоцкий В.С. Клич: стихи. Красноярск: Кн. изд-во, 1988.
- Гарин-Михайловский Н.Г. Собрание сочинений, т. 3. М.: Гослитиздат, 1957.
- Гоголь Н.В. Собрание сочинений в четырёх томах. М.: «Правда», 1968.
- Гончаров И.А. Собрание сочинений в шести томах. М.: «Правда», 1972.
- Грибоедов А.С. Горе от ума. М.: «Детская литература». 1975.
- Губерман И.М. Собрание сочинений в 4-х томах. М.: Время, 2009.
- Достоевский Ф.М. Записки из мёртвого дома. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1982.
- Евтушенко Е.А. Собрание сочинений в 8 томах. М.: Астрель, 2012.
- Есенин С.А. Собрание сочинений в трёх томах. М.: «Правда», 1970.
- Жванецкий М.М. Десяностые. М.: Время, 2006.
- Жуковский В.А. Избранные баллады. Кемеровское книжное издательство, 1978.
- Заболоцкий Н.А. Стихотворения. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1983.
- Зощенко М.М. Избранное. М.: «Правда», 1990.
- Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев: Роман. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989.
- Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. М.: Художественная литература, 1964-1965.

- Лесков Н.С. Собрание сочинений в двенадцати томах. М.: «Правда», 1989.
- Мандельштам О.Э. Стихи. Пермское книжное издательство. 1990.
- Маяковский В.В. Избранные сочинения в двух томах. М.: Художественная литература, 1982.
- Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо. Электронный ресурс:
http://az.lib.ru/n/nekrasow_n_a/text_0290.shtml
- Окуджава Б.Ш. Избранные произведения в 2 тт. М.: Художественная литература, 1989
- Прутков Козьма Сочинения. М.: «Правда», 1986.
- Пушкин А.С. Собрание сочинений в шести томах. М.: «Правда», 1969.
- Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина; Предисл. В. Аникина; Сост. Ф. Селиванов; Б. Кирдан; В. Аникин. М.: Художественная литература, 1988.
- Симонов К.М. Первая любовь. М.: Художественная литература, 1986.
- Солженицын А.И. В круге первом. Электронный ресурс:
<http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/vkp1.txt>;
<http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/vkp2.txt>
- Солженицын А.И. Раковый корпус. Электронный ресурс:
<http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/rk.txt>
- Солоухин В.А. Стихотворения. Библиотека поэзии «Россия». М.: Современник, 1982.
- Строфы века: Антология русской поэзии. М.: Полифакт. Итоги века, 1999.
- Твардовский А.Т. Василий Тёркин. Электронный ресурс:
<http://www.lib.ru/POEZIQ/TWARDOWSKIJ/terkin.txt>
- Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22-х т. М.: Художественная литература, 1965.
- Тургенев И.С. Собрание сочинений в 12-ти т. М.: Художественная литература, 1975.
- Цветаева М.И. Стихотворения. М.: Эксмо, 2008.
- Чехов А.П. Собрание сочинений в 8 т. М.: «Правда», 1970.
- Чудное мгновенье. Любовная лирика русских поэтов. В 2 книгах. М.: Художественная литература, 1988.
- Шкваркин. В.В. Страшный суд. М.: Советский писатель, 1954.
- Эмиль Кроткий Отрывки из ненаписанного. Л.: Художник РСФСР, 1966.

Газеты

«Земля Нижегородская»
 «Телесемь»
 «Культура»
 «Русский репортер»
 «Московский комсомолец»
 «Аргументы и факты»
 «Моя весёлая семейка»
 «Нижегородская правда»